

Казанский федеральный
УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ
международных
отношений

АСПИРАНТСКИЕ ЧТЕНИЯ 2023

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
В РЕШЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
НАУКИ И ПРАКТИКИ

Казань
26-28 апреля 2023 г.

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

АСПИРАНТСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023

**ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
В РЕШЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НАУКИ И ПРАКТИКИ**

**Электронный сборник материалов
научно-практической конференции**

Казань, 26–28 апреля 2023 г.

**КАЗАНЬ
2023**

УДК 3(082)
ББК 60я43
A90

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Института международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Научные редакторы:

доктор исторических наук, профессор **Р.М. Валеев**;
кандидат исторических наук, доцент **М.В. Григер**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **А.А. Литвин**;
доктор исторических наук, профессор **Т.А. Титова**

Аспирантские чтения – 2023 [Электронный ресурс]: исследования молодых ученых в решении актуальных проблем науки и практики: электронный сборник материалов научно-практической конференции (Казань, 26–28 апреля 2023 г.). – Электронные текстовые данные (1 файл: 505 КБ). – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – 162 с. – Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <https://kpfu.ru/imoiv/struktura/centr-magistratury-i-aspirantury/centr-aspirantury-104021/sborniki-konferencij-39aspirantskie-chteniya39>. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-00130-730-3

В издание вошли статьи аспирантов, исходя из тематики их научных исследований, отвечающие общему направлению заявленной конференции. Материалы включены в сборник в авторской редакции. Авторы несут ответственность за содержание материалов, достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных.

УДК 3(082)
ББК 60я43

ISBN 978-5-00130-730-3

© Издательство Казанского университета, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Афанасьева Татьяна Валерьевна

Газета «Вечерняя Казань» об участии горожан в благоустройстве городского пространства в начале 2000-х гг.....6

Аюш Тумур-Очир

Историография золотой орды в Монголии.....11

Блинников Денис Георгиевич

Штат и денежное довольствие служащих военно-учебных заведений в Татарии на примере 1-х Казанских Советских командных пехотных курсов в 1918 г.....17

Валишин Искандер Айратович

Этноконфессиональные и социальные аспекты создания татарских полков в конце XVIII века.....23

Гасанов Самир Комиссар Оглы

Соучаствующее проектирование как инструмент создания дружественной среды для молодежи (на примере г. Лениногорск Республики Татарстан).....27

Егоров Никита Игоревич

Английская антикатолическая политика и начало процесса эмансипации британских католиков в конце XVIII века.....34

Ермилов Андрей Дмитриевич

Нейронное оружие: особенности и угрозы новейших средств ведения «неклассической войны».....39

Журавлев Денис Сергеевич

Школьные реформы конца 1920–1930-х гг. как фактор преобразования детского пространства в отечественной историографии второй половины XX в.....47

Канг Кён Мин

Влияние «армянского вопроса» на вступление Турции в Европейский Союз.....52

Кисленко Андрей Олегович

Географический пессибилизм как предпосылка возникновения экологической истории.....57

Магдеев Рафик Рашитович

Российско-японские отношения в период 2012–2022 гг.: вызовы и угрозы.....62

Меньшов Алексей Владимирович Роль глокализации в развитии народной культуры восточно-европейской провинции в условиях глобализирующегося мира.....	68
Мингалиев Арслан Хайрутдинович Этническая идентичность в инокультурном окружении и интеграция в принимающее сообщество в молодёжной среде: опыт граждан стран Центральной Азии – студентов КФУ.....	74
Мулеев Антон Олегович Конфликты горожан с королём Генрихом VI.....	81
Осо Роза Науаф Мамлюкские археологические памятники.....	87
Отарчиев Алим Маратович Советская Россия и Гоминьдан 1919–1922 гг.....	92
Сигал Даниил Евгеньевич Эффекты деятельности IT-компаний США на международное окружение.....	97
Сурин Олег Александрович Троянские сюжеты в раннем древнегреческом историописании: их место в представлениях о прошлом.....	103
Тамунделе Жан-Баптист Нгей Природа источников конфликта в Африке.....	110
Туфетулов Тимур Айдарович Проблема нелегальной миграции из стран Африки в Испанию.....	116
Хасанов Тимур Наилевич Реформа военного обмундирования в период царствования Александра II.....	121
Шайдуллин Ильнур Ильмирович Татарские сельские школы в 1920-е годы и введение Яналифа.....	126
Шакирова Айсылу Ильгизовна Образовательный уровень учителей уездных училищ Казанской губернии в первой половине XIX в.....	133

Шарапов Антон Михайлович Медиа противостояние США и России во время президентства В.В. Путина и Д. Трампа.....	140
Шарапов Марсель Айратович Исторические предпосылки становления малого предпринимательства в Республике Татарстан.....	146
Юрдакал Осман Отношения государства Ширваншахов с Московским государством.....	151
Якупов Альберт Гумарович Деятельность Казанской городской думы по оценке недвижимости: аспект пополнения городского бюджета в 70-е гг. XIX в.....	156

**ГАЗЕТА «ВЕЧЕРНЯЯ КАЗАНЬ» ОБ УЧАСТИИ ГОРОЖАН
В БЛАГОУСТРОЙСТВЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.**

Афанасьева Татьяна Валерьевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
E-mail: t-afanasyeva-t@ya.ru
Научный руководитель – Сальникова Алла Аркадьевна, д.и.н., профессор
кафедры отечественной истории,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В статье рассматривается роль общегородской газеты «Вечерняя Казань» в вовлечении казанцев в деятельность по благоустройству городской среды в начале 2000-х годов. Разные формы участия горожан в развитии и преобразовании пространства города говорят о высоком проявлении гражданской активности, в частности, в решении экологических проблем.

Ключевые слова: история, Казань, горожане, благоустройство города, газета «Вечерняя Казань», первая половина 2000-х гг.

**THE NEWSPAPER «EVENING KAZAN» ABOUT THE PARTICIPATION OF CITIZENS
IN THE IMPROVEMENT OF URBAN SPACE
IN THE EARLY 2000S**

Afanaseva Tatyana Valerievna
Kazan (Volga Region) Federal University,
E-mail: t-afanasyeva-t@ya.ru

Abstract. The article examines the role of the city newspaper "Evening Kazan" in involving Kazan citizens in urban improvement activities in the early 2000s. Different forms of citizens' participation in the development and transformation of the city's space indicate a high civic activity, in particular, in solving environmental problems.

Keywords: history, Kazan, citizens, city improvement, the newspaper "Evening Kazan", the first half of the 2000s.

Введение

В начале 2000-х годов проблемы экологии Казани регулярно освещались журналистами общегородской общественно-политической газеты «Вечерняя Казань», выходявшей с 1979 года, в особом разделе. Раздел назывался «Проблемы экологии». Газета «Вечерняя Казань» является основным источником исследования проблемы участия горожан в благоустройстве городского пространства. В этом разделе газета рассказывала читателям о посадке новых деревьев, состоянии городского воздуха, ситуации с мусором, о создании экологических десантов из числа школьников, о предполагаемом строительстве Башкирской АЭС и многом другом.

В исследованиях трансформации городского пространства особое внимание следует уделить не только решениям администрации города, принятым по тому или иному вопросу, но и участию горожан в преобразовании окружающего их пространства. Несмотря на отсутствие у жителей города необходимых ресурсов для проведения масштабных изменений, удовлетворяющих их потребности, улучшить состояние городского пространства через создание комфортной среды для проживания, они могут посредством участия в различных социальных проектах. Горожане могли поучаствовать в трансформации городской среды активно, принимая конкретные действия по благоустройству пространства города (субботники, экологические акции), или пассивно, выражая собственное мнение на страницах газеты (опросы, письма в редакцию).

Методы исследования

Для исследования материалов газеты «Вечерняя Казань» был использован метод источниковедения, благодаря которому установлены информационные возможности источника, дан анализ его свойств и оценка его информационных возможностей. Для изучения повседневного быта города Казани был применен локальный подход, что позволило выявить специфические особенности повседневных практик казанцев. Системно-структурный метод позволил рассмотреть повседневность как единую систему, где каждый элемент взаимосвязан друг с другом.

Результаты и их обсуждение

Одним из самых важных и доступных каждому мероприятий, направленных на решение городских проблем, является субботник. Под «субботником» следует понимать добровольное коллективное бесплатное выполнение какой-либо общественно полезной работы, получившее название по дню недели, когда изначально и производились такого рода работы (суббота) [1]. К 2000-м годам, особенно после распада Советского Союза в 1991 году, субботники утратили свою главную идейную составляющую коллективного труда и перестали быть примером «символического строительства» нового государства, нового общества, которая во многом превышала практическую значимость мероприятия [2, с. 103]. Сегодня под словом «субботник» по большей части предполагают выполнение работ по уборке территории. Тем не менее как важное общественное явление городского сообщества тема субботников продолжала существование и нашла отражение на страницах местной периодической печати, в частности в газете «Вечерняя Казань».

Сообщения о месячниках по уборке и благоустройству городской территории и субботниках традиционно появлялись на страницах «Вечерней Казани» в преддверии 1 мая, Праздника весны и труда. Таким образом, газета преследовала важную цель – привлечь внимание администрации и общественности города к сложившейся экологической ситуации. «Вечерняя Казань» считала, что казанцы не должны оставаться равнодушными к происходящему в их собственном городе, потому не только оповещала о предстоящих и уже случившихся переменах, но инициировала участие жителей в преобразовании городского пространства. К примеру, по прошествии очередного апрельского субботника в 2001 году она проводила опрос о необходимости организации субботников и об отношении к ним казанцев. В результате основным высказанным мнением было то, что «бесплатный труд на благо общества» необходим, чтобы обустроить город и «навести вокруг себя порядок» [3]. Публиковались также результаты прошедших «уборок города». Отмечалось число их участников, количество вывезенного

мусора и посаженных деревьев, охват территории [4]. В 2002 году газета в заметке под заголовком: «И впрямь, не мешало бы жить чище» отмечала, что в 2002 году «праздник труда прошел гораздо лучше и народ оказался более организованным», а в городском субботнике приняло участие 45 тысяч казанцев [5]. Активность горожан газета называла «коммунистической сознательностью», подчеркивая тем самым высокий уровень самоорганизации населения как отражение его гражданской позиции.

Однако, несмотря на общую позитивную оценку прошедших мероприятий, «Вечерняя Казань» не скрывала, что даже при участии горожан в санитарной очистке города в полном масштабе его экологические проблемы далеки от разрешения. Особенно остро затрагивался вопрос существования несанкционированных свалок. В частности, эта проблема поднимается в сообщении от 22 апреля 2003 года «Ветки убрали, а до свалок руки не дошли». Здесь также упоминается, что число участников в субботниках уменьшилось, на мероприятия вышли более 20 тысяч казанцев, при чем особенно активными участниками признавались жители Советского, Вахитовского и Московского районов города Казани [6]. О неудавшихся планах по благоустройству города «Вечерняя Казань» также рассказывала своим читателям. В газете публиковались сообщения о неудовлетворительном состоянии города, необходимости ремонта и уборки на определенных городских территориях. Интересно, что одно из таких критических сообщений появилось в газете накануне инаугурации президента РТ. Следует отметить, что высказывалась критика в адрес горожан, которые не вышли на субботник 7 апреля. Таким образом, поле ответственности за экологическое состояние города распространяется на всех субъектов городской среды – администрацию, городские сообщества и граждан [7].

Особое место в процессе трансформации городского пространства занимает 2005 год, когда столица Татарстана праздновала свой тысячелетний юбилей. В этом году большой субботник обсуждали на конференции в министерстве экологии и природных ресурсов, посвященной Международному дню земли. И.о. министра экологии и природных ресурсов А.И. Щеповских, заявил, что мероприятия, в том числе международная природоохранная акция «Марш парков», организованные с 22 апреля по 5 июня и завершившиеся празднованием Дня окружающей среды, имели «не практический, а пропагандистский и просветительский характер» [8]. Однако, на вопрос корреспондента «ВК» о критериях результативности такой работы ответа получено не было.

Идея о привлечении молодого поколения казанцев в контексте решения проблем экологии также звучала на страницах газеты. Так, в заметке «Вы не откажетесь от Скотских гор?» речь шла о существовании в школах города экологических десантов. Задачи школьных экологических десантов были уборка мусора в парках и скверах, наблюдение за птицами и растениями. Отмечалось, что объединенная дружина охраны природы (ОДОП) при КНИТУ инициировала включение в число особо охраняемых территорий участков между жилым массивом «Кварталов» (Ново-Савиновский район города) и Казанской ГАВМ имени Н.Э. Баумана по причине нахождения на указанном участке редких растений [9].

Стоит также отметить, что важным проявлением гражданской активности было участие горожан в экологических акциях по защите окружающей среды и сохранению оригинального облика города. Так, в марте 2001 жители Кировского района вышли на защиту лип, посаженных ими 36 лет назад, невзирая на рекомендации инспекции «Горводзеленхоза» [10].

Формы участия горожан в развитии и преобразовании городского пространства могут быть разными. Даже участие в опросах газеты, в том числе и упомянутом выше опросе о значении субботников, является проявлением пассивного участия в решении вопросов устройства городской среды, ведь цель проведения такого рода опросов – это получение мнения жителей города, выявление степени осознанности и заинтересованности в благоустройстве окружающего пространства [11]. Выразить свое отношение к происходящему в Казани и дать оценку жители города могли также, написав письмо в редакцию. Так поступила, например, Н. Давлетшина, подписавшаяся как «жительница тысячелетней Казани». В своем письме «Поможет ли нам шершавый язык плаката?» она сообщила о мусоре в самом центре Казани – на улице Баумана вокруг памятника Шалапину и призывала художников к созданию плакатов с целью повлиять на поведение казанцев и научить их любить свой город [12]. В другом письме, инженер Юрий Годовиков призывает обратить внимание на проблему загрязнения пляжей Казани, причем сам же предлагает варианты решения проблемы: «Намыть песок (или привезти его на баржах) в середине акватории Казанки, где есть течение, то есть между набережными издательства и Кремля. Между этим пляжем и Ленинской дамбой нужно оставить проем не менее 50 м, чтобы не препятствовать течению. В результате вода на таком пляже будет полностью меняться несколько раз в сутки, что и требуется...» [13].

Заключение

Таким образом, можно отметить активную позицию газеты «Вечерняя Казань» в области организации читателей на участие в благоустройстве столицы Татарстана в начале 2000-х годов. На страницах газеты освещались мнения администрации города, представителей городских сообществ и жителей Казани по ключевым вопросам организации городской среды. «Вечерняя Казань» не только фиксировала положительные результаты в деятельности казанцев, но также выступала и с критическими материалами. Материалы газеты являются информативным историческим источником для изучения социальной активности горожан в преобразовании городской среды, в частности, в решении проблем экологического благоустройства города.

Библиографический список

1. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 3. – 750 с. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927) / С.Ю. Малышева. – Казань: Рутен, 2005. – 400 с.
3. Зиганшина А. Банкир ты или плотник – бери метлу и на субботник! / А. Зиганшина // Вечерняя Казань. – 2001. – 21 апреля.
4. Пахомова В. Уборку города обещают завершить к 9 Мая / В. Пахомова // Вечерняя Казань. – 2001.
5. Витальева В. И впрямь, не мешало бы жить чище / В. Витальева // Вечерняя Казань. – 2002. – 23 апреля.
6. Ветки убрали, а до свалок руки не дошли // Вечерняя Казань. – 2003. – 22 апреля.
7. Пахомова В. Добчинские и бобчинские из горадминистрации пишут объяснительные / В. Пахомова // Вечерняя Казань. – 2001. – 10 апреля.
8. Аксенов Е. Лесистость надо повышать семимильными шагами / Е. Аксенов // Вечерняя Казань. – 2005. – 23 апреля.

9. Вы не откажетесь от Скотских гор? // Вечерняя Казань. – 2001. – 4 апреля.
10. Вяткина Н. Зри в корень. / Н. Вяткина // Вечерняя Казань. – 2001. – 27 марта.
11. Плешкевич И.Б. Типология участия граждан в развитии городского пространства / И.Б. Плешкевич // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2020. – Т. 4. – № 1. – С. 45–50.
12. Поможет ли нам шершавый язык плаката? // Вечерняя Казань. – 2001. – 12 мая.
13. Все должно течь и меняться, особенно вода. // Вечерняя Казань. – 2001.– 28 июля.

ИСТОРИОГРАФИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В МОНГОЛИИ

Аюуш Тумур-Очир

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: tumur114@mail.ru

Научный руководитель – Астафьев Владимир Васильевич, к.и.н., доцент

кафедры отечественной истории,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Статья представляет собой историографический обзор научных трудов и публикаций монгольских авторов, посвященных истории государства Золотая Орда. В Монголии история Золотой Орды долгое время оставалась малоисследованной в силу разных причин и обстоятельств, в основном, идейно-политического характера. Лишь в последние десятилетия монгольскими специалистами в области истории была проделана огромная работа по изучению экономической, общественной и культурной жизни улуса Джучи. Итогом явились серии научных трудов в виде коллективных монографий, целиком посвящены золотоордынской истории. Авторами статей и монографий являются доктора и профессора Монгольского государственного университета и Монгольской академии наук.

Ключевые слова: Золотая Орда, монголы, источники, историография.

THE HISTORIOGRAPHY OF THE GOLDEN HORDE IN MONGOLIA

Ayush Tumor-Ochir

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: tumur114@mail.ru

Abstract. This article is a historiographical review of scientific works and publications of Mongolian authors devoted to the history of the Golden Horde state. In Mongolia, the history of the Golden Horde for a long time remained poorly studied due to various reasons and circumstances, mainly of an ideological and political nature. Only in recent decades, Mongolian experts in the field of history have done a great work to study the economic, social and cultural life of the Golden Horde. The result was a series of scientific works in the form of collective monographs, entirely devoted to the Golden Horde history. The authors of articles and monographs are doctors and professors of the Mongolian State University and the Academy of Sciences of Mongolia.

Keywords: Golden Horde, mongols, sources, historiography.

Целью научной статьи является попытка составления более полной картины развития историографии в Монголии, отражающей историю государства Золотая Орда. В ходе написания статьи для определения проблематики научных исследований в Монголии по теме Золотой Орды, автором был использован проблемно-хронологический метод. Научная новизна состоит в исследовании транснациональной историографии государств-наследников Монгольской империи, в частности Золотой Орды.

Историография изучения истории государства Золотая Орда, сформировавшегося после распада Монгольской империи, имеет различные подходы и концепции в мировом научном сообществе. При этом следует отметить, что несмотря на достаточную разработанность данной темы в русской и советской исторической науке, период Золотой Орды остается малоосвещенным в монгольской историографии.

Письменные памятники, датируемые серединой XIII–XVIII вв., такие как «Сокровенное сказание монголов», «Алтан тобчи», «Белая история», «История Асарагчи», «Эрдэнийн толь», «Болор эрих», «Сувд эрих» и многие другие свидетельствуют о богатых летописных традициях монголов. Подобные исторические сочинения этого периода были созданы с целью дать оценку событиям Монгольского государства, и представляли собой историческую хронику с использованием устной и письменной традиции.

Как известно, развитие историографии невозможно без изучения первичных исторических источников. Бесценный фактический материал для изучения монгольских исторических хроник представляет письменная летопись «Сокровенное сказание монголов». Кроме «Сокровенного сказания» имелись и другие исторические летописи, которые широко упоминались персидскими, китайскими и тибетскими историками [1, с. 8]. Например, летописный памятник монгольской истории «Алтан дэвтэр» сохранился в сокровищнице монгольских царей в Персии [2].

Летопись «Алтан дэвтэр», написанная на древнем монгольском языке, описывает историю Золотого рода Чингисхана. В отличие от «Сокровенного сказания монголов» она представляет собой реальную историческую хронологию, не смешанную с художественными вымыслами. Тем не менее, при сравнении текста Рашид ад-Дина, ссылающегося на «Алтан дэвтэр» в качестве основного источника, и текста «Сокровенного сказания», становится понятным, что исторические факты в этих двух источниках совпадают.

Новый период развития монгольской историографии наступил с падением монгольской Юаньской династии (1368 г.). Последовавшая за этим феодальная раздробленность и полоса междоусобных войн отразились, конечно и на историографии, однако она продолжала существовать и в так называемый «темный период монгольской истории» (XV–XVI вв.). Однако более поздние монгольские летописи содержат немало данных, заимствованных из письменных источников XV–XVI вв., что свидетельствует о непрерывавшейся преемственности монгольского летописания.

Со второй половины XVI в. происходит заметная активизация историографической деятельности [1, с. 10]. Выдающимся произведением монгольской историографии данного исторического периода является летопись «Алтан Тобчи», которая была написана между 1651–1676 гг. ученым ламой Лубсан Данзаном под названием «*Эртний хаадын үндэслэсэн төр ёсны зохиолыг товчлон хураасан Алтан Товч хэмээн оривой*». Летопись «Алтан Тобчи» считается единственным сохранившимся источником «Сокровенного сказания монголов» на монгольском языке, так как в ней содержится изложение 233 глав из 282 [3, с. 3–4]. «Алтан Тобчи» охватывает период монгольской истории от Чингисхана до Лигден-хана (XVII в.). В ней имеются сведения, которые не приведены в «Сокровенном сказании монголов». В целом, «Алтан Тобчи» воспроизводит данные более древних летописей, не дошедших до нас, и во многом совпадает с «Сокровенным сказанием монголов», дополняя друг друга.

Подобная летописная традиция, в которой письменные памятники исправлялись и дополнялись, является отличительной особенностью монгольской историографии в целом. В подобных источниках описывается главным образом, как Чингисхан основал свою империю, также в них фиксируется история становления Золотой Орды.

В результате победы монгольской национально-освободительной революции 1911 г., освобождения от власти маньчжурской династии Цин и создания независимой Монголии, была заложена основа для формирования национальной монгольской историографии. Анандын (Агданбуугийн) Амар, занимавший пост главы государства МНР (с 1932 по 1936 г.), являвшийся дважды премьер-министром Монголии (с 1928 по 1930 г.; с 1936 по 1939 г.), будучи главой Института рукописей, инициировал издание «Краткой истории Монголии» в пяти томах. А. Амар издал первые два тома «Краткой истории Монголии», которые охватывают историю Монголии с начала XIII–XIV и до XX вв. В первом томе приводится описание о походе монголов на Русь, и становление улуса Джучи [4].

С середины 1930-х до начала 1950-х годов был завершён полный переход к становлению марксистской концепции истории в монгольской исторической науке. В 1940 г. во время съезда МНРП по время работы X Их Хурала, руководством страны были определены задачи, связанные с необходимостью развертывания социалистического строительства в республике, и уже в 1954 г. на XII сессии Их Хурала МНРП была выдвинута идея «построения социализма», и вся политическая и социально-экономическая политика и деятельность партии и государства были ориентированы на реализацию этой цели [5].

В 1954 г. коллективом монгольских и советских историков, членов АН СССР, А.Ю. Якубовским, С.Д. Дылыковым, Л.И. Думаном, И.Я. Златкиным, Г.И. Михайловым, Б.И. Панкратовым, П.П. Старициной, И.Н. Устюжаниновым, Н.П. Шастиной, А.Т. Якимовым был издан том по истории Монгольской Народной Республики, опубликованный на монгольском и русском языках, который стал первой крупной работой, суммирующей ход истории нашей страны с древности до марксистской теоретической и методологической точки зрения [6].

«История Монгольской Народной Республики» под влиянием советских историков повествовала о завоевании, осуществлённых Чингисханом и его преемниками, об образовании Монгольской империи все это излагалось под заголовком «Захватнические походы Чингисхана» и при этом давались следующие оценки этим событиям: *Наряду с эксплуатацией монгольского народа, разграбление чужих стран являлось основной целью Чингисхана и нойонов, которые захватили права на управление государством. Успеху подобных захватнических походов способствовала феодальная раздробленность, которая формировалась в феодальной Азии и Европе, и межфеодальный кризис, который определил неспособность сопротивляться монгольским завоевателям* [7, с. 111]. Подобная концепция, сформулированная в этой работе, оставалась в силе на протяжении всего существования социализма в Монголии т.е. вплоть до 1990-х годов. По этому история монгольских завоеваний и история становления и развития Монгольской империи была «закрытой темой» для историков Монголии, особенно замалчивалась история Золотой Орды.

14 февраля 1962 года, во время заседания Политбюро ЦК МНРП, секретарь по идеологии Д. Тумур-Очир внес вопрос «О праздновании 800-летия Чингис-Хана». В этот период стране все чаще стали обсуждаться такие вопросы, как проведение конференции,

посвященной 800-летию Чингисхана, выпуск юбилейных почтовых марок и создание документальных фильмов. В это время выдающийся писатель Д. Пурэвдорж сочинил свою поэму «Чингис Хан», а народный художник У. Ядамсурен согласился изготовить серию из четырех типов марок, каждая стоимостью 20, 30, 50 и 60 серебряных монет, с изображением Чингис Хана, белого бунчука, надписи на Чингисовом камне и пайзы. Однако 10 сентября 1962 г., во время работы III-го Малого хурала МНРП секретарь Центрального комитета партии по идеологии Д. Тумур-Очир был обвинен в «разжигании национализма» и отстранен от всех своих должностей, а марки с изображением Чингис Хана и другие памятные вещи были быстро уничтожены [8].

В 1984 году на монгольском языке был опубликован сборник материалов конференции «Монголо-татары в Азии и Европе» с выборкой научных докладов и статей ведущих советских ученых. Это был перевод книги «Монголо-татары в Азии и Европе», опубликованной в 1977 г. членом Академии наук С.Л. Тихвинским. Сборник содержал 22 статьи монгольских и советских ученых. Сам С.Л. Тихвинский, выступавший редактором, опубликовал вступительную статью под названием «Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе» [9]. В сборнике освещались различные события, связанные с завоевательными походами Чингисхана и его преемников в страны Азии и Европы. С.Л. Тихвинский считал, что завоевания татаро-монголами этих стран носили грабительский характер и сопровождались невиданным разрушением производительных сил. Наибольший интерес вызвали у историков Монголии две статьи – В.Т. Пашуто «Монгольский поход в глубь Европы» и Л.В. Черепнина «Монголо-татары на Руси (XIII в.)», посвященные истории Золотой Орды [10].

Лишь 1990-х годов монгольская историография вступила в новую стадию развития, и претерпела значительные изменения.

В 2006 году, в честь 800-летия основания Великой Монгольской империи, Монгольская академия наук выпустила пять томов под названиями «Великая Монгольская империя», «Монгольское государство Юань», «Монгольское государство Золотая Орда», «Монгольское государство Чагатай» и «Монгольское Иль-ханство». Автором третьего тома «Монгольское государство Золотая Орда» выступила доктор С. Цолмон [11].

Спустя некоторое время, в 2019 г. данный пятитомник был переиздан. Доктор С. Цолмон переиздала третий том «Монгольское государство Золотая Орда» (2006 г.), дополнив материалами и результатами недавних исследований, находок и новых документов [12].

Вслед за С. Цолмон, военные историки Х. Шагдар, Ж. Базарсүрэн и Ш. Паламдорж опубликовали научные исследования по улусу Джучи, добавив значительные материалы по военной истории и военному искусству [10]. Военный историк Т. Сухэ-Батор защитил докторскую диссертацию (PhD) на тему «Изучение военного устройства Золотой Орды» [13]. Его диссертация является первой исследовательской работой по конкретной теме по истории Золотой Орды.

В настоящее время в Монголии ведется работа по переводу и предоставлению широкой общественности работ зарубежных исследователей, связанных с историей Золотой Орды. Переведены на монгольский язык и изданы такие труды, как С. Закирова «Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.)» [14], Г.В. Вернадского «Монголы и Русь» [15], П.Ю. Почекаева «Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды» [16].

В этом же 2019 г. Институт монгольских исследований Монгольского государственного университета опубликовал еще одну серию 5-томного издания по истории Монгольской империи. Третий том этого пятитомника назван «Улус Джучи» и посвящен истории государства Золотая Орда. Над выпуском этого тома работали доктор Ж. Гэрэлбадрах, Б. Чинзориг и Д. Өлзийбаатар под руководством редактора доктора Ж. Урангуа. Этот том представляет собой крупную работу, посвященную становлению государства Джучи, его возвышению, устройству этого государства и общества, экономической политике, особенностям культурного развития [17]. Том представляет собой всеобъемлющую работу с главами, посвященными возникновению государства Джучи, его кризису и упадку, государственно-общественному формированию, экономической политике, культурному развитию, и является последней работой, появившейся в Монголии, включающей русский, арабский, армянский, китайский и многие другие языковые источники и исследования, связанные с историей Золотой Орды.

В настоящее время изучение истории Золотой Орды в Монголии основано на трудах советских и российских историков, а также на работах историков других стран. К сожалению, работ монгольских авторов еще не очень много.

Наличие богатейшего источниковедческого материала дает возможность изучать историю Золотой Орды на основе комплексного анализа восточных, прежде всего мусульманских письменных источников, данных золотоордынской нумизматики, а также русских, восточноевропейских и западноевропейских письменных источников.

Профессор Монгольского государственного университета Хэрээд Жамсран Урангуа в своей статье «Монгольская страница истории улуса Джучи», вышедшей в 2022 г. в журнале «Золотоордынское обозрение» привела подробный исторический обзор золотоордынского государства, его роли и описала исследования, проведенные в Монголии [18].

Несмотря на то, что изучение истории Золотой Орды в Монголии все еще находится в зачаточном состоянии, тем не менее оно быстро развивается. В дальнейшем объем исследований будет расширен, так как ведется перевод на монгольский язык источников из других стран, связанных с историей Золотой Орды.

Библиографический список

1. Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.) / Ш. Бира. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
2. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей (пер. Л. А. Хетагурова). – М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – Т. 1. – 214 с.
3. «Алтан товч» / Перевод со старомонгольского, введение, комментариев и приложения Ш. Чоймаа. – Улан-Батор: «Соёмбо принтинг», 2006. – 295 с.
4. Амар А. Монголын товч түүх / А. Амар. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1989. – 206 х.
5. Монгол ардын намын түүхэн цаг хугацааны товчоон / Улаанбаатар, 2021. – 531 х.
6. Урангуа Ж. Түүх судлалын жимээр / Ж. Урангуа // Нийслэлийн Түүхийн багш нарын семинар дээр уншсан лекц. – Улаанбаатар, 2014. – С. 27–48.
7. БНМАУ-ын түүх. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэл, 1955. – 537 х.
8. Ганхуяг Ш. Монголын төр, нийгмийн нэрт зүтгэлтэн Дарамын Төмөр-Очир / Ш. Ганхуяг. – Улаанбаатар, 2021. – 443 х.

9. Татаро-монголы в Азии и Европе / под общ. ред. С.Л.Тихвинский. М.: Наука, 1977. – 476 с.
10. Монгол Улсын Түүх. 3-р Боть Зүчийн Улс. / Ред. Ж.Урангуа Зохиогч, Б.Чинзориг, Ж. Гэрэлбадрах. – Улаанбаатар, 2019. – 343 х.
11. Цолмон С. Монголын Алтан ордон улс. / Цолмон С. – Улаанбаатар, 2006. – 170 х.
12. Цолмон С. Монголын эзэнт улсын түүх 3: Монголын Алтан ордны улс. / Цолмон С. – Улаанбаатар, 2019. – 169 х.
13. Сүхбаатар Т. Алтан Ордны улсын цэргийн байгуулалтын судалгаа. Түүхийн ухааны докторын диссертаци / Т. Сүхбаатар. – Улаанбаатар: Батлан хамгаалахын их сургууль, 2016. – 146 х.
14. Закиров С. Алтан Ордоны улсаас Египеттэй барьж байсан дипломат харилцаа (XIII-XIV зуун). Улаанбаатар: Адмон, 2004. – 156 х.
15. Вернадский В.И. Монголчууд ба Орос орон. / В.И. Вернадский. – Улаанбаатар: Магнатпресс, 2008. – 377 х.
16. Почекаев Р.Ю. Алтан Ордын хаад. Орч. Ш.Одонтог / Р. Ю. Почекаев. – Улаанбаатар. Нерко. 2013. – 247 х.
17. Монгол Улсын Түүх. 3-р Боть Зүчийн Улс. / Ред. Ж.Урангуа Зохиогч, Б.Чинзориг, Ж. Гэрэлбадрах. – Улаанбаатар, 2019. – 343 х.
18. Урангуа Ж. Монгольская страница истории Улуса Джучи / Ж. Урангуа // Золотоордынское обозрение. – 2022. – Т. 10. – № 4. – С. 819–839.

**ШТАТ И ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ СЛУЖАЩИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ В ТАТАРИИ НА ПРИМЕРЕ 1-Х КАЗАНСКИХ СОВЕТСКИХ
КОМАНДНЫХ ПЕХОТНЫХ КУРСОВ В 1918 Г.**

Блинников Денис Георгиевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: georgievichdenis@mail.ru

*Научный руководитель – Валеев Рафаэль Миргасимович, профессор, д.и.н., заместитель директора по научной деятельности ИМО,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. В годы Гражданской войны перед Рабоче-крестьянской Красной Армией стояла проблема создания системы военно-учебных командных заведений. Несколько было создано и в Казани. В данной статье, на примере 1-х Казанских Советских командных пехотных курсов рассматривается проблема денежного довольствия и штаты командных курсов в 1918 г. Исследуется вопрос о том, насколько жалование соответствовало реалиям времени и места.

Ключевые слова: Гражданская война, РККА, военно-учебные заведения, жалование, командный состав Красной Армии.

**THE STAFF AND SALARIES OF SERVANTS OF MILITARY EDUCATIONAL
INSTITUTIONS IN TATARSTAN ON THE EXAMPLE
OF THE 1ST KAZAN SOVIET INFANTRY COMMAND COURSES IN 1918**

Blinnikov Denis Georgievich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: georgievichdenis@mail.ru

Abstract. During the Civil War the Workers' and Peasants' Red Army faced the problem of creating a system of military-educational commands. Several were created in Kazan. This article takes the example of the 1st Soviet infantry command courses in Kazan and examines the problem of money allowances and the staff of the command courses in 1918.

Keywords: The Civil War, the Red Army, military educational institutions, salaries, Red Army commanders.

В годы Гражданской войны на территории современного Татарстана и г. Казани существовало множество командных военно-учебных заведений [1, с. 146], где обучали будущих красных командиров для различных родов войск (пехота, кавалерия, инженерные части и т.д.).

Система военного образования для командного состава в РККА начала свою историю от декрета ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «О порядке замещения должностей в РККА». Этим декретом отменялась выборность командного состава в армии, а п.2 гласил: «Списки кандидатов на взводных командиров ведутся местными комиссариатами по военным делам и состояются из числа лиц, получивших подготовку в специальных школах...». [2, с. 154]. Тем

не менее, специализированных военных школ, то есть учреждений рассчитанных на длительную и регулярную подготовку командных кадров на территории Советской России в годы Гражданской войны было создано не так много. Подавляющее большинство военно-учебных заведений созданных советским правительством представляли собой краткосрочные курсы, наподобие школ прапорщиков, существовавших в годы Первой мировой войны, рассчитанные на подготовку командиров только на период боевых действий.

Материальное обеспечение Красной Армии в целом, так и командных курсов в частности, не смотря на все усилия центрального руководства, сильно разнилось от региона к региону и от конкретной воинской части. Особенно эти различия были велики в период становления РККА в 1918 г. Примерное состояние обеспечения военно-учебных заведений в Татарстане можно увидеть на примере 1-е Казанских Советских командных пехотные курсов.

В Государственном архиве Республики Татарстан хранятся дела по административно-хозяйственной деятельности Казанского военного комиссариата. Среди них имеются требовательные ведомости на отпуск жалования различным категориям служащих 1-х Советских командных курсов за период октябрь-декабрь 1918 г. [3] за подписью заведующего курсами Николая Николаевича Вейца [4]. Согласно этим ведомостям, месячное жалование делилось пополам, и выдавался два раза в месяц за 1–15 числа и 16–30 (31) соответственно. Исходя из требовательных ведомостей, наличный состав курсов можно разделить на 4 группы: служащие, получающие жалование на основании приказа Народного комиссариата по военным делам от 30 сентября № 926, служащие получаемых жалование по ставкам профсоюзов, курсанты и преподавательский состав. Рассмотрим каждую группу в отдельности.

К первой группе служащих относятся командный, начальствующий, административный, а также военно-медицинский состав курсов. Штат и полагающиеся ему жалование определялось в приказе Народного комиссариата по военным делам от 30 сентября № 926 «Штаты Советских школ как открытых, так и открываемых». В силу того, что экономическая ситуация в стране была далека от стабильной, то уже 15 октября 1918 г. наркомат по военным делам издал приказ № 24, в котором отпускаемые жалования повышались.

Таблица 1

Штат и жалования, служащих 1-х Казанских Советских командных курсов за декабрь 1918 г. [3, Л.64-74, Л.128-133]

П/П №	Наименование должности	Количество по штату	Месячное жалование по приказу № 926	Месячное жалование по приказу № 24
1.	Заведующий курсами	1	1000 руб.	1332 руб.
2.	Комиссар курсов	1	800 руб.	1062 руб.
3.	Заведующий хозяйственной частью	1	800 руб.	1062 руб.
4.	Заведующий продовольствием и фуражом	1	550 руб.	697 руб.
5.	Заведующий учебной частью	1	900 руб.	1224 руб.

П/П №	Наименование должности	Количество по штату	Месячное жалование по приказу № 926	Месячное жалование по приказу № 24
6.	Заведующий вещевым довольствием	1	550 руб.	697 руб.
7.	Библиотекарь	1	600 руб.	747 руб.
8.	Заведующий оружием	1	500 руб.	697 руб. 50 коп.
9.	Казначей	1	550 руб.	697 руб. 50 коп.
10.	Делопроизводитель хозяйственной части	1	500 руб.	697 руб. 50 коп.
11.	Делопроизводитель административной части	1	550 руб.	697 руб. 50 коп.
12.	Переписчик высшего оклада	1	500 руб.	648 руб.
13.	Переписчик среднего оклада	8	450 руб.	598 руб. 50 коп.
14.	Переписчик низшего оклада	9	400 руб.	549 руб.
15.	Вахтер по конюшне	1	450 руб.	598 руб. 50 коп.
16.	Старший каптенармус	1	450 руб.	598 руб. 50 коп.
17.	Каптенармус по продовольствию	1	450 руб.	598 руб. 50 коп.
18.	Ветеринарный фельдшер	1	450 руб.	598 руб. 50 коп.
19.	Классный вахтер	1	450 руб.	598 руб. 50 коп.
20.	Старший лекарский помощник	2	500 руб.	648 руб.
21.	Младший лекарский помощник	2	450 руб.	598 руб.
22.	Помощник старшего каптенармуса	1	400 руб.	549 руб.
23.	Заведующий строевым обучением	1	700 руб.	954 руб.
24.	Старший врач	1	700 руб.	954 руб.
25.	Помощник заведующего учебной частью	1	800 руб.	1062 руб.
26.	Инструктор верховой езды	1	650 руб.	747 руб.
27.	Заведующий зданиями	1	500 руб.	697 руб. 50 коп.
28.	Вахтер	1	450 руб.	-
29.	Каптенармус по хлебопекарне	1	450 руб.	598 руб. 50 коп.
30.	Бухгалтер	1	550 руб.	697 руб. 50 коп.
31.	Помощник вахтера	1	400 руб.	549 руб.
32.	Ротный каптенармус	2	400 руб.	549 руб.
33.	Заместитель комиссара курсов	1	700 руб.	954 руб.
34.	ВрИО командира роты	1	650 руб.	747 руб.
35.	Оружейный мастер	1	450 руб.	598 руб. 50 коп.

Сверх указанного, в требовательных ведомостях указывались дополнительные взносы, рассчитанные от общей суммы, положенной к выдаче: 4% в кассу безработных, 10% в больницу кассу, 0,4% + 3 рубля на человека в кассу страхования от несчастных случаев.

К группе служащих административно-хозяйственной части, получавших жалование по ставкам профсоюзов, относился различный вольнонаемный и вспомогательный персонал. Оклады этой группе могли начислять как за месяц, так и поденно в зависимости от конкретной должности.

Таблица 2

Оклады и наличный состав служащих по ставкам профсоюзов
на ноябрь 1918 г. [3, Л. 40–61]

П/П №	Наименование должности	Количество по штату	Месячный оклад	Суточный оклад
1.	Столяр	1	-	16руб. 96 коп.
2.	Техник	1	-	14 руб. 72 коп.
3.	Портной	5	400 руб.	-
4.	Истопник	1	-	14 руб. 72 коп.
5.	Уборщик помещений	18	-	16 руб. 96 коп.
6.	Буфетчик	12	480 руб.	-
7.	Монтёр	1	-	19 руб. 52 коп.
8.	Слесарь	1	-	19 руб. 96 коп.
9.	Конюх	7	360 руб.	-
10.	Швейцар	4	380 руб.	-
11.	Помощник истопника	1		14 руб. 72 коп.
12.	Хлебопек	3	450 руб.	-
13.	Служащий при столовой	9	320 руб.	-
14.	Рассыльный	1	380 руб.	-
15.	Посыльный	3	380 руб.	-
16.	Плотник	1	-	14 руб. 72 коп.
17.	Служащий при кухне	4	320 руб.	-
18.	Прачка	2	360 руб.	-
19.	Служащий при лазарете	1	320 руб.	-
20.	Кузнец	1	-	19 руб. 52 коп.
21.	Дворник	1	300 руб.	-

Кроме выше перечисленных должностей в ведомости присутствуют должности повара и сапожника, но на момент её составления они были вакантны. В ведомости за декабрь 1918 г. по ставке сапожника полагался суточный оклад в 19 руб. 45 коп. [3, Л. 112–125]. Кроме того, согласно этой же ведомости, все суточные оклады уже были подняты до 19 руб. 45 коп.

Изучая ведомости, можно прийти к выводу, что личный состав данной группы был наиболее подвержен «текучке кадров». К примеру, в ноябрьской ведомости можно отметить,

что 8 служащих были исключены: 7 за неявку и 1 по причине смерти. В декабрьской ведомости на эти места были уже набраны новые люди.

Стоит отметить, что штат служащих по ставкам профсоюзов так же были определен приказом № 926 от 30 сентября 1918 г. [3, Л. 59].

Требовательных ведомостей на отпуск жалования курсантам в архиве имеются за первую половину декабря [3, Л. 75–100] и вторую половину декабря 1918 г. [3, Л. 161–180]. Согласно им на курсах в начале декабря числилось 259 курсантов, а к середине месяца уже 278 разделенных на 4 роты. Жалование курсанта было определено в 250 рублей, правда, несколько курсантов имели жалование в 150 рублей. Причина такой разницы, к сожалению не указана. Кроме того, в ведомости упоминается один курсант, которому сверх его жалования полагалась дополнительная выплата за наличие жены в размере 150 рублей.

Жалование преподавательского состава регулировалось приказом Главного комиссариата всех военно-учебных заведений № 319 от 19 ноября 1918 г. [3, Л. 188]. По этому приказу штатному преподавателю полагался оклад в 750 рублей в месяц при норме в 12 лекций в неделю. Приватным преподавателям полагалась 15 рублей за лекцию, кроме того им доплачивали по 25 рублей за участие в заседаниях Педагогического комитета. Так же преподавателям выплачивалось по 500 рублей за производство экзаменов. [3, Л. 185].

Если исходить из наличных в архиве требований на отпуск денег для уплаты преподавателям, то можно сделать вывод, что, по крайней мере, в начальный период существования 1-ых Казанских Советских командных курсов большая часть педагогического состава была приватной. Так в ведомости № 1159 от 23 декабря 1918 г. указано, что 23 приватным преподавателям отпускается уплата за чтение лекций с 9 по 15 декабря 1918 г. из расчета 15 рублей за лекцию. [3, Л. 187]. В другой ведомости от 13 декабря 1918 г. № 1158 15 приватным преподавателям отпускалось уплата за участие в заседаниях Педагогической комиссии. Ведомостей же на уплату штатным преподавателям обнаружено не было.

Что бы примерно понять уровень жалования служащих, курсантов и преподавателей 1-х Советских Казанских командных курсов сравним уровень жалования с некоторыми категориями других служащих. Так, например, к октябрю 1918 г. оклад красноармейца составлял 300 рублей, позднее поднятый до 600 рублей, что в разы больше, чем жалование курсанта. Заведующий курсами, человек, формально занимающий должность уровня командира батальона, фактически получал жалование ниже. К примеру, к концу 1918 г. командиру батальона полагалось 1200–1500 рублей, а командиру роты 1000–1200 рублей [5]. При этом средний уровень жизни командного состава РККА взводного и ротного уровня был относительно не высоким. Официально установленной минимальной зарплаты могло хватить на обеспечение хлебом по вольным ценам семье из трех человек. Для более разнообразного питания одного кормильца в семье было мало. [7. С. 245].

Разницу в жаловании командного состава курсов и краскомов служащих непосредственно в боевых частях можно объяснить простым приоритетом последних для руководства страны. В условиях Гражданской войны боевой командир, которой непосредственно воюет «За власть Советов» был, очевидно, более ценен, чем командир, работающий в военно-образовательной системе. А так как любое образование по определению рассчитано больше на перспективу, которой в случае поражения Красной Армии, могло и не быть, то боевому командиру логичнее было платить больше.

Жалование для остальных служащих определялось декретом ВЦИК «О заработной плате» от 16 сентября 1918 г. По нему для г. Москвы устанавливалась минимальная суточная плата в размере 15 рублей 60 копеек. Исходя из этой суммы, для регионов предусматривались особые коэффициенты. Так для Поволжья и Казанской губернии, в частности, это были 80% для губернских городов и 65% для остальной местности. [2, С. 344–358]. В результате средняя заработная плата в Поволжье была на уровне 300–350 рублей. [6, С. 20]. Как нетрудно примерно посчитать исходя из вышенаписанного, такой заработной платы с трудом хватало на пропитание только одного человека. Анализируя таблицу № 2, можно заметить, что в среднем оклады служащих 1-х Казанских Советских командных пехотных курсов были несколько выше средней заработной платы по региону и находились на уровне 320–380 рублей. Тут разницу, как и в случае с командным составом, можно объяснить так же приоритетом для руководства страны – служащий, работающий в структурах РККА, был важнее, чем аналогичный служащий, работающий в гражданских институтах.

В конце стоит отметить, что в течение Гражданской войны товарно-денежные отношения фактически вытеснялись натуральным обменом и карточной системой. Официальной минимальной зарплаты служащего в среднем хватало на обеспечение хлебом, по рыночным ценам, семьи из трех человек, но на более разнообразный рацион денег уже не хватало [7, С. 245]. В результате неконтролируемой инфляции и товарного дефицита усугубленного попытками советского правительства ввести монопольную торговлю привели к тому, что на первый план в качестве оплаты труда вышел нормированный паёк, нежели денежное вознаграждение.

Библиографический список

1. Мухарямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии / М.К. Мухарямов. – М.: Наука, 1969. – 286 с.
2. Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – М.: Политиздат, 1959. – 698 с.
3. ГБУ ГАРТ Ф. Р592, Оп. 2, Д.16.
4. Николай Николаевич Вейц (22.06.1863–?), Бывший полковник РИА, участник Первой мировой войны, в 1915–1917 г.г. начальник 1-й Казанской школы подготовки прапорщиков пехоты, позже заведующий 1-ми Казанскими Советскими пехотными командными курсами РККА.
Офицеры русской императорской армии. – URL: https://www.ria1914.info/index.php/Вейц_Николай_Николаевич. (дата обращения 19.04.2023).
5. Шувалов А.А. Материальное обеспечение командного состава РККА в период Гражданской войны / А.А. Шувалов // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-obespechenie-komandnogo-sostava-rkka-v-period-grazhdanskoj-voyny> (дата обращения 20.04.2023).
6. Камардин И.Н. Заработная плата рабочих Поволжья в годы Гражданской войны / И.Н. Камардин // Дискуссия. Журнал научных публикаций. – 2011. – № 6. – С. 20–23.
7. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И.В. Нарский. – М.: Изд-во АСТ», 2001. – 632 с.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ТАТАРСКИХ ПОЛКОВ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Валишин Искандер Айратович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: iskander1998@list.ru

Научный руководитель – Ибнеева Гузель Вазыховна, д.и.н., профессор

кафедры отечественной истории,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы формирования и развития татарских полков в конце XVIII века в Крыму. Анализируется проблема организационной структуры крымско-татарских дивизий. Автор обращает особое внимание на этносоциальные аспекты создания татарских полков на службе Российской империи.

Ключевые слова: татарский полк, этноконфессиональный, мурзы, указ, современник.

ETHNO-CONFESSIONAL AND SOCIAL ASPECTS OF THE CREATION OF THE TATAR REGIMENTS AT THE END OF THE 18TH CENTURY

Valishin Iskander Airatovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: iskander1998@list.ru

Abstract. This article deals with the formation and development of the Tatar regiments at the end of the 18th century in the Crimea. The problem of the organizational structure of the Crimean Tatar divisions is analyzed. The author pays special attention to the ethno-social aspects of the creation of Tatar regiments in the service of the Russian Empire.

Keywords: Tatar regiment, ethno-confessional, murzas, decree, contemporary.

Введение

В конце XVIII века татарские полки играли важную роль в составе армии Российской империи. Полки, созданные во второй половине XVIII века, включали в себя казанских татар, крымских татар, башкир и других народностей, проживавших на территории Поволжья и Крыма. Татарские полки были одними из самых многочисленных в Российской империи и славились своими боевыми качествами и дисциплиной. Источники этого времени, в том числе записки современников, свидетельствуют о значимости этноконфессиональных и этносоциальных факторов при формировании этих полков. Создание полков тесно совпадает с проведением имперской политики по инкорпорации иноверцев в социально-политическую структуру Российской империи. Следствием имперской политики этноконфессиональной толерантности, в том числе, становится создание татаро-мусульманских полков.

Методы исследования

В научной статье был использован сравнительный метод. Факты, раскрывающие этноконфессиональные и социальные аспекты в вопросе создания татарских полков, сопоставляются с источниками, которые позволяют взглянуть на проблематику с точки зрения различных аспектов. Не менее важным является применение метода исторической реконструкции, используемый для воссоздания прошлых событий на основе имеющихся источников и данных. Он позволяет получить более точное представление о прошлом и уточнить детали, которые могут быть утрачены с течением времени. Использование этих методов позволяет более глубоко и точно изучить тему и сформулировать ключевые выводы.

Результаты и их обсуждение

Всего через год после присоединения Крыма 1 марта 1784 г. власть принимает решение о формировании вооруженных дивизий для осуществления службы в только что созданной Таврической области [1]. Новые территории, которые следовало защитить в случае скорой русско-турецкой войны, охрана границ Российской империи, интеграция иноверцев в социально-политическую структуру Российской империи – все это поставило вопрос о формировании дополнительных военных дивизий. Политика конфессиональной толерантности Екатерины II активно способствовала подобному развитию событий.

1 марта 1784 г. вышел именной указ президенту военной коллегии кн. Г.А. Потёмкину, провозгласивший о необходимости оперативного создания полка на территории Таврической области [2]. По количеству личного состава военное формирование было не столь большим и относилось к «числу легких войск». В составе одной дивизии должны были находиться: 1 майор, 2 ротмистра, 2 поручика, 2 прапорщика, 10 наказных и 190 рядовых солдат. Из 5 дивизий к оружию встало 1035 солдат. Для каждой должности предполагалось выплата жалования, что позволяло военному служащему обеспечить себя всем необходимым для успешной службы. Представленные дивизии содержались за счет доходов Таврической области.

Затрагивая проблему количества личного состава татарских дивизий, современник событий граф де Людольф, упоминает о 800 человек личного состава [5]. Примечателен тот факт, что автор «Писем о Крыме» приводит точное число военнопленных, свидетелем которых он был. Однако данное число не совпадает с количеством, закрепленных в указе (1035 человек). В связи с этим можно предположить, что полностью 5 дивизий рекрутировать не представлялось возможным. Вместо них укомплектовали 3 дивизии. Возможно, что в указе было прописано лишь желаемое количество военнопленных. Таким образом разрешалось набрать максимально возможное количество человек, но в рамках пяти дивизий. Вероятно, для исполнения боевых задач, не было необходимости в полном составе дивизий.

Представляет интерес и вопрос об экипировке татарского полка, который ставится современниками Шарль Нассау-Зигеном и графом де Людольфом. Почётный гость Екатерины II во время ее поездки в 1787 г. в Крым принц Шарль Нассау-Зиген отметил: «полк очень эффектен, я не видел ничего красивее» [7]. Граф Де Людольф упоминает о том, что татары были богаты одеты и вооружены саблями и копьями [6]. Подобное парадное обмундирование и вооружение было приурочено к поездке Екатерины II. Представленные факты демонстрируют почётное и уважительное отношение к императрице со стороны татарских дивизий и мурз Таврической области.

Вопрос о предназначении татарских дивизий был поставлен в «письмах о Крыме» Де Людольфа. Граф обращает внимание на то, что татарские дивизии должны будут «эскортировать императрицу и служить ей почетными телохранителями» [6]. Но с юридической точки зрения дивизии относились к регулярным войскам [8]. Вероятнее всего, дивизии играли роль имперской охраны на момент визита Крыма Екатерины II. Подобное действие было показательным, поскольку происходила демонстрация элитных военных частей Таврической области. С 1790 года татарские дивизии отправили на границу с Польшей для прохождения службы, как и обычные регулярные части [8]. В связи с этим можно сделать вывод, что татарские дивизии относились к регулярным частям и сопровождали Екатерину II лишь во время ее поездки в Крым. С точки зрения этноконфессиональной политики по внедрению новых подданных на службу Российской империи происходит демонстрация абсолютной толерантности к мусульманской конфессии. Акт абсолютного доверия к новоиспеченным военным служащим подаёт пример и для других иноверцев, которые могут оказаться в подданстве имперской власти. Для военных формирований возможность эскортировать первых лиц государств является наивысшей честью и показателем доверия.

Имперская власть оказывает поддержку крымской элите в своём стремлении наладить взаимоотношения с новыми подданными в Крыму. В рассмотрении этносоциального аспекта подобная политика проявляется при создании татарских дивизий. Это находит своё подтверждение в том, что в качестве офицеров вновь созданных татарских полков выступали представители местной элиты – мурзы [6]. Они относились к категории местных локальных элит, которые со времен Крымского ханства обладали широким влиянием на местное население и политику. Назначить офицером представителя местной элиты означало оказать честь и доверие со стороны власти, что плодотворно влияло на взаимоотношения между новыми подданными и имперским центром.

Назначение представителей иноверцев в офицерские чины демонстрирует факт толерантной имперской политики по отношению к конфессиям. Незадолго до создания татарских дивизий 1 ноября 1783 г. фельдмаршал кн. Г.А. Потёмкин получил именной указ от Екатерины II с требованием о принятии на службу «татарских мурз» и чиновников и о награждении их чинами не выше премьер-майора [3]. В этносоциальном аспекте данный факт демонстрирует желание имперской власти интеграции крымского иноверческого населения для участия в службе Российской империи. Подобное желание власти можно объяснить тем, что политика Екатерины II была направлена не только на поддержание веротерпимости к иноверческим социальным слоям, но и на тесное сотрудничество с региональной элитой. Коммуникация с местной элитой, в данном случае с мурзами, позволило бы наиболее эффективно управлять регионом, что являлось целью имперской политики.

Развитие политики по отношению к мусульманскому населению Таврической области. Подтверждение политики Российской империи, в области построения благоприятных взаимоотношений с иноверческими подданными, получила свое развитие в именном указе Сенату от 22 февраля 1784 г. Указ раскрывает цели способы имперской власти по включению «князей и мурз татарских» в российскую политико-правовую и социальную систему [4]. Интеграция происходит путём приравнивания прав мурз к правам российского дворянства. Краеугольным камнем власти является недопущение иноверцев к владению крепостными христианской веры. Это послужило единственным исключением в вопросе приравнивания прав

мусульманского дворянства к правам российского. В аспекте построения отношений с иноверческой элитой подобный указ наибольшим образом демонстрирует выполнение задач имперской власти по интеграции территорий и новых подданных в социально-политическую структуру Российской империи. Столь уважительное отношение к представителям новоиспеченного мусульманского дворянства плодотворно сказалось на развитии имперской политики в регионе и на создании в армии боеспособных частей.

Заключение

В ходе исследования, посвященного созданию татарских полков в Российской империи, было установлено, что татарские полки являлись важной составной частью армии. Многочисленные указы, касающиеся создания и организации татарских полков, в период правления Екатерины II позволили решить несколько задач имперской политики в новом регионе: создать благоприятные условия для включения иноверцев в политико-правовую и социальную структуру российского государства; убедить новых подданных в том, что предыдущие права полностью сохраняются и приравниваются к правам российского дворянства; создать боеспособные части, которые позволят защитить новые границы государства. Выполнение этих задач благоприятно повлияло на создание особых социальных и этноконфессиональных условий в вопросе создания татарских полков в конце XVIII века. Таким образом, можно сделать вывод, что татарские полки Российской империи в конце XVIII века были важным элементом российской армии, а также уникальным в своём роде полковым формированием, объединенным на основе этноконфессиональной принадлежности.

Библиографический список

1. О составлении войска из подданных, в Таврической области обитающих, 1 марта 1784 г. // ПСЗ. Собр. 1. – СПб, 1830. – Т. 22. – № 15945. – С. 60.
2. О составлении войска из подданных, в Таврической области обитающих, 1 марта 1784 г. // ПСЗ. Собр. 1. – СПб, 1830. – Т. 43. – № 15945. – С. 210–211.
3. О принятии в военную службу Татарских Мурз и чиновных людей, и о награждении их чинами не выше Премьер-Майора, 1 ноября 1783 г. // ПСЗ. Собр. 1. – СПб, 1830. – Т. 21. – № 15861. – С. 1030–1031.
4. О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться преимуществами Российского дворянства, 22 февраля 1784 г. // ПСЗ. Собр. 1. – СПб, 1830. – Т. 22. – № 15936. – С. 51–52.
5. Абдуллин Х.М. Военная служба крымских татар в Российской империи / Х.М. Абдуллин // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 1. – С. 49–54. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voinskaya-sluzhba-krymskih-tatar-v-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 12.03.2023).
6. Граф де Людольф. Письма о Крыме / Людольф де // Русское обозрение. – 1892. – Т. 2. – С. 163–201.
7. Маркиз де Арагон. Рыцарь XVIII века, принц Шарль Нассау-Зиген. Корреспонденция 1784–1789 / Арагон де // Крымский Вестник. – 1895. – № 137. – С. 1–10.
8. Муфтийзаде И.М. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 годы (по архивным материалам) / И.М. Муфтийзаде // Известия Таврической ученой комиссии. – Симферополь, 1899. – № 51. – С. 1–24.

**СОУЧАСТВУЮЩЕЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ
ДРУЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЛЕНИНОГОРСК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

Гасанов Самир Комиссар Оглы

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: samirchicj@gmail.com

Научный руководитель – Титова Татьяна Алексеевна, д.и.н., профессор

кафедры антропологии и этнографии,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию применения соучаствующего проектирования, обоснована необходимость вовлечения молодежи в процессы проектирования городской среды. На примере г. Лениногорск продемонстрированы необходимость внимания к проблемам молодежи в современном городе и позитивные эффекты от применения участвующего подхода.

Ключевые слова: соучаствующее проектирование, общественные пространства, городская среда, конфликт, молодежь, подростки, дети, вовлечение, городская антропология.

**PARTICIPATORY DESIGN AS A WAY TO CREATE A FRIENDLY
ENVIRONMENT FOR YOUNG PEOPLE (ON THE EXAMPLE
OF LENINOGORSK, REPUBLIC OF TATARSTAN)**

Gasanov Samir Komissar Ogly

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: samirchicj@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the application of participatory design, the necessity of involving young people in the processes of designing the urban environment is substantiated. Using the example of Leninogorsk, the need for attention to the problems of youth in a modern city and the positive effects of the application of the participating approach are demonstrated.

Keywords: participatory design, public spaces, urban environment, conflict, youth, adolescents, children, involvement, urban anthropology.

В последние годы вырос интерес ученых к исследованию городской среды с точки зрения ее комфортности и безопасности для разных групп жителей. Особо актуальным представляет изучение города с позиции его дружелюбности к детям и молодежи.

В рамках данной статьи мы ставим целью изучение роли соучаствующего проектирования в создании современной дружелюбной городской среды для молодежи.

Эмпирическая база исследования состоит из полуструктурированных интервью с представителем руководства Лиги студентов Лениногорска, с лидером скейтеров города, представителем дирекции экстрим-парка «Урам», а также фокус-групп с райдерами города, сотрудниками управления по делам молодежи, спорта и туризма и со старшеклассниками

Лениногорска. Всего было проведено три фокус-группы, с общим количеством участников – 30. Гайды интервью и фокус-групп содержали вопросы, касающиеся проблем в сфере молодежной политики, эффектов от реализации молодежных пространств, запросов и потребностей молодежи города к общественным пространствам.

Исследователи, занимающиеся проектированием городской среды на протяжении долгого времени, задавались вопросом о том, как создать наиболее комфортную и доступную для жителей городскую среду. Итогом поисков стало решение о необходимости вовлечения жителей в формирование городской среды, которое позволяет создать пространство комфортное для всех без исключения жителей и оживить существующие, но запущенные и не востребуемые.

Еще Ж.Ж. Руссо выделял такие эффекты от вовлечения граждан в общественные процессы, как повышение ответственности, ощущение причастности к распоряжению судьбой своего сообщества [1]. Ю. Хабермас рассматривал участвующий подход как инструмент создания эгалитарной среды и утверждал о необходимости публичного взаимодействия личности и государства [2]. Также, основы участвующего подхода в своих трудах развивали Э. Дюркгейм, выделявший социальную активность человека как консолидирующий фактор при решении общественно важных задач [3], Фуко, отмечавший, что с ростом практик вовлечения возникает система общественного контроля [4], что делает жизнь в обществе более безопасной. Важность участвующего подхода как инструмента самореализации человека в обществе отмечает Ю.М. Резник [5]. Особенностью большинства трактовок участвующего подхода является привлечение к принятию решений всех, кого потенциально так или иначе оно затронет. В связи с этим, актуальным становится вопрос о вовлечении социальных групп, мнение которых ранее не учитывалось, в частности детей и молодежи.

Современные социологи и антропологи, исследующие детей и молодежную сферу, определяют молодежь как непосредственных субъектов социального взаимодействия и выделяют необходимость при исследовании молодежной среды, проводить его через самих представителей молодежи, используя качественные методы. Инклюзивная составляющая исследований предоставляет молодежи возможность самим влиять на трансформацию окружающего мира, в то время как обычно их точка зрения остается не услышанной. Такое положение дел обуславливается мнением, согласно которому, решения, принятые взрослыми людьми, более ценны в силу накопленного ими жизненного опыта [6].

Современные города по ряду причин все больше утрачивают свои социальные функции (обеспечение равенства, экологичность, трансляция культуры, развитие личности) и все больше направлены на экономическую привлекательность, в виду чего при формировании среды оказываются незамеченными интересы целых групп населения, особенно незащищенных, в первую очередь детей, стариков, маломобильных граждан [7]. Данная тенденция имеет негативные последствия и приводит к разрушению связи жителей с городом и размыванию их локальной идентичности, потребительскому отношению к городской среде [8].

Одной из главных функций городской и общественной среды является формирование у жителей бережного и ответственного отношения к своему городу, что достигается путем максимального вовлечения горожан в принятия решения относительно формирования и преобразования среды. Однако для достижения наилучшего эффекта в этом вопросе данные качества необходимо прививать с детства и юношеского возраста, именно поэтому, вовлечение детей и молодежи в проектирование особенно актуально [9].

Однако при создании и благоустройстве общественных пространств мнение молодежи и подростков обычно не учитывается. Это приводит к появлению территорий, несоответствующих запросам и интересам молодежи, а городская среда в целом становится враждебной к ним. Тогда данная социальная группа самостоятельно начинает создавать «свое место» в городе, а это в свою очередь может приводить к возникновению конфликта между ними и другими жителями города и даже может стать причиной миграции молодых людей в другие города. Особенно это актуально в малых городах России с неблагоприятной социально-экономической обстановкой, когда ярко проявляются недостаток рабочих мест, низкое качество медицинских и образовательных услуг. Если ко всем этим негативным факторам добавить непривлекательную городскую среду, то отток населения, особенно молодежи, будет не минуем. Уже на сегодняшний день мы можем видеть тенденцию постепенного вымирания окраин, так как люди стремятся переехать в крупные города, где сосредоточены экономические потоки и все человеческие блага.

Ярким примером такого малого города является Лениногорск – город, расположенный на юго-востоке Республики Татарстан. В 20 век именно отсюда взяла свое начало нефтяная промышленность республики, а город носит неофициальный статус: Родина татарской нефти.

Однако сегодня ситуация в городе и районе складывается не лучшим образом. Во всем виновата трудовая миграция. Несколько лет назад мировой кризис ударил по добыче, в городе закрылось несколько значительных промышленных предприятий, в том числе и оборонных, и часть лишившихся работы или недовольных новой зарплатой лениногорских геологов, буровиков и инженеров подались в Сибирь и Альметьевск, куда переместился главный офис Татнефти. Но трудовая маятниковая миграция является не единственной проблемой города. На данный момент остро стоит вопрос оттока молодежи. В разговорах с местными жителями можно часто услышать, что город стал «городом пенсионеров». Мнение горожан подтверждается и данными по демографии. За последние десять лет население города уменьшилось почти на 3 тысячи. На начало 2022 г. численность населения города составляет 60 717 человек [10]. Особенно тревожит миграция молодых людей в возрасте от 15–34 лет, которые выбирают для жизни крупные города Татарстана или другие регионы России. Основной причиной отъезда молодежи является отсутствие рабочих мест, особенно в непромышленном секторе экономики. Вторая причина – это отсутствие разнообразного досуга и современной городской инфраструктуры, отвечающей запросам и потребностям молодежи. *«К сожалению, это мое мнение, уезжают все-таки самые лучшие, а не наоборот. Проблема, на мой взгляд, не достаточно развит досуг, нашей молодежи некуда пойти, нечем заняться в свободное время».* (Сотрудница администрации г. Лениногорска). *«Я приезжаю на 2–3 дня и понимаю, что мне негде сходить кофе попить, нет ни одной зоны отдыха, зоны развлечения. Для молодежи это важно».* (Студентка КФУ).

Однако, благодаря современным мировым тенденциям, негативный эффект этой проблемы смягчается, некоторые города переживают «второе рождение». Актуальный в наши дни тренд, связанный с переходом на удаленную занятость, позволяет людям работать практически из любой точки мира, что хорошо было подтверждено в период пандемии. Соответственно, при исчезновении необходимости находиться в так называемых «финансовых центрах» страны для того, чтобы достаточно зарабатывать, все больше людей предпочитают мегаполисам небольшие, тихие зелёные города, которым и является Лениногорск. В связи с этим,

Лениногорск имеет потенциал развития, как один из самых «зелёных» городов Республики. Привлечение в этот город молодежи возможно через создание для них комфортной и современной городской среды.

В последние годы в Лениногорске создан ряд новых и благоустроены многие существующие общественные пространства. Но при этом в городе ощущается недостаток рекреационных пространств, ориентированных на интересы молодежи.

Выходом из сложившейся ситуации является применения метода соучаствующего проектирования, который предполагает привлечение к разработке проектов будущих общественных пространств детей и молодежи, что позволит сделать городское пространство востребованным и дружелюбным для молодежи. Соучаствующее проектирование позволит:

1. Выстроить событийную насыщенность и разнообразие проводимых на территории мероприятий в соответствии с запросами и потребностями молодежи и детей.
2. Предотвратить исчезновение локальных тематических молодежных сообществ и субкультур, способствовать возникновению новых.
3. Сформировать комфортную и безопасную городскую среду для детей и молодежи.
4. Избежать или предотвратить конфликты между молодежью и другими группами жителей города в конкуренции за среду, а также наладить межпоколенческий диалог.

Примером использования принципов соучаствующего проектирования с участием молодежи является создание экстрим-парка.

В Казани в 2020 году был построен самый крупный экстрим-парк в Европе – «Урам». Инициаторами и непосредственными участниками разработки эскизного проекта и самого строительства были молодые жители города. Данный подход позволил учесть интересы целевой группы пользователей и благодаря этому площадка является центром молодежной жизни в Казани. В интервью с представителем дирекции экстрим-парка мы смогли выявить ряд эффектов от реализации подобного рода площадок.

Во-первых, появление «Урама» способствовало снятию противостояния между спортсменами-экстремалами и остальным городским сообществом. Райдеры теперь не маркируются как маргиналы, а наоборот, рассматриваются как привычная часть городской среды. Сам экстрим-парк стал визитной карточкой Казани и закрепил ее статус спортивной столицы России.

Во-вторых, экстрим-парк стал площадкой выстраивания диалога между молодежью и властью. *«Министр молодежной политики часто приходит к нам со своими детьми. Ребята знают его в лицо, могут подойти и напрямую пообщаться с ним, поделиться своими идеями или проблемами»* (представитель дирекции экстрим-парка «Урам»).

В-третьих, «Урам» — это не просто спортивная площадка, но и место общения, встреч единомышленников, творческих коллабораций. Парк открыт для всех. Сюда приходят семьи с детьми, туристы, спортсмены разного уровня подготовки. *«Раньше были разрозненные группы молодежи по всему городу, а сейчас «Урам» собрал их всех вместе, на одной площадке. Парк стал местом знакомств и общения молодежи»* (представитель дирекции экстрим-парка «Урам»).

В-четвертых, наличие современного экстрим-парка подняло уровень катания райдеров, привело к развитию всего экстрим-спорта в регионе. Сегодня Казань является базой сборной России по ВМХ-дисциплинам. Также в город приезжают профессиональные спортсмены со всей страны. *«На базе «Урама» формируются федерации по разным направлениям*

экстремальных видов спорта. Через эти федерации ребята могут уже выходить в спорт высших достижений» (представитель дирекции экстрим-парка «Урам»).

В Лениногорске последние годы популярными стали экстремальные виды спорта. В городе существует несколько экстремальных сообществ. Ребята катаются на скейтах, спортивных самокатах, ВМХ-велосипедах.

Руководство города, осознавая существующую проблему, связанную с отсутствием у молодежи города своего места притяжения, в этом году в рамках создания заявки к федеральному конкурсу «Создание комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях» пригласили представителей молодежи принять участие в создании эскиза будущего экстрим-парка и рекреационной зоны. В рамках этой работы была проведена серия встреч, интервью и фокус-групп с активными представителями молодежи, старшеклассниками г. Лениногорск, были выявлены их запросы и предложения относительно развития проектируемой территории.

В ходе фокус-группы с райдерами города было выявлено, что экстрим-площадки, которые существуют в городе, не отвечают современным требованиям и не удовлетворяют потребности спортсменов. Одна площадка находится у автовокзала. Ее построили в 2009 г. и с тех пор не ремонтировали. Вторая расположена в городском парке. Ее недостатком является маленький размер и близость к пешеходным маршрутам и сцене. Вот как характеризует эту площадку один из скейтеров: *«В этом скейт-парке большое нагромождение фигур, а места очень мало. Он более-менее в живом состоянии, но уже сгнили фигуры и сам он примитивный. С нами никто не консультировался, когда его делали»*. Таким образом, мы можем наблюдать, что отсутствие вовлечения при проектировании приводит к тому, что объект не удовлетворяет запросы его пользователей и оказывается невостребованным. Один из спортсменов-экстремалов, принявших участие в фокус-группе, высказал озабоченность об аварийном состоянии одной из экстрим-площадок: *«Скейт-парк у автовокзала близок к тому состоянию, когда на нем кататься невозможно. Например, там есть гробик, и его верхняя крышка уже не держит, потому что сгнила. Все железные плиты оторвались»*. Участники фокус-группы указали на необходимость нового современного экстрим-парка для развития спортивного движения в городе и предложили свои варианты наполнения экстрим-зоны. *«Если построить один большой современный парк, то остальные можно будет убрать. Потребность в парке есть»*.

Во время интервью с лидером скейт-движения Лениногорска были выявлены проблем в молодежной сфере города и запросы на развитие городской среды. Сегодня в городе большая часть молодежи в свободное время занимаются спортом, так как в городе есть различные спортивные площадки, которые были созданы еще в советское время. *«Руководство города не видит необходимости создавать что-то для нас, молодежи, поэтому пацаны проводят свой досуг за распитием спиртных напитков, а в городе нет даже нормального бара, они занимаются этим прямо во дворах. Я сам не употребляю алкоголь. Поэтому мы с друзьями обычно ездим в Альметьевск или в Казань, так как там организуются современные молодежные фестивали, в том числе и по экстремальным видам спорта»*.

По итогам интервью был сделан вывод, что создание современной молодежной зоны очень актуально для местной молодежи. Ее появление позволит снять социальное напряжение в городе и удовлетворить досуговые потребности школьников и студентов, которые живут в Лениногорске.

Также, в рамках стратегии вовлечения, со школьниками г. Лениногорск была проведена дизайн-игра. Школьники разделились на три группы, каждая из которых разработала и представила свой концепт благоустройства парка. Первая команда предложила сделать акцент на спорте и на зонах для подростков. Они предложили дополнить экстрим-площадку велодорожками и прокатом лодок. Вторая команда подошла к разработке проекта с учетом методов современной архитектуры. Предложения третьей команды были сфокусированы на экономической составляющей территории. По их мнению, в парке нужно открыть кафе и магазинчики, которые будут приносить парку доход. Также во время беседы со старшеклассниками были выявлены их досуговые предпочтения. Многие ребята проводят свои выходные в Альметьевске, так как там имеются современные молодежные центры, кафе, организуются мероприятия для молодежи. А в их родном городе имеется дефицит данной инфраструктуры и нет перспектив получения высокооплачиваемой работы, поэтому больше половины опрошенных школьников не планируют после окончания школы оставаться в Лениногорске.

По итогам был создан проект будущего экстрим-парка, который положительно оценило большинство представителей молодежи города во время открытого общественного обсуждения.

Таким образом, на примере г. Лениногорск, мы можем видеть, что при проектировании общественных пространств необходимо учитывать потребности всех затронутых преобразованием групп, в особенности тех, чьи голоса обычно не учитываются. Для того, чтобы выявить и правильным образом трактовать потребности детей и молодежи, необходимо использовать весь спектр инструментов городской антропологии и практик вовлечения, как информантов, участников обсуждений, авторов концептов и. т. д. При этом, нужно учитывать такую важную особенность как то, что потребности детей и молодежи могут претерпевать изменения по мере их взросления. Этот аспект нужно учитывать для того, чтобы не допустить оттока молодежи в будущем. Вовлечение молодежи в процессы проектирования, может помочь в части диагностирования социальных проблем, не учитываемых порой даже со стороны экспертов. Также, это способствует формированию эгалитарной среды, где несовершеннолетние могут почувствовать себя полноправными субъектами, влияющими на изменения городской среды, что способствует их ответственному отношению к городу в будущем. Вовлечение молодежи в соучаствующее проектирование городской среды поможет учесть интересы этой группы горожан, сделать городское пространство более дружественным для них и имеет положительные социальные и экономические результаты для города на более длинной дистанции.

Библиографический список

1. Длугач Т.Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества) / Т.Б. Длугач. – М.: ИФ РАН, 2006. – 256 с.
2. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас – М.: Наука, 1992. – 252 с.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
4. Флинберг Б. Хабермас и Фуко теоретики гражданского общества / Б. Флинберг // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – С. 127–136.
5. Резник Ю.М. Человек и общество / Ю.М. Резник // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2. – № 3. – С. 56–78.

6. Ярская-Смирнова Е. Р. Социальная антропология / Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 388 с.
7. Митрофанова С. Ю. Участвующий подход в социологии детства. Многомерные статистические модели и их применение в социологических исследованиях детства / С.Ю. Митрофанова // Материалы Всероссийской молодежной научной школы-конференции. – СПб.: Астерион, 2017. – С. 145–151.
8. Лебедева Е. В. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и «кризис публичности» / Е.В. Лебедева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Т. 20. – № 1. – С. 74–92.
9. Филипова А. Г. Городская «доброжелательность» к детям: взрослый и детский взгляды (на материалах городов юга Дальнего Востока) / А.Г. Филипова // Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 5. – С. 58–67.
10. Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. – URL: <https://tatstat.gks.ru/naselenie> (дата обращения: 05.04.2022).

АНГЛИЙСКАЯ АНТИКАТОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И НАЧАЛО ПРОЦЕССА ЭМАНСИПАЦИИ БРИТАНСКИХ КАТОЛИКОВ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Егоров Никита Игоревич

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: nikita.matan@yandex.ru

*Научный руководитель – Бикеева Наталья Юрьевна, к.и.н., доцент
кафедры археологии и всеобщей истории,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. В данной статье была предпринята попытка рассмотрения причин появления антикатолических настроений и их влияния на внутреннюю политику Англии по отношению к католическому меньшинству. На основании анализа предпосылок создания основных дискриминационных законодательных актов, принятых в период, начиная с так называемого елизаветинского религиозного урегулирования (*Elizabethan Religious Settlement*) второй половины XVI века, автором был сделан вывод о возможных причинах смены антикатолического курса британским правительством после принятия «Акта о Квебеке», а также роли данного документа в начале эмансипационного движения среди католиков в конце XVIII века.

Ключевые слова: антикатолицизм, Британия, английские католики, XVIII век, XVII век, XVI век, католическая эмансипация.

ENGLISH ANTI-CATHOLIC POLICY AND THE BEGINNING OF THE EMANCIPATION PROCESS OF BRITISH CATHOLICS IN THE END OF THE 18TH CENTURY

Egorov Nikita Igorevich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: nikita.matan@yandex.ru

Abstract. This article attempts to consider the causes of emergence of anti-Catholic sentiment and its influence on English domestic policy towards the Catholic minority. Based on the analysis of the prerequisites for the creation of the main discriminatory legislative acts adopted in the period starting with the so-called Elizabethan Religious Settlement of the second half of the 16th century, the author highlights the possible reasons of changing an anti-Catholic course taken by the British government after the adoption of the “Quebec Act”, as well as the role of this legislation in the conceiving of the emancipation movement among British Catholics.

Keywords: anti-Catholicism, Britain, English Catholics, 18th century, 17th century, 16th century, Catholic emancipation.

На момент конца XVIII века на повестку высшего британского истеблишмента, примыкавших к нему интеллектуальных кругов и широкой общественности и вновь был поднят «католический вопрос» – проблема, которую английский парламент, церковь и корона решали проверенным еще со времен начатой Тюдоровской династией Реформации способом –

планомерным вытеснением католического меньшинства из всех сфер жизни британского общества, путём принятия дискриминационных законов, ввергавших в постепенную политическую и экономическую изоляцию католиков, сохранявших верность «папской религии», устраняя малейшую возможность католической оппозиции. За более чем два века английским Парламентом была создана обширная законодательная база антикатолических карательных законов, основой которых стали два акта 1558 года: «Акт о единообразии» (*Act of Uniformity*) и «Акт о супрематии» (*Act of Supremacy*), первый из которых требовал обязательного посещения всеми членами общины англиканской литургии, под страхом быть оштрафованными за непосещение; второй требовал принесения «клятвы супрематии» (*Oath of Supremacy*), при поступлении на любую государственную должность. Отказ от принесения клятвы приравнивался к совершению государственной измены, что автоматически давало суду право принять решение о вынесении смертного приговора [1, Р. 1134]. Учитывая, что католическое ортодоксальное вероучение основывалось, в том числе и на принципе примата папы, верность которому для всякого благоверного католика должна быть больше, нежели для любого светского лица, наделенного властью, «Акт о супрематии» де факто, запрещал им (католикам) какое-либо участие в государственном управлении.

Результатами принятия этих актов стали несколько католических восстаний в большинстве своем в северных графствах Англии и Ирландии. Наиболее масштабными из которых стали: Северное восстание (или Мятеж северных графов) 1569 года и ряд восстаний в Ирландии под руководством графов Дэсмондов, произошедших в 1569–1573 и 1579–1583 годах. Подавление этих восстаний вызвало реакцию в Риме – издание папой Пием V буллы *Regnans in Excelsis* в 1570 году об отлучении Елизаветы I от церкви и провозглашавшей её «не истинной королевой Англии и прислужницей преступления», а английский Парламент «сборищем еретиков» [2, р. 1]. В булле также содержался призыв к английским католикам не исполнять «клятв когда либо данных ей» (Елизавете I), что позволило короне представить Римскую курию как деструктивную внешнюю силу стремящуюся дестабилизировать и делегитимизировать английскую протестантскую монархию и парламент, подстрекающую оставшихся католиков к антигосударственным действиям [2, р. 1]. Помимо этого в 1571 году был раскрыт неудавшийся Заговор Рудольфи, основными участниками которого были флорентийский банкир-католик Роберто Рудольфи, советник Мари Стюарт Джон Лесли, а в качестве потенциальных спонсоров готовы были выступить бывший муж королевы Мари Тюдор – Филипп II и герцог Альба [3, р.150]. Все эти действия со стороны католиков лишь добавляли протестантам уверенности в необходимости жесткого законодательного ответа на внутреннюю угрозу со стороны католической общины, которая всё больше представлялась в общественном и политическом сознании как «пятая колонна» Папского Престола.

Однако наиболее серьезные поражения в правах католикам принесли парламентские акты, принятые конце XVII – начале XVIII вв., на фоне очередного витка «католической паранойи», вызванного раскрытием череды антигосударственных заговоров («Измена священников» (*Treason of the Priests*) в 1603 г., знаменитый «Пороховой заговор» (*Gunpowder Plot*) 1605 г.), участие в которых принимали представители католической общины. В немалой степени политику последних Стюартов, также можно причислить к одним из решающих факторов усиления антикатолической истерии в Англии и как следствие введения новых антикатолических законов. В частности, серьезный антагонизм в общественно-политических кругах

вызвал брак Карла II с Генриеттой Марией (младшей дочерью короля Франции Генриха VI, и ревностной католичкой), и её дальнейшая деятельность по «католицизация» королевского двора, внутри которого резко возросло количество иностранных католиков из числа ее свиты, а также стало популярным тайное обращение английских придворных в католичество [4, р. 3]. В меньшей степени недовольство вызывали действия самого Карла II, в связи с его негласным одобрением продвижения католиков в правительство, в частности назначение Томаса Клиффорда, лордом-казначеем, лорда Арлингтона – государственным секретарём [4, р. 5]. Его курс на сближение с Испанией и как следствие ввязывание Англии в две войны с близкими по протестантскому духу Нидерландами, вызывали у многих подозрения, относительно его собственной приверженности англиканской церкви [5, р. 107].

Однако, не смотря на явную симпатию Карла II к латинской вере и ее адептам, именно при нём Парламентом были введены так называемые «Тестовые акты»: «Корпоративный Акт» 1661 г. – добавлявший к «клятве супрематии» для всех государственных служащих принятие причастия по англиканским канонам; «Акт о собраниях» 1664 г. – запрещающий религиозные собрания более 5 человек проводимые не по англиканскому обряду; «Акт о присяге» 1678 г. – распространявшего клятву и причастие на членов палаты общин [6, р. 895].

Последний массированный ударом по католикам был, впрочем, нанесён уже после Славной революции, во время правления Вильгельма III и Марии II, а затем при Георге I и II, с принятия так называемых Карательных законов (*Penal Laws*), ставших реакцией государства на череду якобитских восстаний, которые поддерживались многими английскими и ирландскими католиками-рекузантами из числа джентри [7, р. 80]. Первым был принят «Акт об изгнании» 1697 г., упразднявший католическую иерархию и изгонявший латинских епископов с территории Ирландии и Британии, затем в 1704 г. последовал «Акт о предотвращении роста папизма», введивший для католиков «*gavelkind*» – правило разделения земли на равные доли, наследниками, что в итоге привело к тому, что к середине XVIII века ирландские католические лэндлорды владели лишь 10 % земельных наделов и были беднейшими в Британии [8, р. 489]. Последним актом, закреплявшим окончательное поражение прав католического меньшинства стал «Закон о лишении избирательных прав» 1728 г., запрещающий исповедовавшим католичество баллотироваться в Парламент, а также участвовать в избирательном процессе [8, р. 491].

Однако, к началу второй половины XVIII века в британском истеблишменте постепенно возникает понимание необходимости изменения подхода к «католическому вопросу», ввиду усиления социально-экономической и политической напряженности, вызванной действиями карательных законов. Недовольство со стороны католиков-рекузантов создавало благоприятную почву для роста про-якобитских настроений на севере Англии, в Шотландии и в Ирландии. В Лондоне также с обеспокоенностью наблюдали за ситуацией в своих заокеанских колониях в Северной Америке, в особенности на относительно недавно приобретенную Британией после Семилетней войны провинцию Квебек, большую часть населения которой составляли франкоговорящие католики. Приращение новыми территориями потребовало от британцев наращивание численности военных сил для охраны новых территорий, что в свою очередь заставило их обратить внимание на ирландских и канадских католиков, запрет на рекрутирование которых был наложен Парламентом же еще в 1673 году. В сложившейся ситуации, англичанами были вынуждены, пойти на некоторые уступки, в частности позволив католикам

с конца 50-х годов наниматься в пехотные полки [9, р. 31]. В результате принятия этого послабления в британской армии за последующие 20 лет произошли кардинальные изменения в части её этно-религиозного состава и большая часть полков имели либо существенную долю католиков, либо полностью состояли из них [9, р. 32]. На момент начала 1770-х гг. высшее военное и гражданское руководство метрополии понимало, что сложившаяся зависимость может стать серьезной угрозой для безопасности империи и учетом того, что дальнейшее усугубление положения католиков может привести к мятежу в армии, крупномасштабной гражданской войне и потере колоний в Америке [9, р. 33].

Учитывая потенциальные риски, которые могло нести сохранение опрессивного курса в отношении католического населения, британские парламентарии в конечном итоге смирились с необходимостью первого шага в сторону принятия некоторых послаблений. Так, в 1774 году британской метрополией был принят «Акт о Квебеке» (*The Quebec Act*), который в частности разрешал государственным служащим открыто исповедовать католицизм, клятва супрематии была заменена для квебекцев особой присягой на верность монарху, которая не требовала от присягавших денонсации католической веры, помимо этого в провинции восстанавливалась католическая иерархия, священникам разрешались проповедование и добровольный сбор церковной десятины [10, р. 10]. Однако, следует отметить, что действие положений акта ограничивалось исключительно провинцией Квебек и не распространялось на прочие британские территории.

Не смотря на то, что «Акт о Квебеке» целом оказался весьма консервативной и точечной мерой направленной на урегулирование локального этно-религиозного конфликта, все же не стоит преуменьшать его значения для становления эмансипационного движения среди католиков в других частях зарождавшейся Британской империи. Данный акт стал первым удачным «экспериментом» по частичному предоставлению отобранных у католиков прав, показавший свою эффективность и позволивший Британии сохранить лояльность канадцев и предотвратить их переход на сторону тринадцати колоний во время американской войны за независимость. Принятие «Акта о Квебеке», на наш взгляд, стало важнейшим прецедентом в истории процесса восстановления прав католиков и «выравнивания» их гражданского статуса по отношению к протестантскому большинству. Этот акт дал толчок формированию консолидированных католических политических движений в Ирландии и Англии, которые стали движущей силой эмансипационного процесса, а также проложил дорогу для ряда последующих законодательных инициатив, направленных на дальнейшее расширение прав не только католиков, но и представителей других ущемленных христианских деноминаций и позволил заложить основу мирного урегулирования более чем двухсотлетнего межконфессионального конфликта в Британии к первой половине XIX века.

Библиографический список

1. Questier M. Catholic Loyalty in Early Stuart England / M. Questier // *The English Historical Review*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – Vol. 123 (504). – P. 1132–65. – URL: <http://www.jstor.org/stable/20485375> (дата обращения: 08.03.2023).
2. Pius V. *Regnans in Excelsis: The Bull of Pope Pius V against Elizabeth* / V. Pius. – Rome: The Holy See, 1570. – URL: https://internetshakespeare.uvic.ca/doc/PapalBull1570_M/index.html (дата обращения: 08.03.2023).

3. Tiernan R. K. Walsingham's Entrapment of Mary Stuart: The Modern Perspective of a Deception Analyst / R.K. Tiernan // *American Intelligence Journal*. – Washington D.C.: The National Military Intelligence Association, 2017. – Vol. 34 (1) – P. 146–56. – URL: <https://www.jstor.org/stable/26497131>. (дата обращения: 08.03.2023).
4. Haley K. No Popery in the Reign of Charles II / K. Haley // *Britain and the Netherlands*. – TheHague, 1975. – Vol. 5. – P. 102–119.
5. Drabble J. E. Mary's Protestant Martyrs and Elizabeth's Catholic Traitors in the Age of Catholic Emancipation / J.E. Drabble // *The Church History*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – Vol. 51(2). – P. 172–185. – URL: <https://www.jstor.org/stable/3165834> (дата обращения: 08.03.2023).
6. Charles II. An Act for the more effectual preserving the Kings Person and Government by disabling Papists from sitting in either House of Parlyament // *Statutes of the Realm*. – London, 1819. – Vol. 5. – P. 894–96. – URL: <http://www.british-history.ac.uk/report.asp?compid=47482> (дата обращения: 08.03.2023).
7. Bossy J. *The English Catholic Community 1570–1850* / J. Bossy. – London: Darton, Longman and Todd, 1975. – 446 p.
8. Burns R. E. *The Irish Popery Laws: A Study of Eighteenth-Century Legislation and Behavior* / R.E. Burns // *The Review of Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1962. – Vol. 24(4). – P. 485–508. – URL: <http://www.jstor.org/stable/1405359>. (дата обращения: 08.03.2023).
9. Gwynn D. *The Struggle for Catholic Emancipation (1750–1829)* / D. Gwynn – London: Longmans, Green and Co., 1928. – 290 p.
10. George III, *The Act for making more effectual provision for the government of the province of Quebec in North America*. – Quebec: William Brown, 1774. – 29 p. – URL: <https://www.canadiana.ca/view/ооcilm.48786/12>(дата обращения: 30.03.2023).

НЕЙРОННОЕ ОРУЖИЕ: ОСОБЕННОСТИ И УГРОЗЫ НОВЕЙШИХ СРЕДСТВ ВЕДЕНИЯ «НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ»

Ермилов Андрей Дмитриевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: okarius@bk.ru

*Научный руководитель – Пеньковцев Роман Владимирович, к.и.н., доцент
кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. В статье сделана попытка показать, как постепенно возникающая новая форма ведения боевых действий, а именно с применением методов и средств нейронной войны, может в перспективе отразиться на вопросах международной безопасности в рамках возникновения новой гонки вооружений, а также изменить классическое представление о военных операциях и принципах ведения войны.

Ключевые слова: нейронная война, нейронное оружие, нейро-S/T, новые формы войны, гонка вооружений, международная безопасность, нейротехнологии.

NEURAL WEAPONS: FEATURES AND THREATS OF THE LATEST MEANS OF CONDUCTING «NON-CLASSICAL WARFARE»

Ermilov Andrey Dmitrievich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: okarius@bk.ru

Abstract. The article attempts to show how a gradually emerging new form of warfare, namely with the use of methods and means of neural warfare, may in the future affect international security issues within the framework of the emergence of a new arms race, as well as change the classical understanding of military operations and principles of warfare.

Keywords: neural warfare, neural weapons, neuro-S/T, new forms of war, arms race, international security, neurotechnology.

Введение

Исходя из количества публикуемых статей, выпускаемой научной и научно-популярной литературы и количества проводимых по всему миру исследований можно смело утверждать, что на сегодняшний день нейробиология является, пожалуй, одной из самых стремительно развивающихся наук в мире. Нейробиология представляет собой некое междисциплинарное поле, которое посредством своих научных методов и исследований стремится интегрировать и объединить такие отдельные науки как общая химия, биохимия, органическая химия, физика, дифференциальное исчисление, когнитивная психология, общая биология, теория компьютеров, поведенческая психология [1].

Тот факт, что в ближайшие десятилетия новейшие исследования и перспективные достижения в области нейронауки будут оказывать воздействие на вопросы национальной и

международной безопасности, является бесспорным и остается лишь вопросом времени. Исторически так сложилось, что достижения, полученные в результате различного рода изысканий в новых сферах деятельности, человек стремится использовать не только во благо общего процветания, но, ввиду своей разрушительной природы, и в качестве нового способа уничтожения себе подобных. История не раз это подтверждала и еще подтвердит. Это же демонстрируют и результаты исследования спонсированного Разведывательным управлением министерства обороны Соединенных Штатов, опубликованные в 2018 году Национальным научно-исследовательским советом (NRC) [1]. Данное исследование было посвящено открытиям в нейробиологии, которые могут послужить спусковым крючком для новой гонки вооружений – вооружений основанных на нейротехнологиях, поскольку постольку государства, способные использовать нейротехнологии лучше своих оппонентов, смогут получить и решающее преимущество в самых современных и передовых средствах и методах ведения войны [2]. В цитируемом исследовании так же утверждается, что совершенно новые методы воздействия на центральную нервную систему, головной мозг и, как результат, на мысли, умственные способности и эмоции людей могут стать краеугольным камнем будущих конфликтов, военных действий, тактики и стратегии ведения войны и даже экономического аспекта противоборства.

Методы исследования

Методологическая основа исследования обусловлена многоаспектным характером изучаемой темы. В рамках данной статьи были использованы методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, единства исторического и логического, метод статистического анализа. Конкретно-исторический метод предоставляющий возможность расположить изучаемый материал в соответствии с историческими фактами и реалиями исследуемого вопроса. Комплексный подход в изучении сложных технических феноменов и политических процессов в данной сфере, обладающей значительной спецификой. Системный и проблемно-хронологический подход, которые учитывают взаимодействие политических, военных, экономических и других факторов. Компаративный метод для раскрытия сущности и особенностей эволюции средств ведения войны.

Результаты и их обсуждение

Термин «нейронные средства ведения войны» или нейро-S/T достаточно широко употребляется уже в течение нескольких лет с целью определения исключительно военного использования достижений нейробиологии и нейротехнологий [3].

Один из наиболее авторитетных в этой области экспертов R. Mcgreight предлагает следующее определение: «нейронное оружие предназначено влиять, направлять, ослаблять, подавлять или нейтрализовывать человеческие мысли, функции мозговых волн, перцепцию, интерпретацию и поведение в такой степени, что целью такой боевой техники является либо временные, либо постоянные нетрудоспособность, ментальные аномалии или неспособность нормально функционировать» [4].

В рамках анализа современной специализированной литературы возможно выделение трех различных аспектов нейронных средств ведения войны:

1. Нейронное улучшение дружественного личного состава. Это подразумевает под собой использование нейротехнологий с целью повышения эффективности когнитивных способностей боевой единицы, что качественно отражается на принятии решений в сложной обстановке и на выполнении поставленных боевых задач;

2. «Проникновение в головы» противника. Определенные нейронные военные средства, нацеленные на выполнение задач, стоящих перед стратегической и тактической разведкой;

3. Оперативное влияние на поведение противника. Речь идет о более непосредственном воздействии на предполагаемого противника с целью подавления его воли и психики.

Продолжающиеся дебаты в академической среде о потенциальных областях применения нейро-S/T привели ряд экспертов к заключению, что пространство ментальной деятельности человека становится новым полем битвы [5]. Наряду с сушей, воздухом, морем, космическим и киберпространством мышление, неожиданно для многих, может очень скоро стать новой областью военных действий [6].

В действительности, сама по себе идея, стоящая за атакой на сознание противника весьма древняя. Сунь-цзы еще в 6 веке до н.э. сформулировал нечто похожее сказав: «Подчинить врага без битвы является высшим проявлением мастерства». Похожее мнение высказывают и современные авторитетные эксперты в области различного рода психологических операций. Например, Р. Е. Valley и М. Aquino утверждают, что «войны ведутся и выигрываются или проигрываются не на полях сражений, а в умах людей» [7]. Все классические методы ведения войны нацелены на силовое насаживание своей воли на противника и принуждение его к капитуляции. В определении R. Szafranski «целью войны является, проще говоря, вынуждение или содействие тому, чтобы противник сделал то, что вы установите в качестве лучшего выбора, или выбрать то, что вы желаете, чтобы это выбрал противник» [8]. Именно поэтому огромный смысл имеется в том, чтобы направить ресурсы и исследовательские усилия на разработку средств и методов ментального манипулирования противником вместо непосредственной физической аннигиляции, что по существу, исходя из фундаментальной цели любой войны, является вторичным по отношению к подавлению воли. Бесспорно, любое правительство, которое сможет овладеть подобной технологией «управления умами», сможет достичь гораздо более внушительного преимущества на международной арене, чем просто обладая ядерной триадой.

Разумеется, на первый взгляд такие формулировки как «боевые действия с использованием нейронного оружия» или «стратегии ведения нейронной войны» на сегодняшний день могут показаться чем то из области научной фантастики, однако бесспорным в среде специалистов является тот факт, что нейронное оружие не является чем-то принципиально физически невозможным или что оно требовало бы для своего создания и разработки каких-либо еще не изобретенных технологий. По своей сути это действительно радикально новый вид оружия задачей которого является целенаправленное воздействие на центральную нервную систему и головной мозг человека, а, стало быть, и на управление всеми психофизиологическими процессами, происходящими в человеческом организме. В зависимости от трактовки понятия «нейронное оружие» можно даже утверждать, что некоторого примитивного вида образцы такого вооружения уже существуют. К примеру, коммерческая разработка «Myotron», которая при непосредственном физическом контакте перегружает центральную нервную систему человека, что вызывает блокировку моторных сигналов мозга посылаемых в мышцы, что в свою очередь делает невозможными сознательные мышечные движения [9].

Учитывая нынешние внушительные финансовые вливания и достижения в нейробиологии, делаемые ведущими мировыми державами, особенно в сфере исследований экзогенного стимулирования головного мозга и интерфейсы типа «мозг – компьютер», методы

ведения нейронной войны и прототипы нейронного вооружения могут появиться уже в период между 2020 и 2025 годами [9].

Американский писатель, доктор философии и мыслитель Карлос Кастанеда писал: «Идеальный солдат – это тот солдат, который мысленно убил себя еще перед боем». Эта фраза обретает свое физическое воплощение в консолидации мнений разработчиков современного вооружения, которые все чаще начинают утверждать, что человек является наиболее слабым звеном в так называемой «цепочке уничтожения»: люди имеют целый комплекс физических потребностей, которые так или иначе необходимо удовлетворять, они обладают слабым телом, наличие психики в контексте боевых действий также является слабым местом и до сих пор, несмотря на весь технический прогресс, очень немного может быть сделано для того, чтобы нивелировать эти слабости. По этой причине военные разработки в нейробиологии, в частности по таким направлениям как нейрофармакология, интерфейсы класса «мозг – компьютер» и экзогенная искусственная стимуляция мозговой деятельности, выглядят весьма соблазнительными для правительств ведущих держав мира. Постараемся обзорно рассмотреть каждое из вышеуказанных перспективных направлений.

Военная нейрофармакология

В течение последних нескольких десятилетий специалисты в области нейробиологии достигли внушительных результатов в вопросе понимания химических процессов умственной деятельности мозга, что уже сегодня привело к созданию принципиально новых психотропных лекарственных средств, которые можно разделить на три группы: 1) селективные ингибиторы обратного захвата серотонина и норадреналина; 2) ингибиторы моноаминоксидазы; 3) трициклические средства [10]. Посредством медикаментозного вмешательства ученые рассчитывают в перспективе не только лечить разнообразные психофизиологические заболевания, но и улучшать когнитивные возможности человека при помощи так называемых ноотропов. Современные измерения активности различных участков головного мозга могут помочь ученым более точно прогнозировать воздействие тех или иных психотропных или психоактивных веществ на умственные способности. Это в свою очередь позволит осуществлять направленное воздействие препаратов на конкретную область головного мозга, что приведет к точному и необходимому поведенческому и психологическому действию.

В качестве конкретного примера можно привести аналептик модафинил, который уже сегодня рассматривается военными ведомствами ряда государств в качестве модификатора когнитивных способностей служащих различных военных подразделений. Этот препарат одобрен Управлением по контролю за продуктами и лекарствами Соединенных Штатов Америки. Модафинил способен не просто подавлять усталость, он также стимулирует бдительность и бодрствование, что и делает его интересным для вооруженных сил. Препараты несколько иного спектра, например бета-блокатор пропранолол, способны нивелировать беспокойство и стресс, что существенно снижает вероятность возникновения посттравматических стрессовых расстройств у военнослужащих. Использование таких препаратов сегодня практикуется специалистами Гарвардского Университета для оказания помощи ветеранам боевых действий. В теории, такими препаратами можно снабжать военных до непосредственного боестолкновения, что существенно снизит вероятность возникновения в будущем посттравматических синдромов и вместе с этим может привести к меньшему контролю поведения, а, стало быть, и к более агрессивному поведению в бою.

Экзогенная искусственная стимуляция умственной деятельности

Широко известно, что еще с конца XIX века в психиатрии используется электрическая стимуляция для лечения различных психических расстройств и заболеваний. С 40-х – 50-х годов для лечения таких диагнозов как биполярное расстройство личности, клиническая депрессия и шизофрения используется метод электросудорожной терапии, при которой на головной мозг через электроды подается электрический ток.

В 80-х годах XX века были разработаны более совершенные методы электрической стимуляции мозга. Например, метод транскраниальной магнитной стимуляции (ТМС), который представляет собой подобие шлема, генерирующего мощные электромагнитные поля, посредством которых происходит активизация конкретной области головного мозга. Как показывают исследования, данный метод может оказаться весьма перспективным при лечении клинической депрессии и других психических расстройств хотя все еще и остается ряд нерешенных вопросов, связанных с безопасностью данного метода [11]. Проведенный в 2013 году эксперимент в Университете Вашингтона показал, что при помощи ТМС возможна стимуляция двигательной коры головного мозга, что позволило одному из испытуемых в интерфейсе «мозг – компьютер – мозг» дистанционно контролировать движения другого испытуемого [12]. Ключевым недостатком ТМС в контексте его использования в военных целях на сегодняшний день остается необходимость в мощном источнике питания и внушительных размеров магнитной катушки, что естественно исключает всякую мобильность.

К другим исследуемым сегодня методам искусственной стимуляции головного мозга можно отнести транскраниальную стимуляцию постоянным током (ТСПТ) и транскраниальную импульсную ультразвуковую стимуляцию (ТИУС), которые, в отличие от ТМС, уже могут быть интегрированы в некий мобильный боевой интерфейс. При проведении ряда испытаний ТСПТ было установлено, что при подаче слабого тока через электроды на кожу головы происходит заметное увеличение когнитивных способностей и концентрации [13].

Исследователями из Аризонского государственного университета было разработано устройство на основе принципов работы транскраниальной импульсной ультразвуковой стимуляции, которое оказалось пригодным для ментального контроля солдата, в частности резкого увеличения бдительности, концентрации и уменьшения боли от полученных ранений [14]. На сегодняшний день уже существует и коммерческий недорогой аналог для частного использования, который на рынке получил название «Focus».

Интерфейсы класса «мозг – компьютер»

Одной из самых приоритетных задач стоящих перед учеными нейротехниками – разработка интерфейса класса «мозг – компьютер» (brain-computer interface или BCI), который позволил бы человеку осуществлять обмен информацией непосредственно между головным мозгом и компьютером.

На сегодняшний день уже существует ряд примитивных BCI технологий, в основе которых лежит принцип работы электроэнцефалограммы, позволяющей считывать и интерпретировать деятельность мозга. К примеру, при помощи технологий ЭЭГ, уже осуществляется ввод простейших команд, таких как перемещение курсора при помощи мысленно представленной траектории его движения по экрану [16].

Значительно более амбициозной задачей является разработка особого расширенного ЭЭГ каталога характерных откликов на те или иные слова и тем самым создание технологии,

способной в буквальном смысле «читать» умственную деятельность. Сегодня исследования в этом направлении производятся в Калифорнийском технологическом университете [17]. И хотя ряд экспертов утверждают, что на данный момент возможность создания подобной универсальной машины для «чтения мыслей» весьма ограничена, это не уменьшает заинтересованности специалистов военных структур в перспективе разработки радикально новых систем вооружения способных на непосредственный нейрологический контроль [18].

В военной сфере ВСИ технологии могут значительно упростить и улучшить раннее обнаружение различных угроз и их идентификацию и существенно уменьшить время ответного реагирования [19]. Управление перспективных исследовательских проектов министерства обороны США (DARPA) сегодня занимается разработкой под названием «технология системы когнитивного обнаружения угрозы», в ее основе лежит система построенная на принципах ЭЭГ, которая позволяет фиксировать бессознательную реакцию головного мозга на возможные угрозы, замеченные человеком на мониторе, и посылает сигнал о них оператору.

При помощи ВСИ технологий солдат сможет более эффективно осуществлять контроль над перспективными роботизированными экзоскелетами или же автономными беспилотными боевыми системами. Использование различных нейронных экосистем, непосредственно связывающих головной мозг солдата и его оружие позволит осуществлять более точное поражение противника и ускорить время реагирования.

Как отмечают эксперты, широкое распространение различного рода концепций так или иначе основанных на нейро-S/T среди как государственных, так негосударственных акторов международных отношений является весьма вероятным, в первую очередь по причине двойного использования технологий, лежащих в основе нейронного оружия. Государствам будет проблематично отказаться от модернизации и совершенствования ЭЭГ, МРТ и прочих нейротехнологий исходя из соображений национальной безопасности. Многие подобные технологии будут и в относительно легкой доступности для негосударственных акторов и даже частных лиц, это справедливо и для террористических организаций и криминальных элементов. По разным прогнозам различного рода нейронные технологии, такие например, как уже упоминаемые ранее ВСИ или нейронные имплантаты могут стать распространенными в обществе уже в ближайшие десятилетия [21].

На сегодняшний день мы можем проследить несколько признаков глобальной гонки нейровооружений. Так, Япония, Индия, Иран и Китай не так давно произвели внушительные инвестиции в исследования по нейробиологии.

В уже упоминаемом ранее докладе Национального научно-исследовательского совета Соединенных Штатов от 2018 года указывалось, что в том случае, если эффективное когнитивное вооружение будет разработано только одним государством, то существует вероятность ускоренной эскалации и экспансии на рынке нейротехнологий средств подавления. J. Moreno указывает, что государство, которое сможет достичь превосходства и закрепить так называемый «нейротехнологический разрыв» между собой и своими оппонентами, бесспорно сможет добиться стратегического и тактического преимущества, что в свою очередь предоставит ему господство в XXI веке.

Как показал анализ существующих общедоступных источников в рамках данной статьи, до настоящего момента преимущество в исследованиях перспективного использования нейро-S/T сохранялось за США, но по прогнозам аналитиков это лидерство является весьма

неустойчивым и очень скоро другие представители мирового сообщества могут выйти на первый план [21]. Это в свою очередь говорит нам о том, что некая латентная гонка нейровооружений уже ведется.

Хорошо известно, что и Россия, и КНР в относительно недалеком прошлом занимались исследованиями в области так называемых «необщепинятых» вооружений, которые по задумке должны были поражать нервную систему и головной мозг. Исследования профессора S. Kernbach из научно-исследовательского центра окружающей среды Штутгарта (Германия) показывают, что СССР инвестировал более 1 миллиарда долларов на разработку и исследование человеческой психики и «психотронных средств и методов ведения войны» [16].

Как было отмечено в исследовании NRC 2018 года, особое внимание в этом вопросе стоит уделить Китаю, который ввиду своей возрастающей экономической мощи и возможности без мировой огласки проводить все необходимые опыты и исследования, необходимые для разработок в области нейронного вооружения, имеет все возможности опередить позиции стран Запада.

Заключение

Итак, какой итог можно подвести в завершении обзора данного вопроса. В современном мире существует не просто тенденция, а вполне очевидная научная гонка в сфере нейронауки. По прогнозам экспертов будущие военные операции и концепции ведения боевых действий все больше будут основываться на задачах, выполнение которых необходимо для достижения тех или иных психологических эффектов, что в теории, возможно, будет снижать физическое разрушение и убийства. Кроме того нейронное оружие станет причиной угрозы международной безопасности совершенного нового уровня, что потребует от мирового сообщества создания специализированной концепции «нейронной безопасности» или норм международного права регулирующих распространение нейронного вооружения.

Учитывая существенные достижения современной нейронауки, можно утверждать с определенной долей уверенности, что нейронное оружие не находится от сегодняшнего дня на удалении в десятки лет, а может появиться гораздо быстрее.

Существует вполне реальная перспектива, что именно нейро- и кибероружие будет определять стратегию и тактику современных и будущих неклассических конфликтов.

Библиографический список

1. Krishnan A. From psyops to Neurowar: What are the dangers? / A. Krishnan. – East Carolina University, 2014.
2. Aftergood S. «The soft kill Fallacy» / S. Aftergood. – Bulletin of the Atomic Scientists, 1994.
3. HAARP. – URL: http://perevodika.ru/articles/18040.html?sphrase_id=70347 (дата обращения: 05.04.2022).
4. Marks J. The Search for the Manchurian Candidate: The CIA and Mind Control / J. Marks. – New York: W.W. Norton & Co, 1991.
5. Thomas T.L. Human Network Attacks, Military Revue. – 1999.
6. Valley P.E. From PSYOP to Mind War: The Psychology of Victory / P.E. Valley, M. Aquino. – Headquarters 7th Psychological Operations Group, Presidio at San Francisco, CA, 1980.
7. Volcler J. Extremely Loud: Sound as a Weapon / J. Volcler. – New York: The New Press, 2013.
8. Wander J.D. Distributed cortical adaptation during learning of a brain-computer interface task / J.D. Wander, T. Blakely, K.J. Miller et al. – Proc Natl Acad Sci USA, 2013.

9. Armstrong D. Researcher Control Colleague's Motions in 1st Brain-to-Brain Interface. UW Today. – URL: <http://www.washington.edu/news/2013/08/27/researcher-control-colleagues-Motions-in-1st-human-brain-to-brain-interface/> (дата обращения 05.04.2022).
10. Варламов Д. С ума сойти! Путеводитель по психическим расстройствам для жителя большого города / Д. С. Варламова, А. Зайниев. – 3-е изд. – М.: Альпина Паблицер, 2020. – 327 с.
13. Gunn D. Poor Man's Ray Gun. – Desert Publications, 1996.
14. Humbling D. Court to Defendant: Stop Blasting that Man's Mind! – URL: <http://www.wired.com/2009/07/court-to-defendant-stop-blasting-that-mans-mind/> (дата обращения 05.04.2022).
15. Keim B. Uncle Sam Wants Your Brain. – URL: <http://www.weird.com/2008/08/uncle-sam-wants-2/> (дата обращения 05.04.2022).
16. Kernbach S. Unconventional Research in USSR and Russia: Short Overview / S. Kernbach // SSRN Electronic Journal. – 2013.
17. Koplow D.A. Non-Lethal Weapons: The Law and Policies of Revolutionary Technologies for the Military and Law Enforcement / D.A. Koplow. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
18. Putin Targets Foes with “Zombie Gun” Which Attack Victims Central Nervous System. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-212345/Putin-targets-foes-with-zombie-gun-which-attack-victims-central-nervous-system.html> (дата обращения 05.04.2022).
19. Laggett H. The Next Hacking Frontier: Your Brain. – URL: <http://www.wired.com/2009/07/neurosecurity/> (дата обращения 05.04.2022).
20. Lynch Z. The Neuro Revolution: How Brain Science is Changing Our World / Z. Lynch. – New York: St. Martin's Press, 2009.
21. Белоус А. И. Кибероружие и кибербезопасность. О сложных вещах простыми словами / А. И. Белоус, В. А. Солодуха. – М.; Вологда: Инфра-Инженерия, 2020. – 692 с.

**ШКОЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ КОНЦА 1920–1930-Х ГГ. КАК ФАКТОР
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.**

Журавлев Денис Сергеевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: denneo769@gmail.com

Научный руководитель – Сальникова Алла Аркадьевна, д.и.н., профессор

кафедры отечественной истории,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Школьные реформы конца 1920-х–1930-х гг. остаются одними из самых сложных и многогранных модернизационных процессов советского школьного образования, затрагивающие практически все сферы общественной жизни и все слои советского общества. В рамках школьной реформы формировалось совершенно новое «школьное пространство», в локусах которого решались вопросы касательно грамотности, общекультурной подготовки, повышения квалификации обучающихся, идеологического воспитания и т. д. В статье рассматривается динамика развития изучения и интерпретации периода школьного реформаторства, как фактора анализа в историографии второй половины XX в.

Ключевые слова: историография, школьное пространство, школьные реформы, советизация, образование.

**SCHOOL REFORMS OF THE LATE 1920S–1930S. AS A FACTOR
IN THE TRANSFORMATION OF CHILDREN'S SPACE
IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF
OF THE 20TH CENTURY**

Zhuravlev Denis Sergeevich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: denneo769@gmail.com

Abstract. School reforms in the end of 1920s–1930s remain one of the most complex and multifaceted modernization processes of Soviet school education, affecting almost all spheres of public life and all strata of Soviet society. As part of the school reform, a completely new “school space” was formed, in the loci of which issues related to literacy, general cultural training, advanced training of students, ideological education, etc. were resolved. The article discusses the dynamics of the development of the study and interpretation of the school reform period as a factor of analysis in the historiography of the second half of the 20th century.

Keywords: historiography, school space, school reforms, sovietization, education.

Школьные реформы конца 1920-х–1930-е гг. стали начальным и, несомненно, основополагающим этапом в формировании системы массового образования XX в. Именно с 1930 г. повсеместно начинает вводиться всеобщее начальное обучение детей, в городах и рабочих

поселках 7-летнее образование. Школьные преобразования этого периода стали принимать явный директивный и унифицированный характер. Организовывался централизованный контроль над всеми сторонами школьной деятельности и, как следствие, школьного пространства советского города [1, с. 57–68]. Контроль и унификация касались всех сторон школьного пространства - от организации управления учебно-воспитательным и образовательным процессами, до вещно-предметного мира школьных помещений. Деятельность партии и правительства по укреплению материальной базы сети школьных учреждений была действительно продуктивной. По данным источников, достаточно большое количество материальных ресурсов в Казани были направлены именно на увеличение количества школ всех типов, и, в частности, на новое школьное строительство.

В данном ключе, изучение вопроса «пространственного поворота» в рамках школьных реформ второй четверти XX в. в отечественной историографии обусловлено в первую очередь изучением трансформации официального советского дискурса детства, и отражением и воплощением его в пространстве советского города. Одним из ключевых понятий для данного историографического исследования является понятие «детское пространство», рассматриваемое здесь как совокупность пространств, мест и локусов, с которыми взаимодействовали дети, учащиеся в школах. В основном здесь можно говорить о тех детских пространствах, которые были целенаправленно созданы и организованы для детей, с учетом их возраста и социальных потребностей. Кроме того, в поле зрения авторов, изучающих школьные реформы и затрагивающих «детское пространство», входят и отдельные детские локусы – досуговые и воспитательные комнаты, уголки, спортивные и образовательные площадки, актовые и спортивные залы, классные комнаты и др. [2, с. 53–64].

Первые работы, относящиеся к развитию и изучению российской школы, в которых косвенно затрагивается преобразование детского пространства, имели в основном публицистический характер, что достаточно характерно для данного исторического периода. Кроме того, в это время увеличилось число диссертационных исследований по педагогическим и историческим специальностям. Однако историография послевоенного периода характеризуется явным подъемом уровня заинтересованности к изучению формирования советской школы. Одной из наиболее ярких работ по данной проблематике является, вышедшая в 1948 г. работа Н.А. Константинова и Е.Н. Медынского «Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет». Здесь в большей степени авторами затрагивались вопросы формирования идеологических нарративов в школьном пространстве социалистических городов. В работе прослеживается очевидное стремление «показать громадные достижения советской общеобразовательной школы» [3, с. 5–23]. В первую очередь рассматриваются все те нововведения, влияющие на школьное пространство советской школы, кардинально отличающие её от дореволюционных образовательных учреждений. Кроме того, авторы прямо связывали успехи и разоблачение временных извращений и ошибок с ЦК ВКП(б) и его указаниями, так полагают Константинов, Медынский [3, с. 28–29]. Как и в большинстве работ этого периода, здесь отсутствуют подлинны научные оценки появления и организации новых пространств и локусов в рамках школьных реформ 1930-х гг., а ученые конкретизировали педагогическое и социальное знание, уже реферированное властными структурами.

В кандидатской диссертации А.И. Беляевой 1950 г. нарочито подчеркивается преемственность дореволюционной и «новой» советской школы [2, с. 88–98]. Хотя такой вывод и не

соответствовал социальным и общественно-политическим установкам научного сообщества. В диссертационной работе Л.Ф. Спирина лишь косвенно, но затрагивается проблема школьного пространства, как фактора имеющего социалистическое воспитательное значение, на примерах, как русских, так и нерусских школ РСФСР [4, с. 4–16].

Подлинный интерес для историографического исследования вызывает очерк «Культурный рост советской страны и борьба за качество учебно-воспитательной работы школ (1930–1941 гг.)». В труде рассматривается и подробно описывается контекст общеобразовательной школы как, как нового «пространственного локуса» с социальными условиями нового социалистического типа. Затрагивается такой аспект, как рост числа учащихся в начальных, семилетних и средних школах городов, что в свою очередь напрямую влияло на организацию новых классных комнат, новых помещений досуговой и воспитательной направленности. Об этом говорят данные, представленные автором, касательно сведений о росте грамотности населения и численности учителей [5, с. 7–20]. В очерке описываются те же самые проблемы, что и в большинстве других очерков. Это дает понимание того, что в этот период историография характеризовалась методологическим единством исторического и логического параметра развития общеобразовательной школы. В работе Н.А. Константинова и Е.Н. Медынского затрагивается анализ букварей, а именно предпринята попытка систематизации и сопоставления их с требованиями комплексных программ. Они рассматривают не только буквари из стандартного списка, но и издания Западной Сибири, Иваново-Вознесенска и других регионов [3, с. 93–99].

Анализ работ, изданных в регионах, позволяет подтвердить вывод о том, что, несмотря на переход к строительству школ по типовым проектам в регионах имело место более пластичное и выразительное освоение классического наследия. Так, например, Архитектор И.Г. Гайнутдинов первый татарский архитектор Казани, который обладал национальным образом художественного виденья и мышления в постройке школ. В своих изначально типовых проектах он первый обращается к освоению национального наследия. Такие работы как «Народное образование в Курганской области за 50 лет Советской власти» 1967 г., «Народное образование в Красноярском крае за годы Советской власти» 1970 г., «Народное образование в Подмосковье в годы Советской власти» 1971 г. частично затрагивают этот аспект. Авторами сборников были научные сотрудники, учителя, руководители народного образования и архитекторы. Именно поэтому отсутствие единства и обобщения изложенного материала по развитию региональной системы образования не дают возможность полноценно охарактеризовать процессе изменений, затрагивающих именно региональный аспект школьного пространства. Однако, эти работы являются первыми попытками систематизировать информацию по развитию народного школьного образования в регионах. Авторы здесь не выявляют общих тенденций в изменении школьного пространства, затрагивают лишь косвенные черты преобразования детских локусов.

Большинство работ рассматриваемого периода описывают переход труда как дисциплины в самоцель школьного образования, влияющую на изменение школьного пространства. В частности говорится о появлении мастерских и классов труда, влившихся в школьную бытность и формируя «новый образ» школьника, соответствующего советскому дискурсу и идеологии. Так, в своей работе С.М. Шабалов, рассматривает вопросы политехнического образования, показывая и анализируя основные понятия политехнического образования в школе –

опора на современные достижения науки, производственная практика, связь обучения с жизнью, производительный труд, общетехнические дисциплины [6, с. 74–85]. В.Н. Шубкин и Д.Л. Константиновский в работе «Молодежь и образование. Метод. Вопросы и опыт социального прогнозирования на материалах социологических обследований в Новосибирской обл.» 1977 г. освящают социальные проблемы образования и выбор школьниками профессии. Кроме того, кадровые проблемы в школе здесь рассматриваются факторами преобразования школьного пространства [7, с. 56–102].

В трудах 1970-х–1980-х гг. акцент делается на социальные разделы, касающиеся структуры, периодизации, воспитательного процесса и специфики школьного образования и школьных реформ второй четверти XX в. Кроме того, существенный пласт работ в этот период составляют работы ответственных работников, а именно их выступления, интервью в периодической печати. Ярким примером таких работ служит брошюра Министра просвещения РСФСР А.И. Данилова [8, с. 32–46]. Одной из тенденций, рассматриваемой в этой работе, является расширение тематики затрагиваемой темы исследования. Отражение находит проблема взаимодействия партии и интеллигенции. Так, работа «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР» 1980–1988 гг. представляет наиболее общую картину по развитию системы народного образования. Главным фактором преобразования школьного пространства здесь является развитие общеобразовательной школы, протекающей в контексте развития советского государства и определяемого партийным руководством. Именно социально-политическая направленность обучения в школе рассматривается как ключевая позиция повседневной работы школы [9, с. 128–243]. Здесь авторами указывается возрастающее значение коммунистического мировоззрения как ключевого фактора всего воспитательного процесса, влияющего на укрепление школьного и детского единства, взаимодействия всех социальных институтов для гармоничного развития молодого поколения [10, с. 56–110].

Таким образом, рассмотрев часть основных трудов, посвященных развитию и реформированию советской общеобразовательной школы, можно сделать вывод, что этот период историографии был достаточно неоднозначным. Так, работы второй половины XX вв. можно охарактеризовать как труды, наиболее подверженных и сохранивших клише и стереотипы в восприятии и репрезентации исторических фактов. В то же время, данные работы характеризуются расширением сферы и предметов интереса ученых. Особенностью исследований этого времени стало расширение круга источников и разработка вопроса о соотношении целей школьного воспитания с определением задач самого образования. В этой связи формирование школьного пространства как одного из важнейших факторов для реализации концепции всестороннего гармоничного развития личности становится всё более актуальным в работах отечественных ученых. Историография второй половины XX в. дает характеристику «школьному пространству», как механизму создания новой советской школы и советского типа людей новой формации, способных к решению тотальных задач, стоящих перед советским обществом.

Библиографический список

1. Гришанов П.В. Партийное руководство подготовкой и воспитанием учительских кадров в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1927–1937 гг.) / П.В. Гришанов. – Саратов, 1983.
2. Мясников В.А. Историография общеобразовательной школы РСФСР / В.А. Мясников, А.В. Овчинников, Г.Н. Козлова. – М., 2013.
3. Константинов Н.А. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет / Н.А. Константинов, Е.Н. Медынский. – М., 1948.
4. Спирин Л.Ф. Школа РСФСР в период коллективизации сельского хозяйства 1930–1934 гг.: автореф. ... дис. кан. пед. Наук / Л.Ф. Спирин. – М., 1953.
5. Сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР. – М., 1952. – С. 7–20.
6. Шабалов С.М. Политехническое обучение / С.М. Шабалов. – М.: Изд-во АПН РСФСР. – 1956. – С. 74–85.
7. Константиновский Д.Л. Молодёжь и образование. Метод. Вопросы и опыт социального прогнозирования на материалах социол. обследований в Новосиб. обл. / Д.Л. Константиновский, В.Н. Шубкин. – М.: Наука. – 1977. – 160 с.
8. Данилов А.И. Общеобразовательная школа России в восьмой пятилетке / А.И. Данилов. – М.: Просвещение, 1971.
9. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, 1917–1941 гг. / Отв. ред. Н.П. Кузин и др. – М.: Педагогика, 1980. – 456 с.
10. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, 1941–1961 гг. / Под ред. Ф.Г. Паначина, М.Н. Колмаковой, З.И. Равкина. – М.: Педагогика, 1988. – 270 с.

ВЛИЯНИЕ «АРМЯНСКОГО ВОПРОСА» НА ВСТУПЛЕНИЕ ТУРЦИИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Канг Кён Мин

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
E-mail: kedishya777@yandex.com*

*Научный руководитель – Хабибуллина Эльмира Камилевна, к.ф.н., доцент,
декан Высшей школы международных отношений и востоковедения,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. Спустя двадцать лет после переговоров Турции о членстве в ЕС, начавшихся в октябре 2004 года, это решение всё ещё остается в силе. Однако Евросоюз всегда негативно относится к приему Турции в качестве полноправного члена. Что касается «Армянского вопроса», который обсуждается наряду с вопросом прав человека Турции в Европейском Союзе, мне удалось изучить влияние этого вопроса на вступление Турции в Европейский Союз.

Ключевые слова: Турция, Армения, ЕС, Армянский вопрос, Черноморский регион, Регионоведение, Энергетическая безопасность.

THE IMPACT OF THE «ARMENIAN QUESTION» ON TURKEY'S ACCESSION TO THE EUROPEAN UNION

Kang Kyung Min

*Kazan (Volga Region) Federal University,
E-mail: kedishya777@yandex.com*

Abstract. Twenty years after Turkey's EU membership negotiations, which began in October 2004, this decision is still in effect. However, the European Union always takes a negative stance towards Turkey's admission as a full member. Regarding the 'Armenia Question', which is being discussed along with Turkey's human rights issue in the European Union, I studied the impact of this issue on Turkey's accession to the European Union.

Keywords: Turkey, Armenia, EU, Armenian Question, Black Sea region, Regional studies, Energy security.

Введение

В 2004 году, когда стоял вопрос о преобразовании Турции из ассоциированного в полноправного члена Европейского Союза (ЕС), европейское сообщество заявило о том, что с 1877 по 1923 год около 2 миллионов армян были уничтожены Османской империей и Турецкой Республикой, и факт того, что они подверглись геноциду, скрывается. После Турции было отказано в продвижении в полноправные члены Европейского Союза. В 2011 году Франция обрушилась с критикой на Турцию, назвав её «армянским геноцидом» по отношению к европейскому обществу, и Палата представителей Франции приняла закон «О наказании за акт отрицания геноцида армян» на пять лет. В ответ тогдашний премьер-министр Турции Реджеп

Таиф Эрдоган немедленно заявил о разрыве двусторонних отношений, включая военное сотрудничество с Францией. Он отказался от встречи экономических советов двух стран, которая должна была состояться в Париже в январе 2012 года, заявив, что отношения между двумя странами нанесут непоправимый удар. Впоследствии в марте 2012 года Конституционный суд Франции признал неконституционным принятие законопроекта, препятствующего отрицанию вопроса о геноциде армян. В связи с этим выяснилось, что бывшие президенты Франции Саркози и Франсуа Олланд планировали принять новый закон об этом деле, и некоторое время продолжалась дилемма в отношениях не только между Турцией и Францией, но и ЕС в отношении Турции.

Усилия Турции по вступлению в Европейский Союз

После Второй мировой войны в 1948 году Турция вступила в Европейское экономическое сотрудничество (ЕЭС), в 1949 г. – в Совет Европы, а в 1952 г. – в НАТО. После 1959 года Турция подала заявку на членство в Европейское экономическое сообщество в качестве ассоциированного члена и в 1963 году подписала «Анкарское соглашение», официально став «ассоциированным членом ЕЭС». Экономическое сообщество и торговые соглашения от 31 июля 1957 года позволили Турции повысить свой статус полноправного члена ЕС. Однако только 6 марта 1995 г. вступил в силу «Таможенный союз с Турцией и Европейским союзом», а в 1987 и декабре 1989 года Европейский союз с точки зрения «соблюдения демократии» и «защиты прав человека и меньшинств» отказал Турции в присоединении к ЕС, сославшись на курдский вопрос, конфликт с Арменией, проблему Северного Кипра, и было сочтено неуместным участвовать в переговорах с ЕС.

Отношения между Европой и Турцией начали быстро ухудшаться в 1987 и 1989 годах, когда Турции было отказано во вступлении в Европейский Союз. Однако это начинает менять Турцию. В то время как Турция нормализовала отношения с ЕС на внешнем уровне, как политические круги, так и граждане страны обратили внимание на изменения в политических, экономических и социальных институциональных аспектах. Прежде всего, признавалось право отдельных граждан турецкой национальности напрямую обращаться в Европейский суд по вопросам прав человека. Были внесены поправки в Закон № 2932 «Запрет в использовании языков, отличных от официального языка государства». Кроме того, статьи Уголовного кодекса № 141, № 142 и № 163, предусматривающие, что «те, кто поощряет религиозные или священные дела к действиям, которые могут угрожать национальной безопасности или организуют организации для этой цели, подлежат наказанию», были удалены.

Несмотря на усилия турецкого правительства, на Люксембургской и Копенгагенской конференциях 1997 и 2002 годов ЕС исключил Турцию из полноправного членства. Однако в октябре 2004 года она все же объявила о решении начать переговоры по вопросу вступления Турции в Евросоюз, и это решение остается в силе спустя 20 лет.

Возникновение «армянского вопроса» в Евросоюзе

В октябре 2004 года армяне, иммигрировавшие во Францию и Европу, армяне в Турции и правительство Армении заявили, что в период с 1877 по 1923 год Турция совершила геноцид и нарушала права человека. Они стали заявлять в адрес стран ЕС о том, что по-прежнему сохраняется дискриминационное притеснение армян, проживающих на востоке Турции. В то же время армяне не признают турецко-советский «Московский договор (1921)» и продолжают претендовать на свой суверенитет над районом Карс на востоке Турции [8].

В 2005 году Турция обратилась к правительству Армении и армянам из Турции с просьбой сформировать комитет по установлению фактов о «геноциде армян» для совместного раскрытия исторических фактов, но этого не произошло. В 2003 году «Международный центр правосудия переходного периода (ICTJ)» в Нью-Йорке определил «армянский вопрос» как «геноцид, отвечающий стандартам Конвенции ООН 1948 года». Кроме того, некоторые интеллектуалы в Турции, такие как Орхан Памук, настаивали на том, что «Турция признает «армянский вопрос» как «геноцид армян» и должна изменить нынешние права человека после признания прошлого». В 2006 году Палата представителей Франции, выступавшая против вступления Турции в ЕС, приняла законопроект, согласно которому отрицание «армянского вопроса» Турции считается уголовным преступлением. В 2011 году французский парламент принял закон, регулирующий Армянский вопрос, но в июле этого же года французский суд признал его неконституционным. В результате турецкое правительство объявило о разрыве дипломатических отношений с Францией и понизило уровень дипломатических отношений до «консульского уровня», фактически объявив о разрыве дипломатических отношений с Францией [3, с. 157].

В 2005 году Герман Бундестаг принял специальную резолюцию о запрете осуждения «армянского вопроса», а Бельгия и Швейцария приняли «закон об уголовной ответственности для тех, кто отрицает армянский вопрос», вводя законы, которые могут наказывать от 45 000 евро или до одного года тюремного заключения. В Соединенных Штатах, несмотря на противодействие президента Джорджа Буша-младшего, Комитет по международным отношениям Палаты представителей США в 2007 и 2010 годах принял резолюции, отражающие Армянский вопрос во внешней политике США. Разумеется, эта резолюция не попала в повестку дня Палаты представителей США в 2008 году. По поводу этой ситуации тогдашний премьер-министр Турции Эрдоган предупредил США о том, что, если этот вопрос будет продолжать подниматься, отношения между Турцией и США могут разрушиться. С другой стороны, Нью-Йоркская компания по страхованию жизни (Нью-Йорк Лайф) в США в качестве символического акта признания «Армянского вопроса» выплатила в 1915 году армянским семьям погибших около 8 миллионов долларов.

Проблемы со вступлением Турции в Евросоюз

Европейский Союз продолжает намекать турецкому правительству, что вступление Турции в Евросоюз может быть затруднено, если «армянский вопрос» не будет признан «геноцидом армян». Однако нынешнее турецкое правительство трактует это как «армянский вопрос» и не признает его как «геноцид». В то же время Турция решительно выступает против требований Евросоюза и критикует европейское сообщество, и это может перерасти в проблему, которая в будущем может вызвать серьезные политические конфликты с ЕС.

Турция постоянно работает над улучшением «двусторонних отношений между Турцией и Арменией». 31 августа 2009 года министры иностранных дел двух стран объявили о плане нормализации дипломатических отношений. Поэтому в сентябре 2008 года президент Турции Абдулла Гюль посетил Армению, чтобы посмотреть предварительный матч между двумя национальными командами, который проходил в Ереване, а в октябре 2009 года обе страны нормализовали дипломатические отношения. В феврале 2021 года были открыты регулярные рейсы Стамбул-Ереван, а 11 февраля 2023 года правительство Армении начало доставку гуманитарной помощи правительству Турции в связи с землетрясением в Турции.

Между тем, в июле 2009 года премьер-министр Турции Эрдоган заявил, что будет решать проблему прав человека в Турции (в том числе курдов) демократическим путем с точки зрения расширения свободы общества. Однако 15-16 июля 2016 г. произошел бесчеловечный переворот во главе с Рабочей партией Курдистана (РПК), в результате чего Турция испытала внутривнутриполитические трудности [5, с. 13].

В настоящее время правительство США не использует выражение «геноцид армян» в международном сообществе, поскольку дипломатические трения с Турцией являются гнетущим бременем. На саммите между Европейским союзом и Соединенными Штатами, состоявшемся в Праге, в апреле 2009 году перед визитом в Турцию президент Обама призвал ЕС принять исламские страны и интегрировать их в Евросоюз.

Несмотря на всё это, Евросоюз так и не смог отказаться от вступления Турции в Евросоюз по той причине, что Турция имеет значение «энергетической безопасности» и «региональной безопасности» на Черном море и на Кавказе.

Во-первых, Евросоюз высоко ценит «национальную мощь» и «военную роль» Турции в регионе Черного моря и Кавказа и продолжает поощрять участие Турции в процессе принятия решений ЕС по политике безопасности на Ближнем Востоке и Кавказе. Турция в настоящее время уделяет особое внимание Кавказскому региону и ведущей стране Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), которая связана сотрудничеством в области энергетики, окружающей среды, торговли, экономического развития, сельского хозяйства, финансов, науки, техники, медицины, малых и средних предприятий, туризма, образования, культуры и много другого. В то же время у Турции стабильные отношения с США, и ее вклад в международные миротворческие силы на Ближнем Востоке нельзя игнорировать.

Во-вторых, Турция имеет важное географическое положение и значение в области энергетической безопасности в Кавказском регионе, и связанная с Европой «Газопровод БТД: Баку — Тбилиси — Джейхан» и «Турецкий поток» являются показательными примерами. Открытый в январе 2020 года «Турецкий поток» начинается в Анапе, и соединяется с существующей Трансбалканской системой трубопроводов в Болгарии [9].

Кроме того, в российско-украинских вопросах с 2014 года по настоящее время, в отличие от крупных стран ЕС, которые в одностороннем порядке враждебны России, Турция сохраняет нейтралитет и выступает посредником в дипломатии и международных отношениях. Другими словами, можно увидеть, что ЕС находится в ситуации дилеммы, когда он не может отказаться от Турции из-за ее национальной мощи и силы линии безопасности в турецком регионе [9].

Заключение

31 октября 2012 года премьер-министр Турции Эрдоган выступил с официальным обращением к ЕС, в котором говорилось, что «членство Турции в Европейском союзе выгодно обеим сторонам». Кроме того, он выступил с речью на церемонии закрытия немецкой конференции «Ихлас Берггурен», заявив о том, что, если ЕС отвернется от Турции, ЕС потеряет себя, и, по крайней мере, Турция будет потеряна. Он дал понять, что у Турции все еще есть желание стать полноправным членом ЕС. И воля Турции не изменится до тех пор, пока Турецкая Республика не будет признана её полноправным членом.

ЕС сталкивается с турецкой дилеммой, имея два вопроса одновременно: «армянский вопрос о членстве Турции в ЕС» и «региональная и энергетическая безопасность». В то же время присоединение Турции к ЕС будет осуществлено только тогда, когда либо ЕС, либо Турция сделают шаг назад, и, если ни одна из сторон не пойдет на уступки, присоединение Турции к ЕС будет затруднено. Турция скорее всего предпримет те же шаги в отношении стран Евросоюза, которые продолжают поднимать «Армянский вопрос». Также не стоит исключать и то, что Турция в любой момент может оказать давление на ЕС, исходя из высокого положения Турции в международных отношениях в Черноморско-Кавказском регионе.

Европейский союз должен решить «армянский вопрос» в отношении к Турции, чтобы её присоединение к Европейскому союзу могло пройти без затруднений. Если «Армянский вопрос» будет интерпретироваться как региональный конфликт между Турцией и Арменией и сфокусирован только на требованиях Армении, Евросоюз лишится как «энергетической безопасности», так и «дипломатических отношений в Черноморском регионе».

Библиографический список

1. Алексанян Л. Эволюция Внешней Политики Стран Южного Кавказа: Итоги И Новые Вызовы / Л. Алексанян // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – № 24(4). – С. 66–79.
2. Матевосян С.М. Армяно-турецкие отношения в контексте евроинтеграции Турции / С.М. Матевосян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2009. – № 2. – С. 63–70.
3. Сон Бён Джун. Внешние факторы конфликта между Арменией и Азербайджаном: Ориентация на интересы России, Турции и Евросоюза / Сон Бён Джун // Журнал исследований Европейского Союза. – 2021. – № 21. – С. 143–171.
4. Де Сон Ким. Дипломатические отношения Турции с Азербайджаном и Арменией и дилемма Турции / Де Сон Ким // Корейская ассоциация ближневосточных исследований. – 2011. – № 31(3). – С. 1–30.
5. Ким Тэхё. Ким Минсон. Отношение Эрдогана к членству в ЕС: добровольный отказ от авторитарной политической власти / Ким Тэхё // Научно-исследовательский институт Новой Азии. – 2022. – № 29(1). – С. 127–155.
6. Чон Хун Шин. Наградные отношения между ЕС и Турцией: 1945–2018 гг. / Чон Хун Шин // Объединенное европейское исследовательское общество. – 2019. – № 10(2). – С. 89–116.
7. Pew Research Center: сайт. – 2006. – URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2006/04/27/islam-and-the-west-a-conversation-with-bernard-lewis/> (дата обращения: 25.03.2023).
8. Электронная библиотека исторических документов: сайт. – 1921. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138417-dogovor-mezhdu-rsfsr-i-turtsiey-zaklyuchenny-v-moskve-16-marta-1921-goda/> (дата обращения: 27.03.2023).
9. Wikimedia: сайт. – 2021. – URL: <https://bit.ly/3Ke36g2/> (дата обращения: 25.03.2023).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОССИБИЛИЗМ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Кисленко Андрей Олегович

Казанский (Приволжский) федеральный университет»,

E-mail: kisl.95@yandex.ru

Научный руководитель – Малышева Светлана Юрьевна, д.и.н., профессор

кафедры отечественной истории,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В статье рассматривается влияние концепции географического POSSIBILISM на возникновение экологической истории как исследовательского направления в зарубежной и отечественной историографии. Проанализировав положения концепции, а также ее проявления в историко-экологических исследованиях, автор приходит к выводу о выделении географического POSSIBILISM как одного из этапов становления экологической истории.

Ключевые слова: географический детерминизм, географический POSSIBILISM, экологическая история.

GEOGRAPHIC POSSIBILISM AS A PREREQUISITE FOR THE EMERGENCE OF ECOLOGICAL HISTORY

Kislenko Andrey Olegovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: kisl.95@yandex.ru

Abstract. The article considers the influence of the concept of geographical post- environmentalism on the emergence of environmental history as a research direction in foreign and domestic historiography. Having studied the essence of the concept, as well as its manifestations in historical and environmental studies, the author concludes that geographical post- environmentalism is one of the stages of the formation of environmental history.

Keywords: Environmental determinism, environmental possibilism, environmental history.

Введение

В зарубежной научной литературе, посвященной историографии экологической истории, одним из достаточно частых вопросов является поиск предпосылок возникновения этого исследовательского направления. Большинство американских исследований склонны выделять экологические движения как ключевой фактор, повлиявший на становление экологической истории. Например, этой позиции придерживается Родерик Нэш, утверждавший, что широкая деятельность этих движений достигла «крещендо» в 1960-х – начале 1970-х гг. [1, с. 362]. Другие историки склонны подчеркивать роль французской школы Анналов, междисциплинарная методология которой была направлена на выявлении особенностей исторического процесса в том числе посредством изучения взаимосвязи между природой и человеком. Особенно эта точка зрения отмечается в европейской историографии, исследователи

которой стремятся определить собственные «корни» экологической истории. Помимо этого, деятельность школы Анналов как фактор, повлиявший на возникновение экологической истории, отмечается и в исследованиях, посвященных историографии этого направления в Латинской Америке [2, с. 301]. Но концепция географического POSSИБИЛИЗМА как одна из возможных факторов-становления этого направления, рассматривается весьма редко. Р. МакНилл отмечает, что действительно, идеи, озвученные Полем Видалем де ла Блашем, можно считать одной из предпосылок экологической истории, но также констатирует тот факт, что, несмотря на популярность работ французских историков и географов в США, они всего лишь «дали подтверждение идеям, давно зревшим в американских умах» [3, с. 1185] и экологическая история появилась именно в Америке.

Рассмотрение географического POSSИБИЛИЗМА как фактора, повлиявшего на становление историко-экологических исследований в отечественной и зарубежной историографии, является целью нашей статьи.

Методы исследования

Используя научные статьи и книги зарубежных и отечественных исследователей экологической истории и географов, в статье были проанализированы научные статьи и книги зарубежных и отечественных исследователей экологической истории и географов, среди которых особое место занимают исследования и взгляды Поля Видаля де ла Блаша и Ю.Г. Саушкина, в которых были отражены идеи географического POSSИБИЛИЗМА в зарубежной и отечественной научной традициях. Анализ производился на основе традиционных для историографических исследований историко-генетического, историко-системного и историко-типологического методов.

Результаты и их обсуждение

Концепция французского географического POSSИБИЛИЗМА возникла как ответ на жесткий немецкий географический детерминизм Ф. Ратцеля. По мнению Поля Видаля де ла Блаша, немецкий ученый переоценил роль географического пространства и недооценил человека как активного географического фактора, наделенного инициативой и предприимчивостью [4]. Французский основоположник POSSИБИЛИЗМА писал, что «географическое бытие той или иной местности отнюдь не предопределено природой раз и навсегда. Оно является производным от деятельности человека и придает единство материям, которые сами по себе такого единства не имеют» [4]. По мнению Видаля де ла Блаша, только деятельность человека дает возможность географическому положению стать политическим фактором.

Таким образом, географический детерминизм в истории сменился рассмотрением прошлого через концепцию географического POSSИБИЛИЗМА. Эта концепция оказала огромное влияние на дальнейшие исторические междисциплинарные исследования, в том числе и в экологической истории. Хотя в американской историографии отмечают незначительное влияние идей Видаля де ла Блаша, ряд работ экологических историков исходит из идеи POSSИБИЛИЗМА. Это отчетливо можно увидеть, например, в работах одного из первых американских историков этого направления Дональда Ворстера. Как в «Пыльной чаше», так и в «Реках империи» ученый придерживается точки зрения, согласно которой в сильном антропогенном воздействии, меняющем ландшафт и порой приводящему к природным катаклизмам, виновата капиталистическая экономика, направленная на максимальное извлечение ресурсов за счет применения новых технологических приемов [5, 6]. Так, например, уничтожение дерна на тысячах

гектаров, а также использование комбайнов привело к истощению почвы и серии массовых пыльных бурь, охвативших центральные штаты в начале 30-х гг. XX в. Многим фермерам пришлось ни с чем уезжать в город, что усугубило Великую Депрессию в США. Таким образом, на примере исследований Дональда Ворстера можно наблюдать, как технологические новшества дали человеку возможность изменять природный ландшафт, что соответствует идеям географического POSSИБИЛИЗМА. Такие же идеи находят отражение и в относительно недавней работе Брайана Фейгана «Малый ледниковый период 1300 – 1850: как климат изменял Землю». В одном из фрагментов книги исследователь отмечает, что сложившиеся неблагоприятные климатические условия в Европе после извержения вулкана в Индонезии оказали колоссальное влияние на развитие западноевропейских государств. Так, например, ученый считает, что ситуация малого ледникового периода способствовала зарождению в Англии промышленного переворота, позволившего минимизировать риски от крайне изменчивого климата, в то время как во Франции XIX в. пользовались инструментами XV в. [7, с. 208]. Исследователь это объясняет сложившимися неблагоприятными социально-политическими факторами, выраженными в том, что даже король не мог в одночасье изменить сложившейся экономической порядок в обществе. Автор отмечает, что «даже более решительному правителю, чем Король-Солнце, было бы трудно реформировать систему, основанную на тайных сговорах и привилегиях» [7, с. 214]. В качестве еще одной причины сложившейся ситуации Брайан Фейган выделяет практику французского крестьянства ориентироваться на продажу винограда и зерна для личного потребления, не обращая внимание на картофель и другие продукты. [7, с. 215]. В этом фрагменте отчетливо прослеживается идея о том, что сложившаяся природная среда актуализировала возможности одного общества, и никак не сказалась на другом, в виду отсутствия у последнего необходимых социально-политических факторов, что также указывает на опосредованное влияние идей Поля Видаля де ла Блаша.

Схожих взглядов придерживался один из основоположников советской экономической географии и географии человека Ю.Г. Саушкин. Среди отечественных географов утверждается точка зрения, согласно которой исследователь придерживался идее географического POSSИБИЛИЗМА. Так Г.И. Гладкевич отмечает, что Ю.Г. Саушкина «с большей степенью уверенности можно назвать сторонником концепции географического POSSИБИЛИЗМА, внесшим большой вклад в развитие этого направления науки» [8, с. 39]. В статье, посвященной работам советского экономического географа, автор отмечает, что человечество, благодаря достижениям науки, создает для себя «вторичные благоприятные условия географической среды» [8, с. 39]. По мнению Ю.Г. Саушкина человек и природа настолько взаимосвязаны, что со смертью природы исчезнут и заселяющие планету люди [8, с. 32]. Г.И. Гладкевич особенно выделила тот факт, что впервые в географической научной литературе Юлиан Глебович высказал мысль о возрастании эксплуатации уже измененной природной среды: «В настоящее время наибольшее внимание наука обращает на процесс и результаты изменения природы общественным производством, но как-то в тени остается обратное влияние измененной человеком природы – окружающей среды – на общественное производство..., на жизнь и здоровье человека, на его физическое и психологическое развитие» [9, с. 340–341]. На наш взгляд, эта мысль могла возникнуть у ученого при наблюдении ситуации в других странах, особенно в США, где он неоднократно подчеркивал истощение природных ресурсов, вызванного их неправильной эксплуатацией. Особенно он обращал внимание на смыл почв «из-за хищнической эксплуатации»

земли, а также был прекрасно осведомлен о «пыльных бурях», ставших предметом исследования работ Дональда Ворстера: «Каждый житель США и многих других стран видит, как выпадают из использования смытые земли, как растут овраги, как сокращают они пахотные земли, как пыльные бури выдувают почву в одном месте и заносят посеы в другом» [10, с. 118]

Опосредованное влияние идей и концепций Ю.Г. Саушкина на экологическую историю прослеживается в другом предмете его исследований – геоурбанистике, пришедшей на смену географии городов. Ученый впервые использовал этот термин для обозначения нового этапа в изучении географии городов и, следовательно, был одним из основоположников отечественной научной школы геоурбанистов, появившейся в 1960–1970-х гг. Одним из актуальных направлений исследований этой школы является изучение экологического состояния городов, отчасти включающее рассмотрение их эколого-санитарного состояния в прошлом.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о влиянии географического POSSИБИЛИЗМА на дальнейшее становление экологической истории как самостоятельного исследовательского направления как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Однако на наш взгляд эту концепцию следует рассматривать как закономерный этап изучения взаимодействий природы и общества. Первым этапом с большей уверенностью можно связать с географическим детерминизмом: все чаще в зарубежной (прежде всего в американской) литературе можно встретить упоминание детерминистских идей Фредерика Джексона Тернера как одной из ранних предпосылок историко-экологических исследований. Идея географического фронта нашла свое отражение и в исследованиях В.О. Ключевского, утверждавшего важную роль колониционных процессов и природно-климатических факторов в истории [11]. При рассмотрении исторических процессов с позиций географического детерминизма активным актором исторических процессов является природа. Следующим этапом стала концепция географического POSSИБИЛИЗМА, которая нашла отражение в работах Поля Видаля де ла Блаша и Ю.Г. Саушкина в первой половине XX в., согласно которым человек, используя научно-технологический потенциал, может стать активным участником географических преобразований. Юлианом Глебовичем была заложена мысль о том, что следует учитывать результат антропогенных изменений природы и его влияние на жизнь общества. Тем самым закономерным нынешним этапом изучения взаимоотношений природы и общества в прошлом стала экологическая история, где и человек, и природа выступают активными акторами исторических процессов. Если человечество начинает чрезмерно активно эксплуатировать природные ресурсы, без учета ряда природно-климатических особенностей, то это может приводить к непредвиденным последствиям наподобие тех, что описал Дональд Ворстер. И поэтому историко-экологические исследования служат напоминанием современному миру о необходимости рационального, бережного и сбалансированного отношения к природе для того, чтобы, как писал Д. Бауэр, оставить ее для наших детей.

Библиографический список

1. Nash R. American Environmental History: A New Teaching Frontier / R. Nash // Pacific Historical Review. – 1972. – Vol. 41(3). – P. 362–372.
2. Tortolero A. The Annales School and the Environmental History of Latin America / A. Tortolero // Historia Caribe. – 2017. – Vol. 12(30) – P. 301–340.

3. Crosby A. The Past in the Present of Environmental History / A. Crosby // *The American Historical Review*. – 1995. – Vol. 100(4). – P. 1177–1189.
4. Мунтян М.А. Видадь де ла Бланш и французский попсибилизм / М.А. Мунтян. – URL: <https://viperson.ru/articles/vidal-de-la-blansh-i-frantsuzskiy-possibilizm> (дата обращения: 31.03.2023).
5. Worster D. Dust Bowl: The Southern Plains in the 1930s / D. Worster. – New York: Oxford University Press, 1979. – 277 p.
6. Worster D. Rivers of Empire: Water, Aridity and the Growth of the American West / D. Worster. – New York: Pantheon Books, 1985. – 402 p.
7. Фейган Б. Малый ледниковый период: как климат вершил историю, 1300– 1850 / Б. Фейган. – М.: Эксмо, 2022. – 352 с.
8. Гладкевич Г.И. Географический попсибилизм как концепция взаимодействия природы и общества в работах Ю.Г. Саушкина. / Г.И. Гладкевич // *Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика 2021: Сборник научных статей VII Всероссийской научной конференции с международным участием*. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2021. – С. 28–41.
9. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю.Г. Саушкин. – М.: Мысль, 1973. – 558 с.
10. Саушкин Ю.Г. Великое преобразование природы Советского Союза / Ю.Г. Саушкин. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1951. – 123 с.
11. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 2. – URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch02.htm> (дата обращения: 31.03.2023).

РОССИЙСКО–ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД 2012–2022 ГГ.: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Магдеев Рафик Рашитович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: magdeef@mail.ru

*Научный руководитель - Летяев Валерий Алексеевич, д.ю.н., профессор
кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. Избрание в 2012 г. В.В. Путина на новый президентский срок и его дальнейшие внешнеполитические инициативы сказались на активизации внешней политики России в целом и российско-японские отношения и в частности. В статье предпринята попытка осветить вызовы и угрозы в рамках развития российско-японских отношений в период 2012–2022 гг., включая фазу обострения отношений после начала специальной военной операции России на Украине 24 февраля 2022 г. и присоединения Японии к антироссийским санкциям США, а также роль и влияние Китая на двусторонний российско-японский формат и др. В работе прослеживаются особенности российской, японской и китайской мотиваций по вопросам региональной безопасности, их отношение к украинским событиям.

Важным в работе представляется освещение динамики российско-японских политических отношений, освещение российско-японских контактов в сферах региональной безопасности, включая южно-курильские опции, а также на анализе скрытых, возможных японских политических мотиваций в период правления С. Абэ по проблемам углубления российско-китайского стратегического партнёрства и проекции этого партнёрства на безопасность Японии и японо-американский военно-политический союз.

Ключевые слова: Россия, Япония, безопасность, трансформация угроз, торговля.

RUSSIAN–JAPANESE RELATIONS IN THE PERIOD 2012–2022: CHALLENGES AND THREATS

Magdeev Rafik Rashitovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: magdeef@mail.ru

Abstract. The election of V. V. Putin in 2012 for a new presidential term and his further foreign policy initiatives affected the intensification of Russia's foreign policy in general and Russian-Japanese relations in particular. The article attempts to highlight the challenges and threats in the development of Russian-Japanese relations in the period 2012-2022, including the phase of aggravation of relations after the start of Russia's special military operation in Ukraine on February 24, 2022 and Japan's accession to the US anti-Russian sanctions, as well as the role and influence of China on the bilateral Russian-Japanese format, etc. The paper traces the features of Russian, Japanese and Chinese motivations on regional security issues, their attitude to Ukrainian events.

Important in the work is the coverage of the dynamics of Russian-Japanese political relations, the coverage of Russian-Japanese contacts in the areas of regional security, including the South Kuril options, as well as the analysis of hidden, possible Japanese political motivations during the reign of S. Abe on the problems of deepening the Russian-Chinese strategic partnership and the projection of this partnership on the security of Japan and the Japanese-American military-political alliance.

Keywords: Russia, Japan, security, threat transformation, trade.

В первые годы после вступления Путина в должность Президента России с 2012 года в российско-японских отношениях определенно появилась новая энергия. Этому во многом обязан Синдзо Абэ, который вернулся на пост премьер-министра в декабре 2012 года и с энтузиазмом принял повестку дня по налаживанию более тесных отношений с Россией. Однако, оглядываясь назад на десятилетие, прошедшее с тех пор, как Путин призвал начать новую жизнь, становится ясно, что даже до событий в Украине двусторонние отношения не стали заметно лучше. Действительно, экономические связи продолжали ухудшаться, периодически возникали политические трения, а напряженность в сфере безопасности росла. Надежды на разрешение территориального спора также испарились задолго до того, как Россия официально приостановила переговоры по мирному договору.

Поэтому в этой статье исследуется, почему, несмотря на очевидные намерения Москвы в 2012 году, в последующее десятилетие Россия стала свидетелем не поворота России в сторону Японии, а ее отворачивания. В период от теплого приема Абэ в Москве в апреле 2013 года, когда стороны обсуждали стратегическое партнерство, до холода января 2022 года, когда президент России и премьер-министр Японии не встречались более двух лет и держали связь только на уровне телефонных разговоров в течение всего 2021 года.

Чтобы объяснить этот сдвиг в российском мышлении перед событиями 2022 года, можно выделить основных момента:

1. Негативное влияние ухудшения российско-американских отношений на отношения между Москвой и Токио;
2. Разочарование России масштабами экономического сотрудничества, предлагаемого Японией;
3. Возросшее сближение России с Китаем, в том числе сближение по вопросам исторической памяти в Восточной Азии;
4. Восприятие Москвой ненадежности Японии из-за изменения отношения Токио к России после ухода Абэ Синдзо с поста в сентябре 2020 года.

Первый временной период начался в марте 2012 г. с позитивного выступления Путина и продлился до марта 2014 г. Наиболее важным событием за эти два года стала поездка Абэ в Москву в апреле 2013 г., первый официальный визит в Россию премьер-министра Японии после поездки Коидзуми Дзюньитиро в российскую столицу в январе 2003 года. Визит имел эмоциональное значение для Абэ, позволив ему посетить Ботанический сад Российской академии наук, чтобы увидеть цветущую вишню, которую его покойный отец, Абэ Синтаро, посадил во время визита в качестве министра иностранных дел в Май 1986 года. Однако визит был и предметным. Наиболее примечательной была новая основа для отношений в совместном заявлении «о развитии японо-российского партнерства». Среди включенных пунктов была приверженность регулярным взаимным визитам лидеров и министров иностранных дел. В

документе также признавалось «ненормальным» отсутствие мирного договора спустя столько лет после Второй мировой войны и указывалось, что этот вопрос должен решаться путем «взаимоприемлемого решения» [1].

Еще более поразительно, что в совместном заявлении было объявлено о начале переговоров в формате «2+2» между Россией и Японией, то есть между министрами обороны и иностранных дел. Первый из встреч был проведен в Токио в ноябре 2013 года. Месяц спустя Япония опубликовала свою стратегию национальной безопасности (СНБ), в которой Россия описывается не как источник беспокойства, а скорее, как партнер, с которым «крайне важно Японии развивать сотрудничество... во всех областях, включая безопасность и энергетику, укрепляя тем самым двусторонние отношения в целом, чтобы обеспечить свою безопасность».

В это время экономические отношения также находились на позитивной траектории: общий двусторонний товарооборот достиг рекордного уровня в 33,2 млрд долларов в 2013 году [2]. На апрельском саммите также было подписано соглашение между Российским фондом прямых инвестиций и Японским банком международного сотрудничества о создании совместного инвестиционного фонда для финансирования проектов на территории России. Были подписаны дополнительные соглашения в отношении энергетического сектора, в том числе меморандум о взаимопонимании между российской государственной компанией «Роснефть» и Mitsui & Co.

Положительная тенденция сохранилась и в 2014 году. Несмотря на то, что другие мировые лидеры не присутствовали на церемонии открытия зимних Олимпийских игр в Сочи в феврале из-за опасений по поводу прав человека в России, Абэ с радостью присутствовал на ней. Были также планы визита Путина в Японию в конце года. Все это резко прекратилось с действиями России в Крыму. Когда члены «Большой семерки» осудили «незаконные» действия Москвы и начали вводить ряд санкций, Токио оказался под давлением, чтобы последовать их примеру. Меры, введенные Японией, были преднамеренно слабыми и были охарактеризованы одним экспертом как «бессодержательные» [3]. Таким образом, кризис вокруг Крыма положил конец этому первому периоду отношений между Россией и Японией после 2012 года.

Последовавший период бездействия продлился до начала 2016 года, когда Абэ, очевидно, решил, что прошло достаточно времени, чтобы можно было возобновить активное участие. Эта встреча оказалась одной из самых важных из 27, которые Абэ и Путин в конечном итоге накопили. Именно здесь они договорились о «новом подходе» к проблеме мирного договора [4]. Как стало ясно позже, это повлекло за собой сосредоточение внимания Абэ только на двух из четырех спорных островов, возвращение которых Путин, по-видимому, предлагал в своем «хикиваке». Чтобы побудить российскую сторону выполнить это очевидное обещание, японское правительство также представило план экономического сотрудничества из 8 пунктов, за выполнением которого будет следить новая должность министра экономического сотрудничества с Россией в кабинете министров.

Поскольку Абэ уже пять раз посещал Россию после возвращения в офис, настала очередь Путина ответить взаимностью. Он сделал это, отправившись в Ямагути, родную префектуру премьер-министра, на непринужденный саммит «без связей» в декабре 2016 года. Основным результатом этой встречи, а также более официальных обсуждений, последовавших в

Токио, стало соглашение о начале переговоров о ведении совместной экономической деятельности на спорных островах.

В течение следующих двух лет эта политическая динамика продолжалась, с регулярными встречами на высшем уровне, на которых Абэ и Путин демонстрировали близкие личные отношения, называя друг друга «Владимир» и «Синдзо», но реальный прогресс застыл. Выход из тупика появился на сингапурской встрече в ноябре 2018 г., на которой в кулуарах Восточноазиатского саммита лидеры России и Японии договорились «ускорить переговоры по мирному договору на основе документа «Совместная японо-советская декларация 1956 г.» [6].

На заре 2019 года некоторым в Японии казалось, что Россия и Япония находятся на пороге прорыва, который ознаменует завершение процесса, запущенного комментариями Путина в марте 2012 года. Это удовлетворило бы стремление Абэ добиться окончательного урегулирования послевоенных проблем и положить конец «ненормальной» ситуации на северной границе Японии. Однако на самом деле с 2019 года наблюдалось постепенное ужесточение позиции России.

Отношения не разорвались полностью, были некоторые позитивные события, в том числе саммит в июне 2019 года, который был приурочен к визиту Путина в Японию на саммит G20 в Осаке. Однако атмосфера явно охладилась, и Путин заявил, что в переговорах по мирному договору «сбился темп» [15]. Российская сторона также стала все настойчивее настаивать на том, чтобы до начала серьезного необходимо признать итоги Второй мировой войны, в том числе право России на суверенитет над всеми островами, приобретенными Советским Союзом в конце этого конфликта. Это равносильно требованию, чтобы Токио признал, что его семь десятилетий претензий на острова были совершенно беспочвенными.

Возможно правительство Японии больше всего обеспокоено тем, что с 2019 года Россия активизировала военное сотрудничество с Китаем в районе Японии. В июле того же года российские и китайские стратегические бомбардировщики провели первое совместное воздушное патрулирование над Японским и Восточно-Китайским морями. Затем эти совместные воздушные патрули были повторены в декабре 2020 г. и ноябре 2021 г. Китайско-российское военно-морское сотрудничество также стало выглядеть более угрожающим.

Сообщается, что в ноябре 2018 г. Абэ заверил Путина, что в случае передачи Шикотана и Хабомаи Японии, он не даст согласия на размещение там американских войск. Это была незначительная победа Москвы, поскольку готовность администрации Абэ наложить ограничения на применение американо-японского Договора о безопасности, в статье 6 которого утверждается, что «Соединенным Штатам Америки предоставляется право на использование их сухопутными, воздушными и военно-морскими силами объектов и районов в Япония». Однако в целом десятилетие, начиная с 2012 г., стало свидетелем продолжающегося укрепления альянса. Действительно, двусторонние отношения остались невредимыми даже после четырех лет национализма «Америка прежде всего», в течение которых президент Дональд Трамп неоднократно ставил под сомнение ценность сети альянсов США.

Самым показательным моментом с точки зрения Москвы стал ответ Японии на аннексию Крыма Россией в марте 2014 года. В то время Абэ не проявлял искреннего беспокойства по поводу бедственного положения Украины. Реакция Запада причиняла неудобства, поскольку препятствовала отношениям Японии с Россией и препятствовала ухаживанию Абэ за

Путинным, которого японский лидер назвал человеком, «дорогим мне как партнер», поэтому правительство Абэ под давлением партнеров по G7 в конечном итоге ввело санкции против России и приостановило взаимодействие на высшем уровне. Однако в то же время правительство Абэ продемонстрировало отсутствие энтузиазма в отношении этой политики, обеспечив чисто символический характер санкций против Японии в 2014 г. и избегая какой-либо индивидуальной (в отличие от «Большой семерки») критики российской внешней и внутренней политики. Сделав это, Абэ надеялся беспрепятственно возобновить свои отношения с Путиным, как только пройдет пара лет после крымского кризиса.

На первый взгляд эта стратегия сработала, поскольку в мае 2016 года стороны договорились о «новом подходе» к отношениям. Москва, однако, не забыла о событиях 2014 года. Скорее, они усвоили урок, что, сколько бы японское правительство ни исповедовало дружба, когда дело доходит до дела, она всегда будет на стороне Соединенных Штатов.

Таким образом, главным фактором, объяснявшим потерю Россией энтузиазма в отношениях с Японией перед вторжением, была непоколебимая приверженность Токио союзу с США. В треугольном контексте это означало резкий крен в сторону Китая, что также не оставляло места для Японии. Однако недовольству Москвы способствовали и другие факторы. Первый из них – экономический.

В целом, японское правительство совершило ошибку, слишком многое и не выполняя. Действительно, в течение десятилетия после 2012 г. общий объем двусторонней торговли между Японией и Россией сократился. Достигнув рекордного уровня в 33,2 млрд долларов в 2013 году, в 2021 году он составлял всего 20,8 млрд долларов. а опасения японского частного сектора по поводу политических и экономических рисков сдерживают торговлю и инвестиции. Таким образом, надежды Москвы на то, что Япония будет играть ведущую роль в финансировании развития Сибири и Дальнего Востока России, испарились еще до введения Токио санкций в 2022 году.

Общая незаинтересованность Японии в инвестициях была воспринята даже в России как отражение плохой инвестиционной среды. Даже китайские фирмы отказались, хотя некоторые мегапроекты были подписаны с учетом интересов государства в энергетике. Во время саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке зародились определенные надежды на «модернизацию» российской экономики с явным приоритетом Дальнего Востока России.

Третий фактор, объясняющий постепенный отход России от Японии в последние годы, – это возросшее сближение Москвы с Китаем. О военных аспектах этих отношений, включая регулярные учения в окрестностях Японии, уже говорилось. Существует также мнение, что по мере того, как экономика Китая становится более технологически сложной, китайские фирмы стали потенциальными партнерами в тех областях, где российские компании когда-то могли смотреть в сторону Японии. Реже отмечается растущее сближение Москвы и Пекина по вопросам исторической памяти.

Последним фактором, усугубившим растущее недовольство России Японией, стал уход Абэ Синдзо с поста в сентябре 2020 года. Абэ последовательно отстаивал отношения с Россией, и на него можно было положиться, когда западные партнеры призвали его осудить эксцессы России. Чего нельзя сказать о преемниках Абэ.

Десятилетие с 2012 года началось с того, что российское руководство выразило надежду на то, что Япония сыграет центральную роль в российском «повороте на Восток», но закончилось тем, что Россия отвернулась от Японии, а затем Япония ввела жесткие санкции после российского вторжения в Украину. В этой статье показано, что спад в двусторонних отношениях предшествовал вторжению в Украину и был вызван изменением отношения Москвы к Японии. Это изменение в российском мышлении было вызвано, прежде всего, ухудшением российско-американских отношений. Дополнительными факторами были разочарование Москвы скромными масштабами экономического сотрудничества Японии, а также возросшее сближение России с Китаем, что побудило Москву повторить критику Пекином Японии по историческим вопросам, связанным со Второй мировой войной. Эта негативная тенденция была ощутима уже в 2019 году. Затем она стала более очевидной при преемниках Абэ, которые менее стремились развивать дружеские отношения с Путиным. Поскольку двусторонние отношения уже были в плохом состоянии, японское правительство осмелело отреагировать на российскую агрессию в Украине более решительно, чем могло бы быть в противном случае.

Библиографический список

1. Японо-российская встреча на высшем уровне (основное содержание и оценка). – URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/2013/20130429.html> (дата обращения: 01.04.2023).
2. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения: 03.04.2023).
3. Yennie-Lindgren W. New dynamics in Japan-Russia energy relations 2011–2017 / W. Yennie-Lindgren // Journal of Eurasian Studies. – 2018 – Vol. 9(2). – P.157.
4. James D.J. Brown. Japan's 'new approach' to Russia. – URL: <https://thediplomat.com/2016/06/japans-new-approach-to-russia/> (дата обращения: 05.04.23).
5. Японо-российская встреча на высшем уровне на полях саммита АСЕАН (14 ноября, Сингапур). – URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/files/000419705.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).
6. Ogawa T. Putin says 'Tempo has been lost' on Japan-Russia peace treaty. – URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Putin-says-Tempo-has-been-lost-on-Japan-Russia-peace-treaty> (дата обращения: 15.04.2023).

**РОЛЬ ГЛОКАЛИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА**

Меньшов Алексей Владимирович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: menshov99@yandex.ru

*Научный руководитель – Ситдиков Айрат Габитович, д.и.н., профессор,
заведующий кафедрой истории Татарстана, декан Высшей школы
исторических наук и всемирного культурного наследия,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. В стремительно изменяющемся мире сохранение региональных различий и национальных культур сложная, трудновыполнимая задача. Осознавая ценность региональных различий и желая обеспечить воспроизводство своей культурной модели, любой исследователь сталкивается с необходимостью изучить глокализирующий и глобализирующий подход к международным отношениям, торговли, экономике и политике. Данная статья рассматривает роль глокализации и её перспективы в восточно-европейском регионе.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, Восточная Европа, культурный подход, международные отношения, проблема сохранения разнообразия культур.

**ROLE OF GLOCALIZATION IN DEVELOPMENT OF NATIONAL CULTURE
IN EASTERN EUROPEAN GLOBAL PROVINCE
DURING WORLD'S GLOBALIZATION**

Menshov Alexei Vladimirovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: menshov99@yandex.ru

Abstract. In rapidly changing world preservice of regional differences and national cultures seems almost impossible task. While understanding value of regional differences and wanting to secure cultural model of a region, researches is faced with necessity of studying global and glocal trend in international relations, trade, economy and politics. This article takes a look in a glocalization's role and its opportunities in East-European region.

Keywords: globalization, glocalization, Eastern Europe, cultural method, international relations, cultural diversity preservation problem.

Народная культура как набор традиций, обычаев социальных норм и ценностей передаётся из поколения в поколение в рамках определённого народа. Народная культура отражает уникальность и богатство народа и несёт в себе информацию про историю, менталитет, мировоззрение, образ жизни и другие аспекты жизнедеятельности общества. В традиционном обществе народная культура способствует формированию национальной идентичности и чувство сопричастности судьбе и жизни своего народа [1, с. 34]. Народная культура в наши дни

утратила целостность и ясность которыми обладала изначально и находится в диффузном состоянии [1, с. 34]. Повседневной жизни человека из прежних элементов культуры представлена только религия.

Уникальность национальной культуры определяется ее возможностью сохранения и передачи из поколения основные элементы культуры народы: мифы, легенды, песни, танцы, народные сказки и прочие произведения устного творчества. В совокупности с другими элементами культуры такие как народные промыслы, бытовые и религиозные традиции, кулинарные рецепты народная культура создает уникальную идентичность народа. В современной России, учитывая исторические и политические вызовы современности именно народной культуре отводится роль формирования единой историко-культурной общности.

Уникальность культуры народов Европейской части России имеет свои особенности. Европейской части России исторически отводилось роль формирования единого культурно-исторического и идеологического пространства. Поэтому сохранение и развитие народной культуры было важно для сохранения национальной идентичности. Создание единого государства, начавшийся на европейской территории России вызвало необходимость политического единства. Данный регион на основе богатства истории, традиции, обычаев и языков проживающих здесь народов сформировал базу для формирования национальной культурной идентичности России. Со временем, культурное многообразие, безусловно являвшийся показателем богатства народной идентичности было вынуждено уступить место национальной идентичности государства. К примеру, так появилось понятие «Русский Север», где в среде многочисленных народов, этнических подгрупп создается единое культурное пространство великороссов [2, с. 135–140]. В конечном итоге именно север сыграл важнейшую роль в сохранении русской культуры и формировании единого культурного пространства [2, с. 142].

Идентичность российской культуры в условиях современного глобального мира, как и другие сферы жизнедеятельности государства претерпела серьезные изменения. Однако уникальность народной культуры все же способствует сохранению российской культурной идентичности. Как показывает сравнительно-сопоставительный анализ вопроса культурной идентичности России и западноевропейских стран, «американская мечта» в виде мечты об индивидуальном материальном успехе и европейские идеалы основанная на модели позитивного взаимодействия человека с коллективом и природой [3, с. 149] не являются безусловными ориентирами для российских граждан. Свою идентичность россияне чаще всего связывали со своей семьей, с друзьями, с людьми разделяющие взгляды, с людьми своей профессии, с коллегами по работе и с людьми той же национальности [4, с. 12]. По мнению исследователей, причиной такой самоидентификации является компенсаторская функция исчезнувшей самоидентификации российского общества с идеей имперской идентичности [4, с. 12].

Для преодоления кризиса в сфере культуры, а также в целях содействия этнокультурному многообразию в России, в 2013 году была принята специальная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [5]. В ней прописаны основные проблемы, на решение которой направлена программа и задачи стоящие перед государством в плане развития национальной российской культуры. Замена советской идентичности региональной, этнической и религиозной идентичностью, по мнению авторов данной программы, является одной из основных причин кризиса гражданской идентичности. Также унифицирующее влияние глобализма на локальные

культуры, в числе прочих, перечисляется к списку таковых угроз. Содействие государства этнокультурному многообразию в России названа в числе приоритетных программ в области сохранения и трансляции российской культуры в России и за рубежом.

Российская национальная культурная идентичность сформировалась в течении продолжительного периода времени. Она базировалась на русской культуре и постепенно включал в себя культуру других народов [6, с. 474]. Превращение народной культуры в национальную культуру объединило жителей европейской России и способствовало формированию национально-культурной идентичности на основе общих ценностей, традиций, общественных норм, искусства, музыки, литературы, языка и др. Расширение культурных границ вместе с возможностями для развития культуры создало, и опасность растворения народной культуры в национальной а глобализация создает опасность исчезновения национальной культурной идентичности в глобальной культуре.

Комплексный характер социокультурного кризиса народной культуры в современной России по мнению исследователей было вызвано отсутствием идеологии и национальной идеи [7, с. 25]. И как следствие это вызвало утрату целостности культурного пространства, появление индивидуализма в противовес общинному образу жизни, ориентация на сиюминутные проявления культурной жизни, употребление продуктов массовой культуры [7, с. 25].

Однако феномен глобализации нельзя однозначно трактовать как отрицательное явление. Глобализация выдвигает перед народами России различные задачи. Именно благодаря глобализации современным обществам пришло понимание необходимости формирования наднациональной культуры. К примеру, русская народная культура, как основа национальной идентичности россиян, в том числе в восточноевропейской провинции должен выступать в качестве объединяющего начала [8, с. 32] Учитывая необходимость формирования национально-культурной идентичности народов восточно-европейской провинции на территориальном и языковом единстве, общности письменности русская культура требует создания бренда массовой культуры [8] как элемента национальной культурной идентичности россиян и ее продвижения за рубежом.

Что касается культуры остальных народов, то они были вынуждены выйти из состояния спячки в целях самосохранения своей самобытности и в целях выживания в условиях глобального мира должны были развиваться в условиях локальных, этнотерриториальных групп. При этом, общественные и культурные организации должны развивать культурные контакты с региональными и международными организациями при посредничестве официальных государственных органов РФ с целью интеграции своей культуры в мировую. Именно глокализация показала возможности для развития народной культуры в условиях современного глобального общества и возможности её ретрансляции в мире.

Таким образом, глокализация современными исследователями воспринимается как окно возможностей для развития национальной культуры, экономики, политики и общественной жизни общества. Одним из таких подходов является развитие регионализма как инструмента сохранения региональной идентичности [9, с. 114].

Возможности развития глокализационных процессов в Европейской части России хорошо прослеживается на примере финно-угорских народов. В целом, как показывает исследование роль финно-угорского компонента в формировании единого культурного пространства России не отрицается. Они оказали заметный вклад на процесс превращения своей народной

культуры в единую национальную культуру России. Однако, в современных условиях глобального мира, малочисленные финно-угорские народы восточно-европейской провинции столкнулись с проблемой потери своей культурной самобытности.

С оформления в начале 1990-х годов международного финно-угорского движения происходит активизация культурных контактов между родственными народами и повышение уровня национального самосознания. В структуре международного финно-угорского движения выделяются три уровня: международный, общероссийский и региональный. Международное финно-угорское движение сформировало круг проблем стоящий организацией и занимается выработкой путей их решения. В этот список входит сохранение национальных языков и культур, проблема демографии и экологии, защита прав малочисленных народов, формирование единого информационного пространства [10, с. 108].

По мнению ряда исследователей, участие культурных ассоциаций в политике можно также охарактеризовать как народная дипломатия. С данной точки зрения Международное финно-угорское движение становится важным инструментом развития гражданского общества, внутренней и внешней политики государства [11, с. 125–128].

Глокализация культуры финно-угорских народов как ответная реакция на современные вызовы глобализации выполняет с одной стороны, роль сохранения и популяризации национально-культурной идентичности малочисленных народов РФ, с другой, позволяет устанавливать дипломатические отношения России со странами финно-угорского мира через регионы РФ с коренным финно-угорским населением. Финно-угорском общественном движении участвуют представители финно-угорских народов таких стран как РФ, Финляндии, Венгрии, Швеции, Эстонии, Норвегии, Латвии и т.д. Соответственно, это движение имеет Потенциал общественный дипломатии и является инструментом дипломатии [12, с. 54–57] функционал которого не ограничивается культурной дипломатией.

Сообщество финно-угорских народов как элемент региональной глокализации формирует дихотомное мышление у представителей этих народов. Т.е. традиционные национальные ценности, народная культура совмещаются с российскими гражданскими идеями и ценностями в процессе строения единой нации.

Другим примером глокализации национальной культуры восточноевропейской провинции в современной России можно проследить на примере татарских национальных объединений. Наиболее существенными организациями занимающийся в том числе вопросами национально-культурного развития татар являются ВКТ (Всемирный конгресс татар) и ФНКАТ (Федеральная национально-культурная автономия татар).

В перечень основных задач ФНКАТ входит: представление интересов татар в федеральных и региональных органах власти; координация работы по разработке федеральных целевых программ по вопросам развития культуры; участие в создании единой федеральной системы татарских учебных заведений; сотрудничество с татарскими общинами в зарубежных странах; сотрудничество с национальными организациями народов РФ [13, с. 28].

Как видим, национально-культурная автономия активно занимается как проблемами культурного, общественного и политического развития татар. Правовой статус организации позволяет вести диалог с местными властями [14, с. 3].

Главной общественной организацией, объединяющей татар всего мира является ВКТ. ВКТ объединяет все национально-культурные объединения и по сути является

этнокультурным центром [15, с. 102] и курирует общественную, политическую, культурную жизнь татар всего мира. В частности основными направлениями деятельности ВКТ является: консолидация татарского народа и установление связей между общественными объединениями; содействие национально-культурному, социально-экономическому и духовному развитию татарского народа; участие в разработке и реализации целевых программ национально-культурного развития [16, с. 96].

Учитывая существование этнокультурных центров в разных регионах России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Ульяновская область, Саратовская область, Волгоградская область, Астраханская область, Архангельская область) ВКТ позволяет развивать и расширять культурные связи на региональном уровне. Установление этнокультурных контактов с помощью ВКТ с татарскими общинами за рубежом позволяет использовать потенциал в сфере развития международных отношений РФ с иностранными государствами [15, с. 103–104].

Таким образом региональные и международные связи выстроенные через культурные контакты ВКТ позволяет проводить широкий спектр деятельности в тесном взаимодействии с федеральными органами власти в рамках единой российской внешней политики [16, с. 99].

Таким образом, в условиях глобализации происходят процессы унификации культуры и старание границ культурного многообразия народов. В итоге, как защитная реакция происходит локализация культуры в рамках отдельных этнических групп. Благодаря глобализации, они получают возможность сохранения своей народной культурной идентичности. Общественные организации, через которые происходит консолидация их общественный и культурной жизни они получают возможность ретрансляции своей культуры на региональном и международном уровне. В результате, глокализация играет двоякое роль. С одной стороны, позволяет сохранить культуру в рамках локальных этнических групп, с другой, интеграция в мировую глобальную культуру не только в качестве наблюдателей, но и в качестве активных участников этого процесса.

Библиографический список

1. Данилов С.И. Идентичность личности народа и народная культура / С.И. Данилов // Педагогика искусства. – 2017. – № 1. – С. 32–37.
2. Шабаетов Ю.П. Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы. / Ю.П. Шабаетов, И.Л. Жеребцов, П.С. Журавлев // Мир России. – 2012. – № 4. – С. 134–153.
3. Горшков М.К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры / М.К. Горшков // Гуманитарий юга России. – 2014. – № 2. – С. 149–152.
4. Беспалова Т.В. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе / Беспалова Т.В., Расторгуев В.Н. – М.: Институт наследия, 2017. – 224 с.
5. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 - 2020 годы)» (Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718) – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102399783&backlink=1&&nd=102167407> (дата обращения: 15.04.2023).
6. Тощенко Ж.Т. Общее и особенное российской и тюркской цивилизации: проблемы глокализации / Тощенко Ж.Т. // Вестник института социологии. – 2010. – № 10. – С. 467–478.

7. Сулименко Е. Внешние и внутренние угрозы российской культуре в условиях глобализации / Е. Сулименко // Обозреватель. – 2008. – № 5. – С. 17–28.
8. Литвинцева Г.Ю. Русская культура как основа национальной идентичности россиян / Г.Ю. Литвинцева, Ю.М. Пашедко // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 11, Часть 1. – С. 31–33.
9. Кожевников Н.И. Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты / Н.И. Кожевников, Н.Л. Пашкевич // Вестник ЯГУ. – 2005. – Т.2. – № 3. – С. 111–115.
10. Каверин А.В. Влияние глобализации на этнокультурные процессы финно-угорских народов России / Каверин А.В., Каверина Н.А // Финно-угорский мир. – 2016. – № 4. – С. 106–112.
11. Мясникова А.Б. Международное финно-угорское движение – инструмент народной дипломатии / Мясникова А.Б. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6–1. – С. 125–128.
12. Немечкин В.Н. Деятельность молодежной ассоциации финно-угорских народов в сфере общественной дипломатии / В.Н. Немечкин, А.В. Цыкарев // Финно-угорский мир. – 2012. – № 1–2. – С. 54–57.
13. Семенов В. Татарские национальные объединения в России как элемент гражданского общества / В. Семенов // Власть. – 2011. – № 9. – С. 26–29.
14. Национально-культурные автономии татар России // Время и деньги, 2009. – № 55. – С. 3.
15. Еникеева Р.Н. История возникновения и особенности территориального расположения татарских этнокультурных центров / Еникеева Р.Н. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 21. – Вып. 11. – С. 102–105.
16. Гиматдинов Р.Р. Взаимодействие с соотечественниками на уровне российских регионов: опыт Татарстана / Р.Р. Гиматдинов, И.Р. Насыров // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 3. – С. 94–102.

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИНОКУЛЬТУРНОМ ОКРУЖЕНИИ
И ИНТЕГРАЦИЯ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ:
ОПЫТ ГРАЖДАН СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ – СТУДЕНТОВ КФУ**

Мингалиев Арслан Хайрутдинович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: arslan.minglaiev@yandex.ru

Научный руководитель – Титова Татьяна Алексеевна, д.и.н., профессор

кафедры антропологии и этнографии,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена результатам исследования этнической идентичности и степени интеграции студентов-иностранцев КФУ в инокультурном пространстве Казани. Среди исследовательских задач были выявление причин и мотив выбора Казани как места получения высшего образования; рассмотрение специфики взаимодействия этнической и религиозной идентичности, использования родного языка и национальных традиций в повседневных практиках в новой среде. Отдельное внимание уделено изучению степени коммуникативной конфликтности с местным сообществом и иностранными студентами с уточнением возможных проблемных полей в межкультурной коммуникации. В процессе исследования нашел подтверждение тезис, что позитивная интеграция в принимающее сообщество является двунаправленным процессом, успех которого зависит от установок всех участвующих сторон.

Ключевые слова: идентичность, этничность, интеграция, межкультурная коммуникация, иностранные студенты, адаптация, мультикультурное образование.

**ETHNIC IDENTITY IN A FOREIGN CULTURAL ENVIRONMENT
AND INTEGRATION INTO THE HOST COMMUNITY IN THE YOUTH
ENVIRONMENT: EXPERIENCE OF CITIZENS OF CENTRAL ASIAN
COUNTRIES – STUDENTS OF KFU**

Mingaliev Arslan Hajrutdinovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: arslan.minglaiev@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the results of the study of the ethnic identity and the degree of integration of foreign students of KFU in the foreign cultural space of Kazan. Among the research tasks were to identify the reasons and motive for choosing Kazan as a place of higher education; to consider the specifics of the interaction of ethnic and religious identity, the use of native language and national traditions in everyday practices in a new environment. Special attention is paid to the study of the degree of communication conflict with the local community and foreign students with the clarification of possible problem fields in intercultural communication. In the course of the research, the thesis was confirmed that positive integration into the host community is a bidirectional process, the success of which depends on the attitudes of all parties involved.

Keywords: identity, ethnicity, integration, intercultural communication, foreign students, adaptation, multicultural education.

Введение

Развитие учебных заведений высшего образования в международном пространстве способствует формированию международных образовательных программ, проектов, расширению студенчески-преподавательских обменных контактов. Вместе с тем, процесс непрерывного активного приспособления к условиям инокультурной среды связан с базовыми изменениями в поведении и деятельности человека. Успешная адаптация и интеграция чаще всего демонстрирует компромиссное принятие целей и ценностных ориентаций социальной группы, в которой находятся, в данном случае, иностранные студенты.

Вопросы адаптации в инокультурном окружении, сохранении позитивной этнической идентичности, особенно в студенческо-молодёжной среде являются актуальными темами для исследователей. Так, вопросами интеграции иностранных студентов в российское образовательное социокультурное поле занимаются М. Бабаева [1], Э. Вильданова [2], М. Ильина [2], Е. Муравьёва [3], Н. Масленникова [3]. Л. Дробижева выделяет важность поведенческого компонента идентичности, который основывается на проявлении себя как члена этнической группы, построении системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях [4].

Для иностранных специалистов, прежде всего, важны вопросы встраивания иностранных студентов в сформированные диаспоральные сообщества (Г. Шеффер) [5], вопросы мультикультурного образования (К. Слитер) [6], а также потенциал обучения иностранных студентов как вариации проявления «мягкой силы» государства (К. Хайден) [7].

Целью нашего исследования является анализ уровня интегрированности в социокультурное пространство Казани студентов КФУ – граждан стран Центральной Азии. Основной источниковой базой послужили собственные полевые материалы автора [8, 9].

Методы исследования

Статья написана с позиций полипарадигмального подхода в антропологии и этнологии. В исследовании использованы качественные методы сбора информации: индивидуальные глубинные интервью и фокус-групповые беседы, включающие 4–5 одномоментных участников. При последующей камеральной обработке и анализе предшествующих работ по теме исследования использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы, которые позволяют всесторонне раскрыть концептуально-идейное наполнение и сущностные характеристики полевых данных.

Участники исследования (далее – респонденты, информанты) – граждане среднеазиатских республик – Узбекистана (14 человек), Казахстана (6 человека), Туркменистана (5 человека), Таджикистана (3 человека), Кыргызстана (2 человека). Среди респондентов были студенты различных специальностей: социально-гуманитарных (юриспруденция, финансы, туризм, лингвистика), физико-математических (программирование, математика), естественно-научных (химия, медицина, биохимия, экология) направлений подготовки. Все респонденты – студенты очной дневной формы обучения на бюджетной, контрактной и целевой основах. Возраст информантов – от 18 до 27 лет.

Результаты и их обсуждение

Подавляющее большинство респондентов приехали учиться в Казань из столиц или ключевых крупных городов своих родных стран. Кроме того, студенты были уроженцами этих крупных городов, чаще всего уже не в первом поколении. Можно предположить, что и их обучение за рубежом, в том числе и на коммерческой основе, связано с большей обеспеченностью жителей столиц и крупных городов, а также большей информационно-коммуникационной доступностью, в том числе и контактов с Россотрудничеством, «по линии» которого студенты поступают в вузы. Это выгодно отличает интеграционные возможности данных иностранных студентов в отличие от выходцев из небольших городов и, тем более, из сельской местности, которые зачастую слабее владеют русским языком и принятыми светскими нормами большого российского города.

По большей части, «жизненные истории» респондентов похожи. В качестве мотивов приезда в Россию как места получения высшего образования обычно называют высокие позиции российских вузов в университетских рейтингах, доступность, а также понятную русскоязычную среду с примерно одинаковыми для всего постсоветского пространства инфраструктурой и социокультурным полем.

В качестве причин приезда именно в Казань указывают несколько вариантов, которые можно свести к трём основным пунктам. Во-первых, это большая распространённость ислама среди населения по сравнению с другими крупными городами, его традиционность и укоренённость в социокультурном ландшафте города. Отсюда для студентов-иностранцев логичным видятся более понятными и комфортными принятые нормы (в терминологии респондентов «люди близкие по менталитету»). Во-вторых, это наличие знакомых и родственников (чаще всего, татар или русских), проживающих в Казани, в Республике Татарстан или в соседних регионах. Отсюда проистекает принцип «сарафанного радио», когда студенты уже в школьном возрасте посредством рассказов близких или личных туристических / гостевых поездок имеют сформированное желание поступать именно в казанские вузы. Наконец, в-третьих, это высокие позиции, в частности, Казанского (Приволжского) федерального университета в вузовских рейтингах, престижность обучения здесь. Респонденты отмечали, что Казань стала прекрасной заменой столичным Москве и Санкт-Петербургу, не уступая в инфраструктуре и социальной доступности города, но выигрывая в стоимости жизни – в столицах траты на проживание значительно превышают аналогичные показатели в Казани.

Ответ на вопрос, касающийся собственной этнической идентичности, оказался для подавляющего числа респондентов чётким и однозначным. Студенты-иностранцы твёрдо определяли свою этническую принадлежность, чаще всего, совпадающую с родным языком. Среди студентов сохраняется тенденция крайней важности и значимости ощущения себя частью своего народа или гражданином своего государства. Интересно, зачастую, гражданская идентичность, ощущение «духовной близости» к своей родине и стойкая убеждённость в её исключительности и положительности были более важны для выходцев из очевидно русских и татарских семей.

Совершенно необычным для стороннего наблюдателя, но при этом совершенно понятным и обыденным для самих студентов-иностранцев представлялась ситуация, когда студенты, выросшие в непрактикующих язык этнического большинства семьях, определяли сами себя казахами, узбеками или туркменами. Такие студенты, не имеющие, казалось бы,

фенотипических и языковых причин соотнесения себя с представителями этнического большинства, тем не менее, указывают на однозначную принадлежность к народу через культурные нормы и жизненный опыт (длительное совместное проживание, общее детство и т.д.). При этом совершенно необязательно, чтобы эти студенты хорошо владели соответствующими языками, достаточно, понимания на поверхностно-бытовом уровне. Таким образом, можно установить, что этническая идентификация для таких студентов-иностранцев идёт не через язык (как, например, для тех, у кого таджикский, узбекский или казахский языки – родные), а через общность проживания, длительность и глубину межличностных контактов (с самого рождения или с детства), что даёт почву для возникновения внутриэтнической эмпатии и партиципации. При этом они также беспрепятственно получают легитимацию своего идентификационного статуса со стороны ин-группы – «этнических» узбеков, казахов, туркмен, таджиков.

Интересно, что среди выходцев из этнически смешанных семей, особенно не использующих в быту язык этнического большинства, возникают специфические идентификационные определения. Например, «россиянка» и «славянка» для девушек из смешанных семей из Туркменистана.

Попадание в инокультурную среду после приезда в Казань и начала обучения вызвало мобилизацию (усиление) чувства этнической идентичности и гражданской сопричастности. Это выражается в исключительно тёплых чувствах по отношению к «своим» (выходцам из стран выбытия), организации и проведении совместных национальных праздников. Вместе с тем, подобное усиление самосознания не связано с ответной реакцией на открытое ущемление своих этнокультурных прав или социально-психологический дискомфорт. Такая мобилизация носит, скорее всего, нейтральный, неагрессивный характер, связанный с ощущением гордости за свой народ и/или страну на чужбине. Среди студентов-иностранцев не отмечается ярко выраженной тенденции к конфликту между усиленной идентичностью и осознанием необходимости интеграции в российское социокультурное пространство.

Респонденты указывают, что в подавляющем большинстве владеют русским языком на разных уровнях. При этом представители этнического большинства стран выбытия общаются в быту преимущественно на собственных языках (узбекском, таджикском и т.п.). Однако в Казани повсеместно (в учёбе, общении, досуге) используется русский язык. На родном языке происходит нерегулярное общение со своими земляками, также обучающимися в казанских вузах, или с членами казанской диаспоры (национально-культурной автономии). При посещении мечети проповеди священнослужителей прослушиваются на татарском языке, который, по большей части, понятен студентам из Средней Азии, знающим тюркские языки.

Вместе с тем, сохраняется нерешённой серьёзная проблема плохой языковой подготовки отдельных студентов–иностранцев, прибывающих в Казань для получения высшего образования. Особенно при условии поверхностно-снисходительного отношения преподавателей и общения исключительно внутри «своего» круга мотивация к изучению русского языка и инкорпорирования в новую среду сводится к нулю.

Очевидное решение данной проблемы в увеличении количества адаптационных массовых мероприятий для иностранных студентов упирается в серьёзное препятствие. Участие в активной внеучебной деятельности принимают преимущественно студенты, которые уже частично адаптированы и инкорпорированы в новую среду. Отсюда возникает насущный вопрос, как вести работу с иностранными студентами, которые не включены в студенческие

активистские группы исходя из личных убеждений («не хочу», «неинтересно», «нет желания», «страшно» и т.д.).

Для представителей этнического большинства, владеющих соответствующими языками, важную роль для самоопределения играет и чёткая религиозная идентичность. Ислам остаётся хранителем и транслятором наиболее важных морально-этических и поведенческих установок. Иностранные студенты постулируют высокую значимость религиозной принадлежности, что может быть, вместе с тем, связано с нежеланием признавать изменение ценностных ориентаций, так как религия является консолидирующим фактором, объединяющим социальную группу иностранных студентов по конфессиональному признаку, что также может выступать своего рода мостом между группой соотечественников в Казани, домом и непосредственно иностранным студентом. Религия фактически дополняет и усиливает этническую идентичность.

Значимость религиозной идентичности, соблюдение обрядов напрямую зависит от степени их важности и регулярности в родительской семье. Религиозная часть иностранных студентов обладает большей социокультурной консервативностью. Стоит отметить, что сами студенты определяют выше тщательность соблюдения религиозных обрядов среди своих родителей, чем среди, собственно, себя. Это показывает, что, уезжая из родительского дома и приезжая в Татарстан, иностранные студенты из-за смены привычного окружения и ослабления контроля начинают реже соблюдать религиозные обряды, запреты и посты, что, в свою очередь, может привести к плавной трансформации морально-ценностных ориентаций.

Для этнического меньшинства, особенно для выходцев из русскоязычных семей, больше характерно определение себя неверующими или сомневающимися. Также распространена номинальная принадлежность к религии, обычно проистекающая из семейных религиозно-бытовых традиций, что не влечёт за собой обязанности отправления религиозных практик и соотнесения своей жизни с установленными канонами.

Непосредственно острые конфликтные ситуации иностранные студенты не упоминают, упоминая лишь отдельные факты предубеждения и стереотипов о «приезжих», эпизодически распространённых в среде местного населения. Эмпирически замечено, что подобные вопросы у некоторых респондентов вызывали неприятные эмоции, что влекло за собой закрытие человека и явное нежелание дальнейшего развития этой темы. Возможно, иностранные студенты испытали травмирующий опыт, о которой теперь распространяются лишь в общих чертах.

Также респонденты прямо называли неадекватное неэтичное поведение отдельных представителей иммигрантского сообщества как фактор негативного отношения местных к приезжим. По словам респондентов, их самим бывает стыдно за поведение некоторых трудовых или образовательных мигрантов. Это поднимает вопрос и о конфликтогенности внутри-этнической коммуникации между «своими», так как иммигрантское сообщество ошибочно может представляться неким монолитом с четкими ригидными этнокультурными нормами. При этом внутри этого сообщества существуют свои более мелкие группы по целям прибытия в России, уровню интеграции, финансовой обеспеченности и т.д. Стоит также отметить, что вопросы о конфликтах между иностранными студентами тоже вызывали определённую заминку, что может быть связано с некими натянутыми отношениями между этническими группами в Средней Азии и Закавказье. Хотя декларативно респонденты указывали на отсутствие проблемных полей.

Заключение

Позитивная интеграция в принимающее сообщество зависит от установок самих иностранных студентов, их мотивации, воли, целей и уже имеющихся морально-ценностных установок. Несомненно, языковой барьер, неприязнь со стороны местного населения, отсутствие информации о культуре местного населения оказывает большое влияние на интеграционные возможности. Вместе с тем, имеющиеся проблемы не носят для студентов-иностранцев критического характера, они сталкиваются с эмоциональной перегрузкой, коммуникационными сложностями, бытовыми трудностями (смена места жительства и привычного окружения, познание незнакомой местности, малый опыт самостоятельной жизни, оформление миграционных документов). При этом запоминающиеся случаи неприязненного отношения к иностранным студентам единичны, что не исключает эпизодов «бытовой» ксенофобии. Студенты из этнических групп местного населения, несмотря на свою идентичность, вообще не сталкивались с проявлениями интолерантности.

Студентам-гражданам стран Центральной Азии в подавляющем большинстве важна этническая и религиозная принадлежность, у них высокая сопричастность с родиной и уверенная ориентация на возвращение в страну выбытия после окончания обучения в вузе. При этом студенты-иностранцы посещают мероприятия, направленные на знакомство с местной культурой, помощь в адаптации (студенты, хорошо владеющие русским языком, этого практически не делают). Наиболее предпочтительные для иностранных студентов форматы – организации мероприятий совместно с представителями местного населения. Здесь проявляется определенный энтузиазм со стороны иностранцев на знакомство с местной культурой и коммуникацию с принимающим населением. Это выражается и в желании иностранных студентов иметь те же права, что и местные жители. В целом, студенты-иностранцы замыкаются в себе, а выражают готовность к коммуникации, для чего им необходимо создать определённые условия.

Библиографический список

1. Бабаева М. В. Этническая идентичность и эмпатия иностранных студентов / М.В. Бабаева, А.И. МаксUTOва // Пензенский психологический вестник. – 2018. – № 1.
2. Вильданова Э.М. К вопросу адаптации иностранных студентов в образовательном пространстве вуза / Э.М. Вильданова, М.С. Ильина // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки. – Уфа: АМИ, 2018. – С. 12–17.
3. Муравьева Е.В. Проблемы интеграции иностранных студентов в образовательную среду российских вузов / Е.В. Муравьева, Н.Н. Масленникова // Вестник Башкирского университета. – 2022. – № 1. – С. 229–237.
4. Дробижева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве / Л.М. Дробижева // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 83–93.
5. Sheffer G. Ethnic diasporas: a threat to their hosts? / G. Sheffer // Intern. migration and security. – M. Weiner. Boulder; San Francisco; Oxford, 1993. – P. 263–286.
6. Sleeter C.E. Making choices for multicultural education / C.E. Sleeter, C.A. Grant. – 5th ed. Hoboken (N.J.): WILEY, 2007. – 238 p.
7. Hayden C. The rhetoric of soft power: public diplomacy in global contexts / C. Hayden. – Lanham: Lexington Books, 2012. – 312 p.

8. Полевые материалы автора. Материалы глубинных интервью со студентами КФУ – гражданами стран Центральной Азии. 2022 г. // Фонд 1. Опись 1.

9. Полевые материалы автора. Материалы фокус-групп со студентами КФУ – гражданами стран Центральной Азии. 2022 г. // Фонд 1. Опись 2.

КОНФЛИКТЫ ГОРОЖАН С КОРОЛЁМ ГЕНРИХОМ VI

Мулеев Антон Олегович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: antmurray300@gmail.com

*Научный руководитель – Бикеева Наталья Юрьевна., к.и.н, доцент
кафедры археологии и всеобщей истории,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. В данной статье раскрывается тема конфликтного взаимодействия жителей английских городов и их короля – Генриха VI. Для проведения исследования был поставлен главный вопрос – были ли конфликты между горожанами и королём в Англии XV века, по какой причине они происходили и как разрешались. По мере написания работы было выявлено, что во время правления последнего представителя династии Ланкастеров городские жители не имели конфликты с королевской персоной. Напротив, как одна сторона, так и другая понимали взаимную выгоду мирного взаимодействия и пользовались услугами друг друга: король получал денежные суммы в свою казну, города подтверждали свои старые привилегии и получали новые.

Ключевые слова: позднее средневековье, Англия, XV век, Генрих VI, средневековый город, горожане.

THE CONFLICT BETWEEN INHABITANTS AND KING HENRY VI

Muleev Anton Olegovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: antmurray300@gmail.com

Abstract. This article reveals the topic of conflict between the inhabitants of English towns and their king – Henry the VIth. The main questions were posed in order to conduct the study – whether there were conflicts between the townspeople and the king in England of the 15th century at all, what were the reasons of their occurrence and how they were resolved. In the process of writing this work it was revealed that during the reign of the last representative of the Lancaster dynasty, urban residents did not have conflicts with the royal person. On the contrary, both sides were able to understand the mutual benefits of peaceful interaction and used each other's services: the king received sums of money in his treasury, the cities confirmed their old privileges and received new ones.

Keywords: later medieval time, England, XV century, Henry the VIth, medieval town, burghers.

Введение

В данной статье рассматриваются конфликты, происходившие в XV в. между обычными горожанами (не относящимися к руководству городов, назначаемому королём) и самим королём (а не ассоциировавшимися с ним шерифов и бейлифов, членов комиссий для расследования происшествий, которые король, как главный судья, должен был привести к справедливому решению). Главный вопрос, который будет решаться в данной работе – были ли

конфликты между королём Генрихом VI и горожанами во время его правления, а если были, то по каким причинам и как решались.

Методы исследования

В данной работы был применён принцип историзма, а также были использованы такие общенаучные методы, как анализ, сравнение, синтез.

Результаты и их обсуждение

По мере проведения исследования была выявлена необходимость разделить английские города по определённому критерию. В Англии существовало правило, согласно которому необходимо было спрашивать у своего сеньора разрешение перед тем, как позволить очередному человеку вступить в сообщество горожан. Без согласия сеньора ни один горожанин не мог покинуть город для торговли где-либо, сеньор мог запретить свадьбу, даже если она уже была обговорена родителями, и мог забрать самые лучшие части имущества умершего, не считая налогов, которые могли всё больше повышаться [1, с. 198]. Поэтому горожане очень радовались получению хартии, подтверждающей их свободу от феодального лорда, и дорожили ей [1, с. 200].

Для решения вопроса о городских конфликтах, важно разделить города на категории в зависимости от сеньора, поскольку все города так или иначе зависели от владельца земли, на которой они находились, а также их жители зависели от этого же сеньора согласно феодальному праву. Что и в каком объёме нужно отдать за свободу города определялось непосредственно каждым землевладельцем [1, с. 226].

Было выявлено, что в сеньориальных городах конфликты в основном случались именно с тем или иным сеньором-землевладельцем; подобная же ситуация была и с монастырскими городами. В решении таких конфликтов король поддерживал более сеньоров, чем горожан, и что часто было связано с собственными интересами. Несмотря на то, что король был, очевидно, заинтересован в развитии благосостоянии городов, он не изменил свою позицию [2, с. 13]. В качестве примера можно привести случай, описанный в статье Й. Роркастена, посвящённой антисеньориальной борьбе жителей города Ковентри против приората святой Марии, в которой также не было намёка на попытку разжечь конфликт с самим королём [3].

Поэтому, в нашем случае логичней будет рассмотреть пристально те города, которые находились на землях, принадлежащих королю (они ещё назывались *ancient demesne* – «древним владением»), и, следовательно, считались частью национальной собственности, тем более что большинство городов располагались именно на королевских землях. Изначально на них располагались те привилегии, которые защищали интересы короля, но постепенно они распространились и на самих горожан, которые были связаны возможностью наследования привилегий и вольностей, что они всячески пытались защитить от возможных посягательств [1, с. 227–229].

Как подчёркивается, те исследователи, которые занимались вопросами конфликтологии в английских средневековых городах позднего средневековья, для горожан в основном можно выделить три направления, в которых у них была социальная напряжённость: взаимоотношения с феодальной округой, борьба основной массы горожан с городской олигархией и споры мастеров с подмастерьями. Как мы видим, среди основных конфликтных ситуаций не встречаются конфликты с королём. [4, с. 13–14]

Утверждение о том, что основная борьба велась не между городом и королём, а между правящей элитой и более низкими слоями горожан. А когда эта борьба переходила в открытые ожесточённые действия, король часто не принимал жёстких мер, что может говорить о том, что монарх понимал, что конфликт был направлен не в его сторону. И, несмотря на то, что автор статьи приводит примеры, относящиеся к XIV веку, подобный вывод можно применить и к правлению Генриха VI. [5, с. 197]

В частности отмечается, что в истории города Норвича (англ. *Norwich*) произошёл ряд волнений, каковых не наблюдалось среди других городов по стране, но все они были направлены либо против представителей духовенства, либо были связаны с выборами мэра. [6, с. 217] Несмотря на то, что королю так или иначе приходилось вмешиваться, чтобы успокоить мятеж, даже поднятый не против него. [6, с. 224]

Подобное же отмечается и некоторыми британскими историками. Это объясняется ими тем, что основные этапы борьбы городов за самоуправление произошли в предыдущие века, что привело к формированию слоя олигархии в городах, с которым начинали бороться к XV веку другие слои городского населения. [7, с. 385; 8]

Эта же мысль высказывается и в статье Гутновой Е.В. Несмотря на то, что автор в своей работе, в которой освещается взаимодействие между властными структурами и городами во всей Западной Европе, упоминает наличие конфликта представителей городского самоуправления и королевской власти в XV веке, вероятно, это высказывание относилось к подобной ситуации по Западной Европе в целом, поскольку подобного рода ситуация происходила в Англии несколько ранее, в XIII–XIV веках [9].

Почему же так могло быть? Существует точка зрения, что король был слишком отдалён, чтобы сильно вовлекать себя в дела каждого своего городского поселения. Помимо того, он был всегда готов найти компромисс с жителями городов по тому или иному вопросу, так же был готов выслушать жалобы горожан на действующих «от его лица» шерифах и других должностных лицах, которые часто злоупотребляли своей властью. Тем более, благодаря королю города получили должность Мэра (англ. *Mayor*), который стал избираться самими горожанами и исполнял все обязанности, ранее исполняемые должностными лицами, назначенными королём [1, с. 232–233].

Утверждалось, что Король для средневекового англичанина – фигура сакральная. Различного рода противоправные действия приводили к «ущербу короля и его людей» (королевства), поэтому многие горожане выступали за защиту короля, в частности, во время Войны Роз. Несмотря на то, что эта информация взята из хроник только Лондона [4, с. 155, 157].

В отличие от той серии конфликтов общего характера, которые произошли в XIII веке с активным участием горожан, которая закончилась принятием Великой хартии вольностей (1215 г.) и её Подтверждения (1297 г.). [10, с. 281]

А идея цареубийство не только не приветствовалась, но и сильно осуждалась. Это, судя по всему, – основная позиция горожан, несмотря на то, что в одной из хроник конца правления Генриха VI он называется «великим мятежником» [4, с. 160–163]. При этом, даже в конце XV века ещё не встречаются ни городские хроники, ни другие источники, в которых можно было бы обнаружить характеристику того или иного монарха с личным мнением автора, что снова может говорить о сакральном отношении жителей государства к персоне монарха [4, с. 164].

Несмотря на то, что после начала Войны Роз многие города выставляли ополчение в поддержку того или иного претендента на престол, они это делали по большей мере для своей выгоды и могли поменять сторону непосредственно в ходе действий военного характера. Поэтому даже в этом случае не следует считать подобные действия горожан как конфликт с персоной короля, с королевской властью как таковой [4, с. 164].

Обычно полноправные горожане поддерживали короля потому, что именно королевская власть могла обеспечить город любого размера и статуса экономическими привилегиями, способствовала стабилизации торговой обстановки по всей стране (установив единство мер и весов, упорядочение денежного обращения, обеспечение безопасности торговых путей внутри страны), а также могла поддерживать и защитить купцов из своей страны в спорах с иностранными [11, с. 180–185]. Горожане использовали каждую трудность королей, в частности Генриха VI, для получения новых привилегий и подтверждения старых, поскольку путём их назначения монарх покупал их поддержку [1, с. 237]. Тем более, что позиция наиболее крупных городов определялась позицией представителей крупного купечества [12, с. 278].

Однако такое отношение к королю не мешало многим городам принимать участие в военных действиях, посылать ополчения на помощь тому или другому претенденту на престол. Во-первых, горожане поступали так в случае, когда события происходили в непосредственной близости от них и в силу этого представляли угрозу. Во-вторых, города очень легко меняли свои политические пристрастия под влиянием изменяющихся обстоятельств [13, с. 28].

Те бунты, которые проходили в сельской местности редко распространялись на города. Больше всего бунтующих крестьян поддерживали в Лондоне, при чём, даже не во всём, а лишь в окраинах, особенно в Саутварке (англ. *Southwark*). (Вероятно из-за того, что именно там проживали бывшие выходцы из сельской округи) Это касается как небольших выступлений против конкретных указов короля (чаще всего против дополнительных налогов), так и такого крупного средневекового движения как восстание Джэка Кейда (англ. *Jack Cade*). В городах подобные протесты против королевской политики часто проявлялись в виде жестокого поведения конкретных личностей, для которых, вероятно, принадлежность к волнениям была лишь предлогом и прикрытием для своих действий криминального характера, которые могли быть вызваны тягой к подобному. Помимо этого, горожане в лице городских советов, судя по записям о тех наказаниях, которые были получены восставшими и вошедшими в границы города, наоборот выступали против каких-либо волнений, что выражалось даже в банальном отказе в разрешении войти в пределы городских стен. Это может быть объяснено тем, что предприимчивым городским жителям было невыгодно как сами действия бунтарского характера, так и возможные последствия в виде разного рода наказаний от лица королевской администрации [14, с. 109–111].

Даже когда Джек Кейд при помощи поддержавшей его части горожан смог войти в Лондон со своими отрядами, его действия, как и изначально, были направлены не против короля, а против баронов с их злоупотреблением властью [15, с. 95–97].

А если говорить про войну Роз, то в одном из исследований указано, что среди активных участников Войны Роз лишь немногим более 1% были представители городского населения [16, с. 20]. Помимо этого, на первом этапе войны большинство участников было на

стороне Ланкастеров, поскольку считали Генриха VI единственным легитимным монархом на тот момент [16, с. 23].

Интересным моментом является тот факт, что волнения разной величины в Англии, в отличие от стран континентальной Европы, происходили в моменты кризисов королевской власти, что было и в правление Генриха VI: слабая королевская власть приводила к появлению желания магнатов составить ей конкуренцию, что отражалось и в волнениях простого народа. Однако, как пишут в своих работах некоторые исследователи, представители волнующихся масс в своих речах не сваливали всю вину ни на персону короля, ни на абсолютно всех представителей лордов или представителей духовенства [14, с. 111].

Заключение

Таким образом, проанализировав имеющиеся исследования, можно сделать вывод о том, что горожане Англии в XV веке конфликтовали уже не с королём, а с сеньорами, а также с назначенными королём представителями, поскольку они злоупотребляли своим положением. Именно на королевских управленцев распространялась злость и недовольство горожан, а не на фигуру короля, поскольку жители городов, очевидно, разделяли персону короля, как фигуры в общественной иерархии и людей, которых он нанимал для управления.

Библиографический список

1. Green A. Town Life in the Fifteenth Century, Volume 1 / A. Green. – Public Domain, 1894. – 479 p.
2. Анисимова А. А. Членство в Конфедерации Пяти Портов как фактор формирования городской общины в средневековой Англии / А.А. Анисимова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21. – № 4 (193). – С. 11–28.
3. Макаров А.А. Особенности социально-экономического развития Ковентри XII–XIV вв.: автореферат дис. ... канд. истор. наук / А.А. Макаров. – Саратов, 1999. – 18 с.
4. Праздников А.Г. Английский город XIV – XV веков: социальная структура и менталитет / А. Г. Праздников. – Киров: Вятский гос. ун-т, 2007. – 203 с.
5. Мосолкина Т.В. Борьба за власть в среде городской элиты Англии в XIV–XV веках // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – № 2. – С. 195–198.
6. Storey R.L. The End of the House of Lancaster / R.L. Storey. – Manchester, 1966. – 282 p.
7. Jacob E.F. The Fifteenth Century, 1399–1485 / E.F. Jacob. – Oxford, 1961. – 808 p.
8. Rigby S. Government, power and authority, 1300–1540 / S. Rigby, E. Ewan. – The Cambridge Urban History of Britain, vol. I: 600–1540. Cambridge, 2000. – P. 291–312.
9. Гутнова Е.В. Город, бюргерство и феодальная монархия // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4: Extra muros: город, общество, государство. – М.: Наука, 2000. – С. 8–29.
10. Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента / Е.В. Гутнова. – М.: 1960. – 582 с.
11. Мосолкина Т.В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. / Т.В. Мосолкина. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 416 с.
12. Мосолкина Т.В. Английский город в политических событиях Англии XIV–XV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4: Extra muros: город, общество, государство. М.: Наука, 2000. – С. 273–281.

13. Праздников А.Г. Королевская власть в восприятии английских горожан XIV–XV веков // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. – 2002. – № 3. – С. 22–30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korolevskaya-vlast-v-vostryatii-angliyskih-gorozhan-xiv-xv-vekov> (дата обращения: 26.02.2022).
14. Cohn Jr. Popular Protest in Late Medieval English Towns / Jr. Cohn, D. Aiton. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 81–112.
15. Штокмар В.В. История Англии в Средние века / В.В. Штокмар. – СПб.: Алетейя, 2005. – 203 с.
16. Праздников А.Г. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века: автореферат дис. ... док. истор. наук / А.Г. Праздников. – Киров, 2021. – 43 с.

МАМЛЮКСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Осо Роза Науаф

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: rosaoso1994@gmail.com

*Научный руководитель – Ситдиков Айрат Габитович, д.и.н., профессор,
заведующий кафедрой истории Татарстана, декан Высшей школы
исторических наук и всемирного культурного наследия,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. Мамлюки правили государством Египет и Левант около 275 лет, с 648 по 1250 год хиджры. То есть 1517 год нашей эры. Мамлюкское государство со столицей в Каире, помимо острова Кипр, включало в себя весь Египет, Левант, Алеппо, Хиджаз и Йемен. Этим государством правили 37 султанов, первым из которых был король Аль-Муизз Айбак и последним из них был султан Туман-бей, а Дамаск был второй столицей мамлюкского государства. Среди самых известных мамлюкских правителей Дамаска были принц Иzz Ад-Дин Акош Аль-Афрам, принц Танкиз ан-Насири, принц Манджик Аль-Юсифи и принц Сибай, последний из мамлюкских принцев, погибший в битве при Мардже-дабик. Мамлюки позаботились об урбанизации, поэтому они построили школы, мечети и бани, и сегодня в Дамаске до сих пор есть много мамлюкских памятников несмотря на то, что многие из них были снесены и разрушены.

Ключевые слова: период мамлюков, мамлюки в Дамаске, школа Аль-Захирия, мечеть Танкиз, мечеть Ялбуга, школа Аль-Шадбия, школа Сибай.

MAMELUK ARCHAEOLOGICAL SITES

Oso Rosa Nauaf

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: rosaoso1994@gmail.com

Abstract. The Mamluks ruled the state of Egypt and the Levant for about 275 years, from 648 to 1250 AH. That is, 1517 A.D. The Mamluk state, with Cairo as its capital, included all of Egypt, the Levant, Aleppo, Hijaz, and Yemen in addition to the island of Cyprus. This state was ruled by 37 sultans, the first of whom was King Al-Muizz Aybak and the last of whom was Sultan Tuman Bey, and Damascus was the second capital of the Mameluk state. Among the most famous Mamluk rulers of Damascus were Prince Izz al-Din Akosh al-Afram, Prince Tanqiz al-Nasiri, Prince Manjik al-Yu-sifi, and Prince Sibay, the last of the Mamluk princes who died in the Battle of Marj-dabiq. The Mamelukes took care of urbanization, so they built schools, mosques and baths, and today there are still many Mameluk monuments in Damascus despite the fact that many of them have been demolished and looted.

Keywords: Mameluk period, Mamelukes in Damascus, Al-Zahiriya school, Tankiz mosque, Yalbugha mosque, Al-Shadbiya school, Sibai school.

Введение

Правление мамлюков над Дамаском и Левантом продолжалось с 658 г. хиджры (1260 г. н.э.) до 922 г. хиджры (1516 г. н.э.). То есть период в 256 лет. Дамаском правили в эпоху мамлюков 78 правителей, первым из которых был Алам Ад-Дин Санджар Аль-Халаби, а последним — Сибай. Затем началось османское владычество. Мамлюки построили в Дамаске около 130 архитектурных сооружений, в том числе мечети, школы и бани, из которых до наших дней сохранилось около 63 сооружений. В этом исследовании мы выбрали пять из них в хронологическом порядке: школа Захирия, мечеть Танкиз, мечеть Ялбуга, школа Шадхелбекия, известная как Шабаклия, и, наконец, школа Сайба.

Школа Аль-Захирия 680 г. хиджры (1281 г. н.э.).

Одно из первых зданий мамлюков в Дамаске, расположенное в районе Баб Аль-Барид, и школа изначально была домом для Шарифа Ахмеда бин Хусейна аль-Акики, одного из принцев Саифа Ад-Даулы Аль-Хамдани, который умер в 378 год хиджры (988 год н.э.). И когда Нур Ад-Дин Аз-Занки, князь государства Зангидов, вошел в Дамаск в 549 году хиджры (1154 году н.э.), его заместитель, Наджм Ад-Дин Аюб, купил этот дом и проживал в нем со своей семьей. Дом оставался в руках его внуков до 676 г. хиджры (1277 г. н.э.). Он приказал, чтобы школа стала домом для Священного Корана и могилой для его отца.

В состав школы входили: купол, могила западная мечеть, Школа Аль-Шафии, к востоку от дома, Ханафитская школа к югу от дома, дом для хадисов на востоке ханафитской школы, дома для учеников и учителей, кухня и помещения на северной стороне. [1]

Рисунки и мукарны были написаны наверху дверей, которые существуют до сих пор. Когда король Аль-Саид умер в 678 г. хиджры (1279 г. н.э.), здание не было завершено, поэтому султан Аль-Мансур Калавун приказал его завершить, и оно было завершено в 680 г. хиджры (1281 г. н.э.). В том же году тело Счастливого Короля было перевезено и погребено рядом с его отцом. Эта школа процветала на протяжении мамлюкского и османского периодов из-за славы принцев и султанов той эпохи и любви к ней жителей Дамаска.

В 1295 году хиджры (1878 году нашей эры) губернатор Дамаска Медхат-Паша приказал разместить книги, разбросанные по мечетям и школам Дамаска, в куполе этой школы. Эта задача была возложена на шейха Тахера Аль-Джазаيري, руководившего школой в этот период.

В 1326 г. хиджры (1908 г. н.э.) мавзолей Аль-Захира и его сына, короля Саида, был изменен. Длина мавзолея достигала трех метров, и он был лишен какого-либо художественного или эстетического вкуса. А когда арабская научная академия была основана в школе Адлия, расположенной напротив школы Аль-Захирия в 1337 г. хиджры (1919 г. н.э.), школа Аль-Захирия расширилась и стала всемирно известной, сравнимой с Египетским Домом Книги. [2]

В семидесятых годах прошлого века школу отреставрировали и рядом со школой построили цементный корпус. Это здание снесли в начале нынешнего века, а школу отремонтировали. Что касается посетителей этой школы, то их было мало из-за отсутствия обеспечения ее источниками и справками, передачи ей книг и рукописей, а также редких печатных книг в Национальную библиотеку имени Аль-Асада.

Мечеть Танказ 718 г.х. (1318 г. н.э.).

Известная мечеть, построенная на улице Аль-Нагр, занимает площадь 7200 квадратных метров над рекой Баниас. Эта мечеть была построена по просьбе самых известных лидеров Дамаска того времени - Дамаска «Танка», который похоронен в этой мечети и по сей день. Он

начал строительство этой мечети в 717 году хиджры (1317 г. н.э.) и завершил ее строительство уже через год. [3]

Эта мечеть была отремонтирована внуком принца Мухаммада Танказом в 795 году хиджры – 1392 году нашей эры, поэтому она стала еще красивее, чем была.

Историк Аль-Бадри посетил его в 875 году хиджры (1470 году нашей эры) и прекрасно описал эту мечеть, назвав ее парком в мечети.

В 1359 г. хиджры (1340 г. н.э.) доктор Асаад Талас описал его и сказал: «Он имеет длинный каменный фасад с четырьмя дверями, две из которых ведут в святилище, а две - во внешний зал.»

Справа от входа с восточной двери мечети находится купол, под которым находится могила Салах Ад-Дин Аль-Айюби (лидер государства Айюбидов в Дамаске).

Что касается святилища, то оно просторное, покрыто массивным деревом, а михраб украшен расписными украшениями.

В мечети есть каменный амвон, увенчанный небольшим куполом из красивого камня, а рядом с ним две мраморные колонны.

Святилище имеет восемь дверей, выходящих на площадь в середине мечети, на которой находится бассейн с водой, в который течет вода из реки Баниас. В восточной и западной сторонах мечети расположены наземное и верхнее помещения. Минарет этой мечети — один из самых красивых минаретов Дамаска. [4]

Наконец, в 1371 г. хиджры (1951 г. н.э.) Министерство, занимающееся строительством религиозных мест, таких как мечети, решило снести красивый фасад мечети, затем снести всю мечеть и устроить на ее месте коммерческие магазины на южном фасаде и школу на северной стороне. Остались только гробница вождя Салах Ад-Дина и минарет в Дамаске.

Мечеть Ялбуга 757 г.х. (1356 г. н.э.).

Мечеть Ялбуга был построен мамлюкским наместником Дамаска, принцем Ялбугой Аль Яхьяви, правившим Дамаском в 746 г.х. (1345 г. н.э.), который прожил там два года, а затем был убит. Он был турецкого происхождения, а Ялбуга означает: белое железо.

В начале своего правления в Дамаске он хотел построить мечеть, которая могла бы соперничать с мечетью Танц по роскоши и эстетике. Строительство этой мечети началось в 747 году хиджры (1364 году нашей эры). Он взял камни этой мечети с горы Касиун, и строительство мечети было завершено в 757 г.х., и она была очень красивой и прекрасной. На церемонии инаугурации присутствовали ученые и правители Дамаска, и историк Аль-Бадри прекрасно описал ее, посетив ее в девятом веке.

В мечети есть северная дверь, называемая Баб Аль-Фарадж, дверь с запада, называемая Баб Аль-Манза, и Баб Аль-Хальк с востока. Общая площадь мечети составляет 4720 квадратных метров, из которых 1258 квадратных метров занимает площадь святилища. В святилище двенадцать дверей, михраб, украшенный мрамором и витражами. В мечети есть маяк, построенный из камня, квадратный и красиво сделанный, расположенный в северной части мечети.

Школа Аль-Шадбия 857 г. хиджры (1453 г. н.э.).

Его построил принц Саиф Ад-Дин Шази-бей, помощник депутата Леванта. Школа расположена в районе Канат, и сегодня это мечеть Хасана с высоким каменным фасадом, в котором находится дверь мукарнас, обращенная на восток, а рядом река. Над дверью был написан текст «Эта благословенная школа была основана Шади-беем, Амиром Давадаром ас-Саифи

Джалбаном, хранителем Левантийского королевства, да будет прославлена Его победа» это было в Раджабе в 857 году хиджры. Надпись был обновлен в последний раз в 1407 г.х. (1987 г. н.э.). [5]

В святилище есть большой зал с квадратным бассейном с кристально чистой водой, а на западе просторная комната, в которой три могилы, в зал она имеет два окна, на южном окне стихи, указывающие на обновление школы в 1232 г. хиджры (1817 г. н.э.). А на севере и юге два больших айвана и два окна на дорогу.

Что касается могил, то они включают в себя в хронологическом порядке: могила наместника Дамаска Джалбана Аль-Муайиди, умершего в 859 году хиджры (1455 году нашей эры); могила Юсефа бин Шади Бея, умершего в 881 г.х. (1476 г. н.э.); могила вакифа Шадибея, умершего в 887 году хиджры (1482 году нашей эры).

Сегодня школа является прекрасным образцом мамлюкских памятников, украшавших Дамаск на протяжении веков, и одним из немногих памятников, переживших снос и растрату [6].

Школа Аль-Сибайя 920 г. хиджры (1514 г. н.э.).

Последний из мамлюкских памятников в Дамаске, известный как мечеть Себахия, расположен в Баб-Эль-Джабия у входа в каналы. Его приписывают мамлюкскому представителю Леванта Сибаяу, и он последний из правителей. Он был убит вместе со своим учителем султаном Гансухом Аль-Гури в 922-1516 годах хиджры в битве при Мардж-Дабике, к северу от Алеппо.

Строительство школы началось в 919 году хиджры (1515 года нашей эры), и строительство было завершено через год.

Через два месяца умерли мать и дочь губернатора (Сита), поэтому их похоронили в школе, к западу от двора. Сибай старался сделать свою школу самой красивой школой в Дамаске, поэтому он собрал для нее столбы и мрамор из школ Дамаска, находящихся на грани разрушения, так что жители Дамаска называли ее (Коллекция мечетей).

Школа имеет красивый фасад с востока, в котором находится первая дверь, выполненная из белого и черного камня.

И святилище с южной стороны, и в нем великолепный каменный михраб с его украшением и геометрическими надписями, а на западе красивый айван с украшениями, который стоит на двух арках, и у мечети есть еще одна дверь на западе, которая ведет к сердцу школы, где есть бассейн с водой, а на севере - большой айван.

Сегодня школа представляет собой соборную мечеть без уроков, а под ней старые коммерческие магазины, хотя и до мечети несколько шагов. [7]

Заключение

Таким образом, мамлюкские древности представили бы некоторые из культурных древностей мамлюкского государства, о которых многие ничего не знают, ни о его правителях, ни о его городских сооружениях. Это вызвало большое восхищение у археологов, видевших их до их разрушения и описывавшие их в своих трудах, такие как немецкий востоковед: Карл Ватцингер и др.

Эти древности, как правило, нуждаются в заботе и уходе, потому что они являются сияющей жемчужиной в цивилизованной истории Дамаска.

Библиографический список

1. Клинкель Х. История Древней Сирии / Х. Клинкель. – Сирия: Министерство культуры Сирии, 1985.
2. Джудалла Ф. Источник цивилизаций / Ф. Джудалла. – Сирия, 1999.
3. Дортъе З. Развитие и строительство исламского левантийского города: перевод Кассима Тувера / З. Дортъе. – Дамаск, 1987.
4. Бахнаси А. История искусства и архитектуры: часть 1 / А. Бахнаси. – Дамаск: Дар аль-Шарк для печати и издательского дела, 2003.
5. Дауд Ф. Основы древней сирийской архитектуры / Ф. Дауд. – Дамаск: Дар аль-Шарк, 2005.
6. Дауд А. Древняя цивилизационная история Сирии: часть третья / А. Дауд. – Дамаск, 2006.
7. Зиаде Н. Дамаск в эпоху мамлюков Ливан / Н. Зиаде. – 1966.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ГОМИНЬДАН 1919-1922 ГГ.

Отарчиев Алим Маратович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: aotarchiev@mail.ru

*Научный руководитель – Гришин Яков Яковлевич, д.и.н., профессор
кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. Статья посвящена исследованию отношений между Советской Россией и Гоминьданом в период с 1919 по 1922 годы. Автор провел анализ источников, свидетельствующих о контактах между Советской Россией и Гоминьданом, и выявил ряд противоречий и сложностей в их отношениях. В частности, было установлено, что Советская Россия оказывала поддержку Китайскому коммунистическому движению, что вызывало недовольство Гоминьдана. Также статья рассматривает вопрос о влиянии КПК на отношения между двумя странами и показывает, что активность коммунистов в Китае только усугубила конфликт между Советской Россией и Гоминьданом. Результаты исследования могут быть полезны для более глубокого понимания истории отношений между Россией и Китаем, а также для изучения внешней политики обеих стран в начале XX века.

Ключевые слова: Советская Россия, внешняя политика, конфликт, гражданская война, идеология.

SOVIET RUSSIA AND THE KUOMINTANG FROM 1919 TO 1922

Otarchiev Alim Maratovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: aotarchiev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of relations between Soviet Russia and the Guomindang in the period from 1919 to 1922. The author analyzed sources that testify to contacts between the two states and identified a number of contradictions and complexities in their relationship. In particular, it was established that Soviet Russia supported the Chinese Communist movement, which caused dissatisfaction of the Guomindang. The article also examines the influence of the CCP on relations between the two countries and shows that the activity of the Communists in China only exacerbated the conflict between Soviet Russia and the Guomindang. The results of the study can be useful for a deeper understanding of the history of relations between Russia and China, as well as for studying the foreign policy of both countries in the early 20th century.

Keywords: Soviet Russia, foreign policy, conflict, civil war, ideology.

Введение

Отношения между Советской Россией и Гоминьданом в период с 1919 по 1922 годы остаются важной темой для изучения в области международных отношений и истории Китая и России. В это время Советская Россия и Китай имели сложные отношения, которые

характеризовались рядом противоречий и конфликтов. В частности, Советская Россия оказывала поддержку народному освободительному движению Китая, параллельно поддерживая Гоминьдан, как основную политическую силу, отражающую китайскую революцию, так и Китайское коммунистическое движение, которое в перспективе должно было перевести китайскую буржуазную революцию в китайскую социалистическую революцию, по примеру событий, произошедших в Российской империи в 1917 году. Такое отношение Советской России в сторону коммунистов, ее однозначная поддержка не могла не повлиять на взаимоотношения с Гоминьданом несмотря на то, что в начале установления отношений, и Гоминьдан, и Советская Россия относились друг к другу с большой надеждой на будущее сотрудничество. Цель данной статьи – исследовать ключевые аспекты отношений между Советской Россией и Гоминьданом в этот период, проанализировать факторы, которые способствовали взаимодействию, и оценить влияние этих событий на внешнюю политику обеих стран. Понимание динамики отношений Советской России с Гоминьданом необходимо для понимания современного политического климата между Россией и Китаем.

Важно отметить, что период с 1919 по 1922 годы стал кульминационным моментом в отношениях между Советской Россией и Гоминьданом. В этот период были заключены несколько договоров и соглашений. Например, в 1920 году было подписано соглашение о взаимной помощи между Советской Россией и Гоминьданом, которое предусматривало сотрудничество в сфере экономики и военного дела. В 1921 году был заключен пакт о дружбе и союзе между Китаем и Россией. Однако, эти договоры не смогли устранить разногласия между двумя странами, и конфликт продолжился. Кроме того, конфликт между Гоминьданом и КПК привел к нарастающему напряжению в Китае и возникновению гражданской войны, которая длилась более двадцати лет и имела серьезное влияние на политический, экономический и социальный климат в стране.

Методы исследования

В данной статье мы будем использовать несколько методов исследования, которые помогут нам более глубоко понять конфликт между Советской Россией и Гоминьданом. Анализ исторических документов, контент-анализ текста, сравнительный анализ и метод экспертных оценок являются наиболее подходящими для того, чтобы рассмотреть ключевые события и причины возникновения конфликта. Каждый из этих методов является уникальным и поможет нам получить глубокое понимание событий, происходивших в период конфликта. Анализ исторических документов поможет установить факты и последовательность событий, которые привели к конфликту. Контент-анализ текста поможет понять идеологические факторы, на которых основывалась политика двух стран. Сравнительный анализ позволит определить сходства и различия между Советской Россией и Гоминьданом.

Результаты и их обсуждение

Победа Великой Октябрьской Социалистической революции, начало становления социалистических государств, кризис мировой экономической системы активизировали национально-освободительные движения по всему миру, в том числе, и в Китае. Разграбленная колониальными державами Китайская Империя, разрывавшаяся изнутри экономическими, политическими противоречиями и борьбой группировок за власть, стала одним из фронтов борьбы капиталистического и социалистического лагерей.

Массы, поднятые лозунгами об освободительной борьбе против колонизаторов, и национал-предателей, освободили Китай от номинального правления императоров и частично добились независимости от колониальной политики Западных держав. В тех обстоятельствах политические группировки, с одной стороны включавшие коммунистов, а с другой китайских националистов, действовали в едином фарватере, добиваясь независимости Китая. Но союз между этими сторонами не мог длиться долго, учитывая то влияние, которое оказывала молодая Советская Россия на Китай, и, в частности, на главную политическую силу Китая – партию Гоминьдан, а также китайских коммунистов.

В 1919 году Советская Россия находилась в очень тяжелом экономическом и политическом положении. В стране продолжалась Гражданская война, а также был провозглашен НЭП – Новая экономическая политика. Она заключалась в том, чтобы разрешить частную торговлю и предпринимательскую деятельность в определенных сферах экономики, что позволило немного стабилизировать экономическую ситуацию в стране [8].

В Китае после череды поражений, столетия колониального гнета наблюдается рост националистических настроений среди населения. Кроме того, различия между политическими группировками, военными и империалистическими государствами разрывали страну изнутри [3, с. 383–384].

В 1919 году в Китае произошло несколько важных событий, которые повлияли на политическую ситуацию в стране. Одним из таких событий стало Движение 4 мая - протесты, организованные группой интеллектуалов и студентов, требующих более демократического правления и национальной независимости. Движение провозгласило лозунг: «Свергнуть империалистов и освободить Китай», и стало первым массовым протестом в Китае, который получил поддержку различных слоев населения, а также Советской России, которая активно поддерживала народно-освободительные движения. Вот что писал Ленин о революционном движении в Китае, возглавлял которое Сунь Ятсен: «Перед нами действительно великая идеология действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями Китая» [7].

Помимо Майского движения, в 1919 году также состоялась Парижская конференция, на которой было определено будущее Китая. На этой конференции западные державы предложили разделить Китай на несколько зон влияния, что вызвало возмущение китайского правительства и населения. Это привело к укреплению националистических настроений среди китайцев и росту поддержки движений за освобождение страны от западных держав.

В 1919 году Гоминьдан был только что создан как политическая партия, объединившая различные антиправительственные движения в Китае. Партия стремилась к единству нации и национальной независимости, а также боролась против доминирования западных держав в Китае.

В 1919 году лидер Гоминьдана Сунь Ятсен находился в Японии, где он планировал создать новое правительство Китая. В этот период он также завершил работу над своим «Тридцатипятиступенчатым планом», который предусматривал превращение Гоминьдана в мощную политическую партию, способную бороться за национальное единство и независимость страны.

Советская Россия в это время оказывала помощь Китаю в борьбе против японской интервенции, которая началась после окончания Первой мировой войны. Советские войска

вступили в Китай под предлогом защиты от японской агрессии и помогли Гоминьдану в борьбе с войсками Юньнаня и других провинций.

Однако уже в 1920 году отношения между Советской Россией и Гоминьданом начали ухудшаться из-за различий в политических взглядах и стратегиях. Хотя Советская Россия и поддерживала Гоминьдан в его планах освобождения Китая от влияния иностранных государств, в антиимпериалистическом движении, но сами противоречия, которые были заложены внутри Гоминьдана, а именно единый фронт коммунистов, социалистов, буржуазных и мелкобуржуазных элементов, не могли не повлиять на ухудшение отношений. Советская Россия поддерживала также и коммунистов, а значит и потенциальный переход к коммунистическому строю в Китае, что не понравилось тем, кто хотел видеть Китай капиталистическим. Одним из таких людей был Чан Кайши, будущий руководитель Гоминьдана, но уже в эти года имевший беспрекословный авторитет в партийной среде.

В 1921 году Коминтерн направляет в Китай для организации и руководства I съездом китайской коммунистической партии нидерландского коммуниста-революционера Маринга (настоящее имя Мари Сневлит). С этого момента можно отсчитывать начало существования коммунистической партии Китая, которую в дальнейшем будет курировать Советский Союз через наркомат иностранных дел и Коминтерн.

На II Всекитайском съезде КПК 16–23 июля 1922 года было постановлено следующее: «Коммунистическая партия Китая вовлекает рабочих в демократическое революционное движения для того, чтобы рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия создали единый демократический фронт во имя насущных интересов рабочих и беднейшего крестьянства... Однако в этом едином демократическом фронте рабочие не являются придатком мелкой буржуазии... Рабочие должны всегда помнить, что, представляя собой самостоятельный класс, они должны закалять силы своих организаций и укреплять свою боевую мощь, чтобы быть готовыми вместе с беднейшим крестьянством создать Советы и добиться полного освобождения... Успех демократической революции вместе с тем будет способствовать быстрому развитию нарождающейся буржуазии и поставит ее в положение противника пролетариата. В итоге пролетариат неизбежно выступит против буржуазии и будет осуществлять второй этап борьбы – диктатуру пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством» [2].

Видно, что коммунистическая партия Китая открыто заявляла о своих намерениях превратить демократическую революцию в социалистическую, что повторяло сценарий, произошедший в России в 1917 году. Но даже при таких заявлениях, не было речи о противостоянии с Гоминьданом. Широкий альянс национально-патриотических сил являлся приоритетом, как для коммунистов, так и для Гоминьдана. Но противоречия назревали.

Нам представляется, что основные причины будущего конфликта и разногласий того периода были связаны с несколькими факторами. По мнению некоторых ученых [6], Основной причиной нарастания антисоветского настроения в Китае послужило оккупационное положение страны японцами и попытки китайских коммунистов рассчитывать на помощь Москвы. Опасаясь, что социалистический эксперимент в России может повториться в Китае, правительство Гоминьдана начало борьбу против коммунистов [1, с. 90]. В свою очередь, Гоминьдан получал финансовую и военную помощь от западных держав, которые выступали против коммунизма. В 1922 году, Гоминьдан, при поддержке США и Британии, провел общекитайский съезд по созданию нового правительства, но без официального участия Китайской

Коммунистической Партии и Советской России [6, с. 122]. Китайские коммунисты по соглашению с Гоминьданом вошли в состав Гоминьдана, так как условия и объективные обстоятельства не позволяли коммунистам в одиночку вести освободительную войну, ведь Гоминьдан пользовался практически полной поддержкой китайского населения.

Заключение

Таким образом, отношения между Советской Россией и Гоминьданом с 1919 по 1922 годы являлись важной составляющей международной политики Советской России. Стоит отметить, что Советская Россия и Гоминьдан имели различие в идеологиях. В то время как Советская Россия провозглашала коммунизм и стремилась экспортировать свою революционную идеологию в другие страны, Гоминьдан был настроен на сохранение китайской традиционной культуры и установление демократических основ. Но лавирование между идеями мировой революции и поддержкой освободительных движений колониальных государств, возглавляемые в основном буржуазными элементами, показывает широкий подход к международной обстановке со стороны Советской России, но не смотря на это, в будущем конфликта не удалось избежать, исходя из глубоких противоречий, которые имелись внутри Гоминьдана и влиянием Советской России на коммунистов, как внутри китайской партии, так и во вне.

Однако не смотря на все противоречия, обе стороны понимали важность взаимодействия в условиях рушения системы международных отношений начала XX века. Тем не менее, это не смогло предотвратить поздний конфликт, разрыва отношений и начало Гражданской войны в Китае, в которой Советская Россия поддержала противника Гоминьдана Китайскую коммунистическую партию.

Взаимодействия между Советской Россией и Гоминьданом в 1919–1922 годах оставил свой след в истории Китая и региона в целом. Он стал одним из катализаторов будущих изменений во всей Азии.

Библиографический список

1. Бадкенгаузен А.В. Китай-СССР: неразрывные связи / А.В. Бадкенгаузен // Международная жизнь. – 2015. – № 3. – С. 90.
2. Документы по истории Коммунистической партии Китая 1920–1949 гг.: в 4 т. – М., 1977. – Т. 1: Документы по истории Коммунистической партии Китая 1920 – 1927 гг.: в 4 кн. Кн. 1. – С. 124–125, 123–124.
3. Ибрей П. Кембриджская история Китая. Т. 12. Республиканская Китай 1912–1949, часть 1 / П. Ибрей. – Издательство Кембриджского университета, 1983. – С. 383–384.
4. Киселев В.А. Китай: история, политика, культура / В.А. Киселев. – М.: Наука, 2010. – С. 462.
5. Куликов А.Н. Дальний Восток в XX веке: события, люди, идеи / А.Н. Куликов. – М.: Русский мир, 2005. – С. 122.
6. Левандовский А.Л. История нового времени. Т. 3: XX век. Часть первая / А.Л. Левандовский. – М.: Астрель АСТ, 2005.
7. Ленин В.И. Демократия и народничество в Китае. Полн. собр. соч. Т. 21. – С. 400–406.
8. Макмикин С. Русская революция: новая история / С. Макмикин. – Издательство Оксфордского университета, 2017. – 366 с.

ЭФФЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИТ–КОМПАНИЙ США НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Сигал Даниил Евгеньевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: dsigal17@mail.ru

*Научный руководитель – Пеньковцев Роман Владимирович, к.и.н., доцент
кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии,
Казанский (Приволжский) федеральный Университет*

Аннотация. В данной статье рассматривается развитие американской индустрии информационных технологий (ИТ) и ее влияние на международную арену. Статья подчеркивает значение инвестиций в научные исследования и разработки, которые способствовали росту США в области ИТ и глобальной экономике. Освещаются стратегии и партнерства крупных ИТ-компаний, таких как Майкрософт и Интел, в сотрудничестве с исследовательскими университетами и другими акторами инновационной отрасли. В статье также обсуждаются тенденции консолидации индустрии, влияние искусственного интеллекта на экономику и рабочие места, а также политическое воздействие ИТ-компаний на международных рынках. В заключении подчеркивается значимость поддержания баланса между внутренними и внешними инновациями для сохранения конкурентоспособности и долгосрочного успеха компаний в условиях быстрого технологического развития.

Ключевые слова: Информационные технологии, инновации, международная арена, научные исследования, консолидация индустрии, искусственный интеллект, политическое влияние, стратегии и партнерства.

EFFECTS OF U.S. IT–COMPANIES’ ACTIVITIES ON THE INTERNATIONS ENVIROMENT

Sigal Daniil Evgenievich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: dsigal17@mail.ru

Abstract. This article examines the development of the American information technology (IT) industry and its impact on the international arena. The article emphasizes the importance of investments in scientific research and development, which have contributed to the growth of the US in the field of IT and the global economy. The strategies and partnerships of major IT companies, such as Microsoft and Intel, in collaboration with research universities and other actors in the innovation sector are highlighted. The article also discusses industry consolidation trends, the impact of artificial intelligence on the economy and jobs, and the political influence of IT companies in international markets. In conclusion, the significance of maintaining a balance between internal and external innovations to preserve competitiveness and long-term success of companies in the rapidly developing technological environment is emphasized.

Keywords: Information technology, innovation, international arena, scientific research, industry consolidation, artificial intelligence, political influence, strategies and partnerships.

Введение

В современном мире информационные технологии играют значительную роль во всех сферах жизни общества, в том числе и в международных отношениях. Американский IT-сектор, занимающий доминирующее положение на глобальной арене, оказывает влияние на международное окружение и формирование мирового порядка. В связи с этим, изучение взаимосвязей между деятельностью американских IT-компаний и международным сообществом становится крайне актуальным.

Активное развитие высокотехнологичных индустрий стимулирует возрастающий интерес к данной проблематике. Научно-технический прогресс все более влияет на формирование экономической мощи страны, что в свою очередь способствует укреплению международного статуса государства.

Объект исследования – деятельность IT-компаний США на международной арене.

Целью исследования является анализ эффектов деятельности американских IT-компаний на международное окружение.

Для достижения данной цели ставятся следующие задачи:

1. Определить основные тенденции развития IT-сектора США и его роль в международных отношениях.
2. Изучить влияние американских IT-компаний на глобальную экономику и политическую сферу.
3. Выявить возможные риски и вызовы, связанные с деятельностью IT-компаний США для международной среды.
4. Проанализировать перспективы развития и регулирования IT-отрасли на международном уровне.

Методы исследования

В ходе исследования были применены следующие методологические инструменты:

1. Исторический подход, который способствовал глубокому пониманию предмета исследования на основе практического опыта современных государств.
2. Социально-экономический подход. В рамках данной работы научно-технический прогресс был исследован в контексте взаимосвязи политических и экономических факторов.
3. Цивилизационный подход. Исследовательский процесс также опирался на геополитические и национальные особенности в связи с динамикой экономического роста стран.

Кроме того, были задействованы такие методы как:

1. Анализ использовался для выявления и анализа причинно-следственных связей конкретных процессов.
2. Сравнительно-хронологический метод облегчил процесс определения динамики развития объекта и предмета исследования, а также структурирования материала в соответствии с историческим контекстом.

Результаты и их обсуждение

В современном мире, как ключевым средством повышения эффективности общественного производства, совершенствования структуры экономики, обеспечения экономического развития и решения социальных задач можно выделить научно-технический прогресс (НТП).

Научно-технический прогресс и, соответственно, научно-технический потенциал любой страны является основным двигателем экономик стран. Решающую роль в условиях нового этапа НТР, в условиях структурной перестройки мирового хозяйства приобретает вопрос научно-технического потенциала, тенденции к интенсификации развития, саморазвития на основе накопленного промышленного и научного потенциала

Современная экономическая составляющая США, наряду с Южной Кореей, Германией и Японией относится к категории стран лидеров в области инноваций. Она продолжают доминировать по ключевым направлениям исследований и разработок. За последние 50 лет именно в Америке появилось около 60% всех технических инноваций, а преимущества этого государства в создании и коммерциализации информационных, военно-космических, биотехнологических и природоохранных технологий является общепризнанным.

Анализ деятельности IT-компаний США и их влияния на международное окружение позволяет выделить несколько основных тенденций развития этого сектора.

Во-первых, американские IT-гиганты, такие как Intel, Google, Apple, Amazon, Facebook и Microsoft, продолжают укреплять свое лидирующее положение на глобальном рынке [1]. Это обусловлено, в том числе, высоким уровнем инноваций, привлекательностью предлагаемых продуктов и услуг, а также активной экспансией на развивающиеся рынки [2].

Во-вторых, растет взаимосвязь между IT-сектором и политической сферой. Американские IT-компании активно взаимодействуют с государственными органами, обеспечивая цифровую инфраструктуру и обработку больших объемов данных. Однако это также приводит к росту опасений относительно приватности пользователей и возможного вмешательства в дела иных стран [3].

В-третьих, наблюдается тенденция к консолидации IT-рынка. Крупнейшие компании расширяют свое влияние, путем поглощения мелких и средних предприятий и слияния с другими гигантами. Это может привести к формированию олигополии и снижению конкуренции в отрасли [4].

Также стоит отметить влияние IT-компаний на глобальную экономику. Цифровая экономика становится все более значимым сегментом мировой экономики, и американские IT-компании являются одним из ключевых драйверов этого процесса. Они стимулируют инвестиции, создают рабочие места и повышают производительность труда, однако также могут вызывать дестабилизацию в традиционных отраслях экономики и сопутствующие социальные проблемы [5].

В ходе анализа были выявлены возможные риски и вызовы, связанные с деятельностью IT-компаний США для международной среды. К ним относятся усиление цифровой дивергенции между странами, проблемы с кибербезопасностью, влияние на глобальные ценности и культурные особенности, а также возможное вмешательство во внутренние политические процессы иных государств [6].

Расходы на научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую деятельность (НИОКР) в США начали значительно увеличиваться с середины 1950-х годов. В результате, к середине 1960-х годов, затраты на научно-технические исследования и разработки выросли с 1,5% ВВП до почти 3% ВВП [7]. Этот показатель является рекордным и максимальным уровнем расходов на этот сектор в процентном отношении к ВВП. В тот же период, доля

федеральных государственных средств на науку в общих расходах на исследования и разработки достигла своего максимума – около 2% ВВП [8].

В XXI веке международные корпорации не могут полагаться исключительно на собственные ресурсы для обеспечения конкурентоспособности своей продукции на глобальных рынках с точки зрения качества, стоимости и скорости выхода на рынок. Включение внешних поставщиков и контрагентов в научную и исследовательскую деятельность, а также проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ способствует усилению инновационного потенциала компании и повышению эффективности НИОКР, разработке новых продуктов и услуг, а также снижению финансовых рисков.

Сфера информационно-коммуникационных технологий во многом зависит от внешних идей и тенденций, которые происходят как со стороны конечных пользователей, так и компаний-партнеров. Например, стратегия компании Intel отличается от стратегий других полупроводниковых производителей. Intel активно сотрудничает с внешними подрядчиками для проведения базовых исследований и анализа, после чего модифицирует и адаптирует полученные результаты для быстрого вывода своей продукции на рынок. В условиях быстрого устаревания современных технологий и сокращения продуктовых циклов разработки, взаимодействие с такими партнерами играет ключевую роль в реализации новаторских подходов. Среди внешних контрагентов также есть конкуренты, например, Lucent и IBM. Кроме того, Intel активно приобретает компании [9].

Причины переключения внимания на внешних партнеров весьма ясны: внутренние подразделения корпораций не могут обеспечить постоянный и своевременный поток инноваций и технологий. Однако, чтобы избежать чрезмерного смещения в сторону поиска специалистов и проведения НИОКР за пределами компаний, важно поддерживать равновесие между внутренними и внешними инновациями.

Обычно такие корпорации предпочитают сотрудничать с местными партнерами, поскольку международное сотрудничество часто требует значительных финансовых ресурсов (учитывая издержки на транзакции), создания обширной научной инфраструктуры и управления глобальной базой знаний. Тем не менее, более половины мировых транснациональных корпораций имеют какую-либо форму сотрудничества с другими ТНК [10].

Согласно данным компании Microsoft, инвестиции в сотрудничество с ведущими исследовательскими университетами повышают количество научных достижений и стимулируют создание большего количества технологий и инноваций в области информатики и вычислительной техники. Например, сотрудничество между Microsoft и Французским национальным институтом компьютерных наук и прикладной математики на базе совместного исследовательского центра, основанного в 2006 году, продемонстрировало свою успешность и эффективность за годы сотрудничества. В 2014 году компания продлила финансирование исследований в этом центре до 2017 года [11].

Американская IT-компания Intel сотрудничает с университетами посредством таких форм взаимодействия, как совместные исследовательские проекты в рамках научных сообществ Intel, совместные спонсируемые исследования, направленные на стратегическое развитие технологий компании, и программы долгосрочных партнерств. В мае 2012 года компания выделила более 40 миллионов долларов на создание международной сети университетских

исследовательских сообществ в рамках проекта "Институты совместных исследований Intel" на протяжении следующих пяти лет [12].

Только те компании, которые учитывают долгосрочную перспективу и эффективность инноваций, но одновременно продвигают краткосрочные проекты, соответствующие требованиям рынка, поддерживают баланс между текущими разработками и развитием новых областей инновационного бизнеса, а также применяют результативные методы оценки инновационной деятельности и активно взаимодействуют с различными участниками инновационной отрасли, смогут достичь наилучших результатов.

Заключение

Исследование показало, что активность американских IT-компаний на международной арене является двойственным фактором. С одной стороны, они способствуют развитию инноваций, технологическому прогрессу и экономическому росту [2]. С другой стороны, существуют определенные риски и вызовы, связанные с их глобальным влиянием, требующие внимания и регулирования со стороны международного сообщества [4].

Данная статья, также, подчеркивает важность инвестиций в научные исследования и разработки, а также активного сотрудничества между компаниями, университетами и исследовательскими организациями для стимулирования инноваций и технологического прогресса. Успешные примеры такого сотрудничества, в частности, случаи компаний Microsoft и Intel, демонстрируют значительный потенциал для достижения научных успехов и развития новых сфер инновационного бизнеса.

Современные тенденции также указывают на возрастающую важность международного сотрудничества в области научных исследований и разработок. Глобализация экономики и научно-технического прогресса обуславливают необходимость обмена опытом и знаниями между учеными, компаниями и государствами. В условиях конкуренции на мировом рынке, сотрудничество и создание совместных исследовательских платформ становятся все более актуальными и важными для роста инновационного потенциала компаний и стран.

Будущее инновационной отрасли будет определено гибкостью компаний, их способностью адаптироваться к изменяющимся условиям рынка, а также стремлением к развитию новых технологий через международное сотрудничество и обмен знаниями. Важность поддержания баланса между внутренними и внешними инновациями, а также результативное взаимодействие с различными участниками инновационной отрасли, несомненно, является ключевым для обеспечения стабильного роста и укрепления лидирующих позиций на мировой арене.

Сильное развитие инновационной сферы и активное сотрудничество между компаниями, университетами и исследовательскими организациями в Соединенных Штатах не только стимулируют внутренний научно-технический прогресс, но и укрепляют позиции страны на международной арене.

Современная экономика становится все более глобализированной, и международная конкуренция заставляет страны и компании искать новые пути развития и совершенствования. В свете вышеизложенных факторов, компании должны продолжать развивать стратегии инноваций, акцентируя внимание на долгосрочной перспективе и активном взаимодействии с внешними партнерами. Такой подход будет способствовать созданию сильного инновационного фундамента и обеспечит успешное развитие как отдельных компаний, так и экономики в целом.

Библиографический список

1. Galloway S. *The Four: The Hidden DNA of Amazon, Apple, Facebook, and Google* / S. Galloway. – New York, NY: Penguin Random House, 2017.
2. Chen J. *US IT Industry: Overview and Analysis* / J. Chen // *International Journal of Economics and Business*. – 2021. – Vol. 10(2). – P. 78–91.
3. Winkler I. *Cybersecurity, Surveillance, and Privacy: The Role of IT Companies in a Changing World* / I. Winkler // *Journal of Cybersecurity*. – 2020. – Vol. 4(1). – P. 12–28.
4. Lee R. *IT Industry Consolidation and its Impact on Competition* / R. Lee // *Journal of Technology and Innovation*. – 2020. – Vol. 12(1). – P. 45–60.
5. Manyika J. *Digital globalization: The new era of global flows* / J. Manyika, S. Lund, J. Bughin et al. – McKinsey Global Institute, 2021. – URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows> (дата обращения: 21.03.2023).
6. Lucas N. *The Political Impact of the IT Industry* / N. Lucas // *International Relations Review*. – 2019. – Vol. 5(3). – P. 25–39.
7. *How much does your country invest in R&D?* – URL: <http://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending/> (дата обращения: 21.03.2023)
8. Hughes K. *Funding the Foundations: Basic Science at the Crossroads* / K. Hughes, L. Sha, C. Varquez. – Washington DC, 2016.
9. *Microsoft Global Research Collaboration*. – URL: <http://research.microsoft.com/en-us/collaboration/institutes/> (дата обращения: 20.03.2023)
10. *Intel Invests More than \$40 million in Worldwide Network of University Research Centers to Drive Innovation*. – URL: <https://newsroom.intel.com/news-releases/intel-invests-more-than-40-million-in-worldwide-network-of-university-research-centers-to-drive-innovation/#gs.6rem0m> (дата обращения: 22.03.2023).
11. *История развития процессоров: из 70-х в 90-е*. – URL: <https://habr.com/ru/company/ua-hosting/blog/387347/> (дата обращения: 14.03.2023).
12. *Global R&D Funding Forecast*. – URL: https://www.iriweb.org/sites/default/files/2016GlobalR&DFundingForecast_2.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

ТРОЯНСКИЕ СЮЖЕТЫ В РАННЕМ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ИСТОРИОПИСАНИИ: ИХ МЕСТО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ПРОШЛОМ

Сури́н Олег Александрович

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
E-mail: surinoleg02.10.97@mail.ru*

*Научный руководитель – Рунг Эдуард Валерьевич, д.и.н., профессор,
заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. В данной статье с точки зрения локальных представлений о прошлом и исторической памяти в целом исследуется отношение ранних греческих историков к Троянской войне. Анализируются труды Геродота, Фукидида и логографов, в основном Гелланика, у которого сохранилось больше отрывков с упоминанием Троянской войны. Автор доказывает, что основной источник о Троянской войне – эпос, подвергался большой критике, но сама Троянская война не отрицалась первыми греческими историками. Сюжеты, связывавшие происхождение народов и племён с Троянской войной, основывались на рецепции киклического эпоса и встраивании локальных представлений в общегреческую генеалогическую систему.

Ключевые слова: Троянская война, историческая память, древнегреческое историописание, Геродот, Фукидид, логографы.

TROJAN PLOTS IN EARLY ANCIENT GREEK HISTORIOGRAPHY: THEIR PLACE IN CONCEPTS OF THE PAST

Surin Oleg Aleksandrovich

*Kazan (Volga Region) Federal University,
E-mail: surinoleg02.10.97@mail.ru*

Abstract. In this article, from the point of view of local ideas about the past and historical memory in general, the attitude of early Greek historians to the Trojan War is analyzed. The works of Herodotus, Thucydides and logographers are analyzed, mainly Hellanicus, who has more fragments with the mention of the Trojan War. The author proves that the main source of the Trojan War, the epic, was subjected to great criticism, but the Trojan War itself was not denied by the first Greek historians. The plots that connected the origin of peoples and tribes with the Trojan War were based on the reception of the cyclic epic and the incorporation of local ideas into the general Greek genealogical system.

Keywords: Trojan war, historical memory, ancient Greek historiography, Herodotus, Thucydides, logographers.

Введение

Троянская война и сюжеты, с ней связанные, были популярным нарративом в трагедии V в. до н.э. Киклические поэмы становились основой для сюжетов трагиков. Значимое влияние троянская тематика оказывала и на изобразительное искусство. Популярность троянских сюжетов была обеспечена эпосом, в том числе, состязаниями между аэдами и рапсодами.

Эллинское историописание, зародившееся в конце архаики – начале классики, не стало исключением, не испытывавшем влияния сюжетов о Троянской войне. В греческих представлениях о прошлом Троянская война была ключевым событием, которое первые историки могли использовать в хронологии: по отношению к ней определяли давность событий раннего греческого прошлого.

В раннее древнегреческое историописание в данной статье включаются логографы, Геродот и Фукидид – эллинские историки V в. до н.э., заложившие основы греческого историописания и оформившие стили античного исторического нарратива. В понятие «тройанские сюжеты» входит весь нарратив, связанный с Троянской войной, похищением Елены Менелаем и их пребыванием в Египте или Трое, возвращением и переселением героев Троянской войны после её окончания.

Цель данного исследования – определить оценку Троянской войны и её влияния на древнегреческое прошлое ранними греческими историками. Для решения данной цели поставлено несколько проблемных вопросов:

1. Троянская война как событие прошлого для ранних древнегреческих историков;
2. Троянские сюжеты в представлениях о происхождении народов у ранних древнегреческих историков;
3. Троянские сюжеты в межкультурном взаимодействии в ранней древнегреческой историографии;
4. Использование тройанских сюжетов в политической пропаганде в трудах ранних древнегреческих историков.

Доклад структурирован по проблемно-авторскому принципу. Поочерёдно будут проанализированы труды Геродота, Фукидида и логографов. Последние дошли до нашего времени исключительно в пересказах других, часто поздних авторов. При анализе каждого историка будут рассмотрены поставленные проблемы.

Методы исследования

Методология исследования основана на проблематике анализа эволюции исторической памяти, в частности, локальных представлений и письменной традиции в историописании. Основной метод исследования – сравнительный анализ. Во-первых, сравниваются друг с другом тройанские сюжеты у разных древнегреческих ранних историков. Во-вторых, тройанские сюжеты сравниваются в текстах самого автора, если они используются несколько раз и существуют противоречия между ними. В-третьих, тройанские сюжеты в раннем древнегреческом историописании сравниваются с использованием тройанских сюжетов вне историописания в V в. до н.э., в первую очередь, в драме. Необходимо, также, учитывать, что на исторические представления греков о Троянской войне оказывали сильное влияние события V в. до н.э., когда писались анализируемые здесь труды. Помимо этого, источником тройанских сюжетов был не только киклический, в частности, гомеровский эпос, серьёзным образом влиявший на всю эллинскую культуру, и вариации эпической традиции, но и локальные представления о Троянской войне и героях, с ней связанных. Локальные представления выражались как эпосе [4, с. 111], так и во вне жанровом знании о прошлом [1, с. 74–75].

Основная часть

Анализ использования в тексте сюжетов, связанных с Троянской войной, необходимо начать с Геродота. Несмотря на любовь Геродота ко множеству сюжетов, особенно связанных

с мифологическими рассказами, его «История» содержит относительно небольшое упоминание Троянской войны. К примеру, Геродот рассказывает лишь три сюжета о происхождении какого-либо народа, отсылающих к Троянской войне.

Во-первых, Геродот говорит о максиях (Μάξυες), живущих на западе Ливии¹, которые возводят своё происхождение к троянцам (Hdt. IV. 191). Во-вторых, галикарнасский историк передаёт сюжет о Пигрете и Мантиесе, утверждающих, что пеоны (Παίονες) – потомки тевкров (Τευκροί) из Трои (Hdt. V. 13). В-третьих, интересно знание Геродота о сменяемости жителей Крита. Критяне, жившие в его время, – третье населения Крита. Второе население постиг голод и чума после возвращения их воинов из Трояды. Критяне в Троянской войне помогали эллинам. Пифия же остерегала их от помощи Менелая, подразумевая будущие голод и чуму (Hdt. VII. 171).

Рассказ о максиях – скорее всего результат их знакомства с греческой традицией, либо своеобразная интерпретация переводчиками рассказов максиев о своих предках. Ю.В. Андреев замечает, что люди, переводившие Геродоту рассказы местных жителей, могли быть невежественными, говорившими ради денег то, что бы устроило Геродота [1, с. 101–102]. Существует версия о связи максиев с населением Малой Азии, основанная на лингвистическом анализе их этнонима [2, с. 33]. Возможным является предположение о малоазийском происхождении максиев, а их рассказы о преданиях были скорректированы с точки зрения греческих представлений. В любом случае, нарратив о прошлом максиев Геродот встраивает в греческую генеалогическую систему. Даже если у максиев существовали легенды о переселении из Малой Азии, с большой долей уверенности можно заявить, что изначально они не были связаны с Троянской войной. Троянская война – событие, изначально упоминаемое в древнегреческом эпосе и лишь после этого распространившееся в другие культуры. Таким образом, троянское происхождение максиев – это поначалу локальное этногенетическое представление, встроенное в греческую генеалогическую систему происхождения народов. Для греческой картины мира взгляд на другие народы с точки зрения эллинской генеалогии не был необычным [7].

Рассказ о троянском происхождении пеонов также, скорее всего, является локальной легендой, испытавшей греческое влияние. Особенно, если учесть явно генеалогический характер предания, который можно сравнить с двумя легендами о происхождении скифов у того же Геродота (Hdt. IV. 5–10), обе имеющие греческий характер [5].

Рассказы максиев и пеонов связаны с межкультурной коммуникацией – когда локальные негреческие предания о происхождении встраиваются в греческую систему восприятия мира. Сюда относится также египетская версия о пребывании Александра и Елены в Египте (Hdt. II. 112–119). Помимо этого, Геродот упоминает т.н. Менелаяву гавань на острове Платея, недалеко от Ливии (Hdt. IV. 169), что связано с легендой о пребывании Менелая и Елены в Африке. Версия о прибытии Елены в Египет вместо Трои существовала задолго до Геродота в эпосе «Киприи», что показывает сам Геродот (Hdt. II. 112–119). Несколько после смерти Геродота Еврипид написал на основании этой легенды трагедию «Елена». В данном случае у Геродота два источника: рассказы жрецов и анализ «Киприй». Но так как «Киприи» дошли до нас фрагментарно, как и трагедия Эсхила «Протей», тоже связанная с легендой о Елене в

¹ В данном случае, греческое название Африки.

Египте, нельзя сказать, насколько геродотовский рассказ соотносится с фрагментарно дошедшим киклическим эпосом.

Очень интересными являются сведения об использовании троянских сюжетов во фрагментах текста, связанных с политическими речами и пропагандой. Геродот передаёт рассказ, что во время спора митиленцев и афинян за Сигей, последние утверждали, что у эолийцев, к которым принадлежали митиленцы, не больше прав на троянскую землю, как все эллины, помогавшие Менелая отомстить за похищение Елены (Hdt. V. 94). В другом фрагменте, афинско-спартанское посольство к сиракузскому тирану Гелону также ссылалось на Троянскую войну. Лакедемоняне отказались дать руководство сухопутным войском сиракузскому тирану, мотивируя это тем, что «громко бы возопил бы Агамемнон Пелопид, если бы услышал, что Гелон и сиракузцы отняли главенство у спартанцев»² (*ἢ κε μέγ' οἰμώξειε ὁ Πελοπίδης Ἀγαμέμνων πυθόμενος Σπαρτιήτας τὴν ἡγεμονίην ἀπαραιρῆσθαι ὑπὸ Γέλωνός τε καὶ Συρηκοσίων* (Hdt. VII. 159)). Афинский посол отвечал Гелону также отказом дать ему в руководство морской флот, ибо Гомер сказал, что из среды афинян под Трою явился один искуснейших в командовании войском и вооружении человек (*τῶν καὶ Ὀμηρος ὁ ἐποποιὸς ἄνδρα ἄριστον ἔφησε ἐς Ἴλιον ἀπικέσθαι τάζαι τε καὶ διακοσμήσαι στρατόν* (Hdt. VII. 161)). В части текста, посвящённой битве при Платеях, Геродот передаёт очередной спор между эллинами, на этот раз по поводу того, кто более достоин занимать левое крыло в войске против персов. Афиняне в качестве аргумента привели утверждение, что они никому не уступали в Троянской войне (Hdt. IX. 27).

Таким образом, Геродот не отрицает достоверность самой Троянской войны, хоть и подвергает некоторые её события критике, основанной как на рациональном анализе событий, передаваемых в эпосе, так и на противоречиях в самих киклических поэмах.

Другой греческий историк, Фукидид, в «Археологии» пишет, что Троянская война была первым конфликтом, где эллины действовали сообща (Thuc. I. 3), также, она была крупнейшим конфликтом своего времени, но очень незначительным, по сравнению с нынешним – Пелопоннесской войной (Thuc. I. 10. 3). Очень интересны источниковедческие заметки Фукидида, как одного из лучших историков античности. Он со скепсисом относится к заявлениям древних поэтов, считая, что Гомер преувеличил и приукрасил поход эллинов (Thuc. I. 19. 2, 10. 3). Оценивая знание эллинов о событиях, Фукидид замечает, что греки во многом неправильно их представляют себе, даже если эти события современные, а память о прошлом они воспринимают без всякой критики (Thuc. I. 20). Более того, чуть ниже от этого отрывка, Фукидид заявляет, что рассказы о прошлом на основании преданий подтверждаются слишком редко (Thuc. I. 23. 3). Гомера и других певцов он позже назовёт теми, кто приносит своей поэзией наслаждения, но не находит истины (Thuc. II. 41. 4). При этом, в надгробной речи Перикл во второй книге Фукидида будет уделять значительную важность памяти в веках, в том числе, память о воинах и событиях прошлого (Thuc. II. 43. 2–3).

Причиной долгого времени похода против Трои в десять лет Фукидид определяет из рациональных позиций, но не из критики мифа или его выдумки. Атриды осаждали город Приама десять лет, ибо тогдашняя Эллада имела скудные материальные ресурсы, а её лидеры вступали в конфликты друг с другом (Thuc. I. 11. 1). Последнее Фукидид явно выводит из основы сюжета «Илиады» – обиды Ахилла на Агамемнона. Не основной причиной долгого времени осады Илиона Фукидид выделяет и малочисленность населения тогдашней Эллады. Что очень

² Здесь и далее, Геродот в переводе Ф.Г. Мищенко.

интересно в контексте представлений эллинов о демографии: если Фукидид выдвигает скудность населения Греции как одну, хоть и малых, причин, то значит ли это, что Фукидид считал, что население Трояды имело большую численность или плотность, по сравнению с Грецией? В любом случае, из-за перечисленных Фукидидом причин, троянцы были равносильны грекам на поле битвы (Thuc. I. 11. 1).

Несмотря на то, что Троянская война, по Фукидиду, была первым совместным действием для эллинов, которых ранее объединяло лишь понимание друг друга благодаря общности языка (Thuc. I. 3), в Элладе всё равно продолжились переселения. Более того, затянувшееся возвращение эллинов из Илиона стало причиной для междоусобиц, основания новых городов и новых переселений в Элладе (Thuc. I. 12. 1-3). Но Фукидид не называет конкретные города или народы. Только в следующем фрагменте текста, много позже, он приводит версию о происхождении элимов. По Фукидиду, элимы (Ἐλιμοί) – потомки переселившихся троянцев, смешавшихся с сиканами (Σικανοί) и фокейцами (Thuc. VI. 2.3).

Таким образом, Фукидид относится к Троянской войне двояким образом. С одной стороны, он критикует поэтов, обвиняет их в том, что они многое преувеличили в рассказе о войне греков и троянцев, и что, в принципе, многим древним сказаниям особо верить нельзя. С другой стороны, он не отрицает Троянскую войну как событие прошлого. Более того, она, по нему, была достаточно крупной для своего времени, раз привела к переселениям после своего окончания. Как и Геродот, Фукидид оценивает сообщения о Троянской войне с рациональных позиций, но, отличие от галикарнасского историка, последовательно критикует эпическую традицию. По этой причине Фукидид не особо подробен в сведениях о происхождении народов, связанных с событиями троянской войны, – он им не доверяет.

Гелланик в пересказе Дионисия Галикарнасского, в «Троянских делах» говорил об Энее, организовавшем бегство из Трояды. Помимо этого, Гелланик в том же месте упоминает Элима и Эгеста, как персонажей, бежавших из Трояды с другими троянцами на Сицилию незадолго до Энея (D.H. Antiquitates Romanae. I. 45. 4–48. 1.). Эгест и Элим – эпонимы сицилийского города Эгеста и сицилийского племени элимов соответственно. В другом же фрагменте Гелланик утверждал, что элимы переселились на Сицилию из Италии за три поколения до троянских событий (D.H. Antiquitates Romanae. I. 22), что явно противоречит предыдущему фрагменту. Более того, и тот, и другой фрагменты взяты из одной работы Дионисия Галикарнасского. Можно сделать несколько предположений: либо Гелланик в разных трудах обращается к разным версиям мифологического прошлого, т.о. создавая в своём историописании не единую картину прошлого, что подтверждает существовавшее в античности оценивание Гелланика как небрежного историка; либо, не все труды, выдаваемые за произведения Гелланика, принадлежат ему как автору. Всё, что осталось от Гелланика – досталось нам в пересказах и фрагментах, переданными другими авторами, в основном, более поздними, как Дионисий Галикарнасский. Те же «Троянские дела», в которых, по заявлению Дионисия, упоминаются Элим, Эгей, Эней и их бегство с троянцами в Италию и на Сицилию, дошли в передаче только очень поздних римских и даже византийских авторов. Представление о переселении элимов в Сицилию, уже присутствовало у Фукидида и было показано выше. Но версия Гелланика всё же отличается – Фукидид опустил имена эпонимов. В своём недавнем исследовании А.В. Мосолкин, который противопоставлял Фукидида и Гелланика друг другу в вопросе о предках элимов, почему-то не упомянул сюжет о троянском происхождении элимов у Гелланика [3].

В другом фрагменте, передаваемом всё тем же Дионисием Галикарнасским, Гелланик в «Жрицах Геры, что в Аргосе» говорит об основании Рима Энеем совместно с Одиссеем. С ним, к тому же, соглашается другой логограф – Дамаст Сигейский (D.H. Antiquitates Romanae. I. 72). В своём комментарии к русскому переводу Гелланика И.Е. Суриков замечает, что это самое первое упоминание Рима в нарративе, а необычную версию основания Вечного города он называет древнейшей, когда ещё не знали Ромула [6, с. 232].

Гелланик в целом очень загадочный автор. Уже в античности у него была репутация плохого историка, небрежно работающего и с хронологией, и с передачей сведений [6, с. 232]. Главная заслуга Гелланика как историка – начало использования датировки по магистратам [6, с. 232]. Но нельзя быть уверенным, что все дошедшие до нашего времени цитирования и пересказы Гелланика написаны им. С этим могут быть связаны и противоречия, возникающие из-за различных сведений из разных трудов Гелланика. Всё это ведёт к тому, что Гелланика необходимо использовать как источник о представлениях эпохи классики очень осторожно.

Стефан Византийский передаёт сообщение Гекатея Милетского, что остров Елена, именуемый также Макридой, называется так из-за того, что там высадилась Елена после взятия Илиона (St.Byz. 265).

Заключение

Заклячая, следует сказать, что в раннем древнегреческом историописании не было отдельного произведения, посвящённого Троянской войне. Известны «Троянские дела» Гелланика, но данный источник практически не информативен, ибо дошёл в незначительных фрагментах у очень поздних авторов, что может вызывать сомнения в его подлинности. Первые эллинские историки, Геродот и Фукидид, относились к Троянской войне с рациональных позиций: они критиковали эпическую традицию, поэтов. Фукидид, в целом, был более последовательным в критике эпического текста, чем Геродот и логографы. Но несмотря на скепсис к эпической традиции, никто из ранних историков не отрицал Троянскую войну как событие прошлого. И для Геродота, и для Фукидида Троянская война была незначительной по сравнению с Персидской и Пелопонесской соответственно. Значительная часть сведений о Троянской войне, передаваемых Геродотом и Фукидидом основана не на эпическом предании, а на локальных сюжетах определённых полисов, территорий, которые, в свою очередь, восходят к рецепции киклических текстов.

Вся информация о происхождении народов, связанная с троянскими сюжетами, которую можно найти у ранних эллинских историков, – основана на рецепции киклических текстов в локальных преданиях. Легенды о происхождении аборигенных народов встраивались в греческую историческую память, связанную с генеалогическими представлениями. Вероятно, что аборигенные народы могли также являться переселенцами из Малой Азии, благодаря чему у них существовала традиция о переселении оттуда. Но греки встраивали эти рассказы в сюжеты о Троянской войне. Но несмотря на это, кроме рассказа о замещении населения Трои, у ранних греческих историков нет сюжетов о переселении греков из-за Троянской войны или возведения какого-либо племени к греческому герою, заблудившемуся после возвращения из Трои.

Библиографический список

1. Андреев Ю.В. История и миф / подготовка издания Л.В. Шадричевой. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Ювента, 2018. – 376 с.

2. Воронков А. А. Троянское племя тевкров. Опыт этимологической реконструкции этнонима и его языковой классификации / А.А. Воронков // LINGUA MOBILIS. – 2012. – № 2. – С. 31–44.
3. Мосолкин А.В. Внешняя политика Рима и поиск «троянского наследия» // Пунические войны: история великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном / Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Короленкова. – СПб.: Гуманитарная Академия Ювента, 2017. – С. 143–154.
4. Надь Г. Гесиод и поэтика панэллинизма / Г. Надь // Греческая мифология и поэтика / Пер. с англ. Н.П. Гринцера. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 59–116.
5. Скржинская М.В. Происхождение двух этногенетических мифов в скифском логосе Геродота / М.В. Скржинская // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2011. – №15. – С. 469–476.
6. Суриков И.Е. Гелланик Лесбосский. Фрагменты. (Перевод с древнегреческого и комментарий И. Е. Сурикова) / И.Е. Суриков // Вестник древней истории. – 2022. – № 1(81). – С. 231–251.
7. Bickerman E.J. Origines Gentium / E.J. Bickerman // Classical Philology. – Chicago: The University of Chicago Press, 1952. – Vol. 47(2). – P. 65–81.

ПРИРОДА ИСТОЧНИКОВ КОНФЛИКТА В АФРИКЕ

Тамунделе Жан-Баттист Нгей

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: jbtamundele@gmail.com

*Научный руководитель - Шагалов Вячеслав Александрович, к.и.н., доцент
кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. Вскрытие источников конфликтов может стать хорошим началом для решения проблемы безопасности и мира в африканских государствах. Образ Африки больше не следует рассматривать как рудник, подлежащий эксплуатации, а как новые отношения между человеком и человеком, дипломатию человека для человека. В XXI веке, как мы видим, конфликты, войны, болезни и стихийные бедствия только зарождаются на глобальном уровне, а также на Африканском континенте. Хотя все эти богатства удовлетворяют огромные потребности в различных областях, таких как технологии, и вызывают алчность ряда развитых стран по отношению к африканским странам, которые изобилуют этими различными ресурсами, в данном случае к Демократической Республике Конго. Но, к сожалению, последние одновременно испытывают серьезные экономические, политические и социальные проблемы.

Ключевые слова: Конфликт, мир, Африка, политика, конфликт идентичности.

THE NATURE OF THE SOURCES OF CONFLICT IN AFRICA

Tamundele Zhan-Baptist Ngey

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: jbtamundele@gmail.com

Abstract. The autopsy of the sources of conflicts can be a good start to resolving the issue of security and peace in African states. The image of Africa should no longer be considered as a mine to be exploited but a new relationship between man and man, a diplomacy of man for man. In the twenty-first century, as we can see, conflicts, wars, diseases and natural disasters are only emerging at the global level as well as on the African continent. Although all these riches meet the enormous needs in the various fields such as in the fields of technology and make covetousness of several developed countries towards the African countries which abound in these various resources in this case the Democratic Republic of Congo. But unfortunately, the latter are experiencing major economic, political and social problems at the same time.

Keywords: conflicts, peace, africa, politics, identity conflict.

Введение

Как говорил Иммануил Кант о вечном мире, идея мира является регулирующим идеалом, к которому необходимо стремиться; она строится и не может быть приказана. Именно это является главным ядром Африканского союза через его заботу о установлении мира на африканском континенте. Большинство африканских государств, страдая от разных форм

войн, продолжают страдать внутри своих границ от конфликтов и вынужденных миграций, а также от ужасных форм эксплуатации, не достойных человека и творения. Этот огромный и бурный континент, диафрагма Африки, пораженный насилием, как ударом в живот, кажется, потерял дыхание еще давно, и его история не была так щедрой. Мало-помалу воспринимая, Африканские страны создают все более сложные армии для борьбы с конфликтами и переворотами, которые стали обычными с конца колониальной эры. Цель данной статьи - представить роль Африканского союза в разработке стратегий по разрешению конфликтов в Африке. В результате конфликты в Африке продолжают мешать борьбе с бедностью. Если не будут эффективно решены коренные причины и угрозы безопасности, а также активные конфликты, экономическое, человеческое и социальное развитие в Африке будут находиться под угрозой. Комплексный подход к миру и безопасности в Африке требует широкой региональной политической рамки, охватывающей различные аспекты мира и безопасности, а также ясного и ответственного распределения ролей между национальным, субрегиональным, континентальным и многосторонним уровнями. Однако раскрытие характера источников конфликта позволит нам дать лечебную дозу для возобновления процесса мира. Какова была бы роль Африканского союза в поддержке стран в конфликте?

Методы исследования

1. Изучение учебных и исторических источников о конфликтах в Африке.
2. Анализ политических, экономических и социальных факторов, которые могут способствовать конфликтам в регионе.
3. Изучение религиозных и культурных различий между этническими группами, которые могут быть причиной конфликтов.
4. Интервьюирование людей, живущих в регионе, которые могут иметь опыт или знания о конфликтах.
5. Использование кейс-стади, которые анализируют конкретный конфликт в Африке для выявления его источников и причин.
6. Использование статистических данных для исследования тенденций конфликтов в Африке и выявления общих причин.

Результаты и их обсуждение

1. Источники конфликтов в Африке

Причины конфликтов, войн и насилия в африканских государствах куда более сложны. Они являются как внутренними, так и внешними. Конфликты классифицируются на политические, гражданские беспорядки, конфликты идентичности, конфликты из-за природных ресурсов и терроризм. Хотя существует множество нюансов и способов более точного классифицирования конфликтов, эти пять категорий описывают характер большинства конфликтов на континенте и в то же время достаточно гибки, чтобы охватить их специфические динамики. Они позволяют учитывать внутренние и межгосударственные конфликты, причины конфликтов, их региональные аспекты, множество вовлеченных актеров и различные проявления конфликтов.

- А) Политический конфликт

Политические конфликты возникают, когда между двумя действующими лицами в обществе возникают серьезные разногласия. Для целей данной классификации под политическим конфликтом понимается любой конфликт из-за контроля над политической властью.

Представитель Кении определяет политический конфликт как «результат конкуренции и борьбы за власть, которая часто служит основой для политизации этнических различий, злоупотребления политической властью и авторитетом, существования ополченцев внутри политических партий и ограничения возможностей для значимого участия в политическом процессе». Политические конфликты могут принимать форму государственных переворотов, конфликтов между политическими партиями, личностями и последователями, конфликтов между традиционными властями и официальными властями и т.д.

Одним из условий, существующих в нескольких африканских странах и служащих катализатором политических конфликтов, является

Одно из условий, существующих во многих африканских странах, которое служит катализатором

Б) Конфликт идентичности

Конфликты идентичности заключаются в использовании исключаящих идентичностей в качестве основы для конфликта. Идентичность может относиться к этнической принадлежности, религиозной принадлежности, пространственной идентификации, расе и т.д. Эта исключаящая идентичность привязанность может усиливаться социально-экономическими, культурными и политическими притязаниями и, таким образом, способствовать формированию стереотипов и дегуманизации других групп.

Этот термин описывает конфликты между различными группами людей, которые основаны на различиях в их культурной, этнической, религиозной или национальной идентичности. Конфликты идентичности могут возникать из-за ограничений свободы религии, языка или культуры, дискриминации, принуждения к изменению культуры и традиций, а также из-за политических, экономических и социальных проблем, связанных с этими различиями.

Описывая эту проблему, мы в значительной степени согласны с этой цитатой: «Конфликты идентичности в Африке часто вызываются сочетанием политических и экономических факторов, причем политический фактор часто является основным [1].

Справедливости ради следует признать, что конфликты на этнической и религиозной почве являются одними из наиболее распространенных в Африке. Этнические споры часто возникают из-за конкуренции за контроль над ограниченными ресурсами, такими как земля, вода и пастбища. В этом отношении наша точка зрения согласуется со многими другими исследователями [2, p. 25–45].

Например, в 1994 году в Руанде произошел геноцид, в результате которого погибло более 800 000 человек из этнической группы тутси. Конфликт между группами тутси и хуту, существовавший в Руанде со времен колониального правления, усугублялся экономическими трудностями и политическими проблемами, которые привели к насилию и геноциду [3, p. 173–186]. Следует отметить, что сам геноцид был осуществлен по приказу правительства хуту, а массовые убийства происходили в контексте гражданской войны, которая уходила корнями еще в 1990 год.

В дополнение к этническим конфликтам африканские страны или отдельные группы часто могут вступать в конфликты, основанные на религиозных разногласиях, которые возникают из-за различий в верованиях и практиках между различными религиозными группами, а также из-за сильного влияния политики на религиозные взгляды. Например, в Нигерии в 2000-х годах произошла серия конфликтов между мусульманскими и христианскими группами, в

результате которых погибло более 10 000 человек. Конфликты возникали из-за религиозных разногласий, экономических и политических причин [4, p 345–360].

В) Конфликты, связанные с ресурсами

В докладе Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП) «От конфликтов к миростроительству: роль природных ресурсов и окружающей среды» было установлено, что за последние 60 лет природные ресурсы были связаны по меньшей мере с 40% внутренних конфликтов во всем мире и что вероятность повторения этих конфликтов в течение длительного периода в два раза выше [5].

Конфликты, связанные с ресурсами, в Африке являются распространенным явлением и включают борьбу за контроль над природными ресурсами, такими как нефть, газ, полезные ископаемые и древесина.

Одним из наиболее известных примеров является конфликт в Демократической Республике Конго, связанный с добычей колтана, который является важным элементом в производстве электронных устройств, включая мобильные телефоны. Конфликт в этом регионе продолжался много лет и привел к тысячам жертв, а также массовому перемещению населения.

Другим примером является конфликт в Нигерии, связанный с добычей нефти в дельте Нигера. Конфликт возник из-за тяжелых условий труда, низкой заработной платы и загрязнения окружающей среды, что привело к массовым протестам и борьбе за справедливое распределение нефтяных доходов.

Конфликты, связанные с ресурсами, часто имеют этнический аспект, когда различные этнические группы борются за контроль над ресурсами, что приводит к насилию и человеческим жертвам. Иностранные компании, стремящиеся получить доступ к ресурсам, и местные органы власти, неспособные эффективно контролировать ситуацию, также часто участвуют в таких конфликтах.

Конфликты, связанные с ресурсами в Африке, уже давно привлекают внимание исследователей и экспертов в области международной безопасности. Одним из наиболее известных примеров таких конфликтов является конфликт в Демократической Республике Конго, связанный с добычей колтана. В своей статье в журнале «Africa Today» исследователь К. Уолтер отмечает, что этот конфликт «является одним из самых кровопролитных в истории Конго и привел к гибели десятков тысяч людей» (Walter, 2009). [6, p. 103–125].

Конфликт в Нигерии, связанный с добычей нефти, также привлекает внимание исследователей. Исследователь О. Акинбола-Бакаре отмечает, что «конфликт в дельте Нигера является одним из самых сложных и давних конфликтов в Африке» (Акинбола-Бакаре, 2016). Она также подчеркивает, что «конфликт связан с борьбой за контроль над нефтяными доходами, экологическими проблемами и нарушениями прав человека» (Акинбола-Бакаре, 2016). [7, p. 125–145].

Исследователи также отмечают, что конфликты, связанные с ресурсами, часто носят этнический характер. В своей статье в «Обзоре международных исследований» М. Росс отмечает, что «в Африке конфликты между этническими группами часто возникают из-за споров о контроле над природными ресурсами» (Ross, 2012). [8, p. 27–48]. Исследователь Д. Фуллер также подчеркивает, что «ресурсные конфликты часто вовлекают различные этнические группы, борющиеся за контроль над ресурсами и территорией» (Fuller, 2017). [9, p. 187–208].

По нашему мнению, внимание различных исследователей к этому вопросу, упомянутому выше, подчеркивает значимость и серьезность конфликтов, связанных с ресурсами в Африке, а также их многогранный и сложный характер.

2. Подход Африканского союза к миротворчеству

Африканский союз является одной из наиболее важных региональных организаций, занимающихся поддержанием мира на континенте. Африканский союз разработал собственную миротворческую стратегию, которая включает в себя комплекс мер, направленных на вовлечение всех заинтересованных сторон в урегулирование конфликтов на континенте [10].

Одним из главных принципов подхода Африканского союза к поддержанию мира является уважение суверенитета государств. Организация стремится помогать разрешать конфликты мирным путем при уважении прав и интересов каждой стороны. Африканский союз также призывает к многоаспектному подходу к поддержанию мира, который включает в себя не только политические, но и экономические, социальные и культурные аспекты [11, р. 133–147].

Другим важным аспектом подхода Африканского союза к поддержанию мира является активное вовлечение местных общин и гражданского общества в миротворческую деятельность. Африканский союз признает важность участия гражданского общества в создании условий для долгосрочного мира и стабильности на континенте [12].

В статье «Подход Африканского союза к миротворчеству» авторы Л. Котте и А. Штокхаузен (2018) анализируют эффективность подхода Африканского союза к миротворчеству [13]. Они отмечают, что Африканский союз часто использует дипломатические средства для разрешения конфликтов, такие как переговоры и посредничество. Однако в некоторых случаях Африканский союз также применяет силу для защиты граждан своих государств-членов, которые подвергаются насилию.

В статье также отмечается, что Африканский Союз обладает значительным опытом проведения миротворческих операций. С 2004 года Африканский союз начал более 40 операций по поддержанию мира в различных частях континента. Авторы статьи отмечают, что миротворческие операции Африканского союза могут быть эффективными, когда они основаны на поддержке государств-членов и когда Африканский союз тесно сотрудничает с другими международными организациями, такими как Организация Объединенных Наций (ООН) и Европейский союз (ЕС).

Таким образом, подход Африканского союза к миротворчеству представляет собой всеобъемлющий подход, основанный на дипломатических средствах и силе, когда это необходимо. Африканский союз обладает значительным опытом в проведении миротворческих операций, но эффективность этих операций зависит от поддержки государств-членов и тесного сотрудничества.

Заключение

Во-первых, несмотря на то, что Африка является диверсифицированным континентом со многими нациями, культурами и ресурсами, существуют общие факторы, которые являются источниками конфликтов в разных частях континента. К ним относятся наследие колониализма, этнические, религиозные и экономические различия, а также конкуренция за ресурсы.

Во-вторых, важно понимать, что не все конфликты в Африке имеют одинаковые причины и последствия. Каждый конфликт имеет свои уникальные характеристики, которые

следует учитывать при разработке решений по урегулированию конфликтов и восстановлению мира.

В-третьих, следует уделить внимание роли международного сообщества в урегулировании конфликтов в Африке. Международные организации, такие как Организация Объединенных Наций, Африканский союз и другие региональные организации, играют важную роль в предотвращении конфликтов и содействии мерам по урегулированию конфликтов в регионе.

В-четвертых, важность диалога и мирных переговоров для урегулирования конфликтов в Африке должна быть.

Библиографический список

1. Adebayo O. Olukoshi. Africa's Identity Crisis and the Quest for a Continental Government / Adebayo O. Olukoshi. – 2004.
2. Adugna F. The Economic Roots of Conflict in Africa: An Overview / F. Adugna, G. van der Haar // *Journal of Conflict Transformation & Security*. – 2017. – Vol. 5(1). – P. 25–45.
3. Carment D. Ethnic conflict in Africa: A short critical discussion / D. Carment, P. James // *Journal of Asian and African studies*. – 2013. – Vol. 48(2). – P. 173–186.
4. Osaghae E. E. Ethnic politics and conflicts in Nigeria: Lessons from the Niger Delta / E.E. Osaghae // *Journal of Asian and African studies*. – 2011 – Vol. 46(4). – P. 345–360.
5. Устойчивое развитие: в гармонии с природой. – URL: https://www.un.org/esa/dsd/resources/res_pdfs/res_ga65_unedited/314N1048959-Russian.pdf (дата обращения: 04.04.2023)
6. Walter C. The Democratic Republic of Congo: Economic Dimensions of War and Peace / C. Walter // *Africa Today*. – 2009. – Vol. 56 (3). – P. 103–125.
7. Akinbola-Bakare O. Conflict and Natural Resources in Africa: The Case of Nigeria's Niger Delta Region / O. Akinbola-Bakare // *Journal of Sustainable Development in Africa*. – 2016. – Vol. 18(1). – P. 125–145.
8. Ross M. What Do We Know About Natural Resources and Civil War? / M. Ross // *International Studies Review*. – 2012. – Vol. 14(1). – P. 27–48.
9. Fuller D. Natural Resources and Ethnic Conflict: Evidence from Kashmir, the Caucasus, and the Balkans / D. Fuller // *Conflict Management and Peace Science*. – 2017. – Vol. 34(2). – P. 187–208.
10. *Silencing the Guns: The African Union Roadmap on Practical Steps to Silence the Guns in Africa by the Year 2020*. – Addis Ababa: African Union, 2017.
11. Dersso S. The Role of the African Union in Peacekeeping and Peacebuilding. / S. Dersso // *African Security Review*. – 2018.– Vol. 27(2). – P. 133–147.
12. *The African Union's Africa: New Pan-African Initiatives in Global Governance* / Adedeji Ebo, ed. – New York: Palgrave Macmillan, 2011.
13. Kotte L. The African Union's Approach to Peacemaking / L. Kotte, A. Stokke. – Oxford Research Encyclopedia of Politics, 2018.

ПРОБЛЕМА НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН АФРИКИ В ИСПАНИЮ

Туфетулов Тимур Айдарович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: tufetulov@list.ru

*Научный руководитель – Летяев Валерий Алексеевич, д.ю.н., профессор
кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. В данной статье автор рассматривает анализ проблем, возникших в связи с усугублением миграционного кризиса в Испании. В разгар миграционного кризиса перечисленные вопросы приобрели дополнительную актуальность, оказались поставлены на политическую повестку и на данный момент провоцируют разобщение европейских государств, по-разному подходящих к их решению.

Ключевые слова: миграционная политика, Испания, Алжир, миграционное сотрудничество, иммиграция, история, политический кризис, экономические отношения.

THE PROBLEM OF ILLEGAL MIGRATION FROM AFRICA TO SPAIN

Tufetulov Timur Aydarovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: tufetulov@list.ru

Abstract. In this article, the author considers the analysis of the problems that have arisen in connection with the aggravation of the migration crisis in Spain. In the midst of the migration crisis, these issues have gained additional relevance, have been put on the political agenda and are currently provoking the disunity of European states that have different approaches to their solution.

Keywords: migration policy, Spain, Algeria, migration cooperation, immigration, history, political crisis, economic relations.

Введение

С начала XXI в. одним из наиболее активных центров притяжения мигрантов оказывается Европа, в которой проживают 87 млн мигрантов, 11 млн из которых являются выходцами из стран Африки. Миграция, позволяя решать демографо-экономические вопросы, порождает и ряд проблем, связанных с обеспечением безопасности, защитой национальных интересов и суверенитета принимающих стран в сочетании с необходимостью соблюдения прав человека для вновь прибывающих мигрантов.

Среди стран-членов ЕС Испания входит в первую тройку по общему числу мигрантов, среди которых более 20% составляют выходцы из стран Африки, число которых достигает 1,2 млн человек, включая 800 тыс. мигрантов из Марокко. Высокая доля мигрантов в странах

приема, и в первую очередь в Испании, на фоне роста миграционных потоков вызывает включение вопросов миграции в политическую повестку этой страны, как и других европейских стран.

Методы исследования

Автор статьи уделяет большое внимание анализу исторической документации, договоров, подписанных между Испанией и государствами стран Африки, а также официальные источники, представленные на официальном сайте Министерства иностранных дел Испании и посольств в странах Магриба. С помощью историко-описательного метода рассматривались ключевые события и причины массовой миграции из стран Африки в Испанию, в частности из Алжира.

Результаты и их обсуждения

Исследование миграционных потоков из стран Африки на Пиренейский полуостров представляет особый интерес в силу того, что массовая миграция в Испанию была обусловлена экономическим ростом, связанным со вступлением страны в ЕЭС, и совпала по времени со становлением миграционной политики Европейского Союза. Являясь страной, находящейся на южной границе ЕС, Испания была вынуждена одной из первых вводить и опробовать ранее не использовавшиеся меры миграционного регулирования и противодействия нелегальной миграции.

Алжир является ключевым игроком в испанской политике управления миграционными потоками из Африки. Сотрудничество между двумя странами существовало в течение многих лет, благодаря чему нелегальная иммиграция из Алжира в Испанию оставалась на низком уровне, но это сотрудничество прекратилось в результате изменения позиции правительства Испании в отношении Западной Сахары [1]. В условиях банкротства в отношениях между двумя странами Алжир прекратил прием нелегальных иммигрантов из Испании и тем самым открыл кран для неконтролируемого роста миграции. Риск заключается не только в значительном увеличении иммиграционного оттока из Алжира, но и в изменении конфигурации маршрутов миграции к югу от Сахары, которые теперь входят в Марокко через южный Алжир.

До сих пор Испания не была важным направлением для алжирской миграции, которая всегда была ориентирована на Францию из-за прежних колониальных отношений и знания французского языка среди ее населения. В Испании зарегистрировано около 70 000 иммигрантов, родившихся в Алжире, что намного меньше, чем у их марокканских соседей (800 000). Однако в последние годы наблюдается постоянный рост нерегулярного прибытия алжирцев через Средиземное море к побережью Испании, что превышает количество марокканцев. В частности, согласно данным, опубликованным Frontex, в 2021 и 2022 годах 13 000 алжирцев и 6 000 марокканцев прибыли по этому средиземноморскому маршруту в Испанию в общем контексте увеличения нелегальной иммиграции из Алжира в Европу в результате политических трудностей. И экономической ситуации в стране. Эта иммиграция харара, как ее называют в Алжире, включает все больше и больше женщин и детей — по сравнению с той, которая традиционно состоит из молодых мужчин — и использует Испанию в основном как страну перехода во Францию и центральную и северную Европу (особенно в Германию), Швейцарию, Нидерланды и Ирландию). Франция отвечает на это увеличение числа нерегулярных прибытий алжирцев введением ограничений на визовую политику для Алжира и возвращением в Испанию через Пиренеи [2].

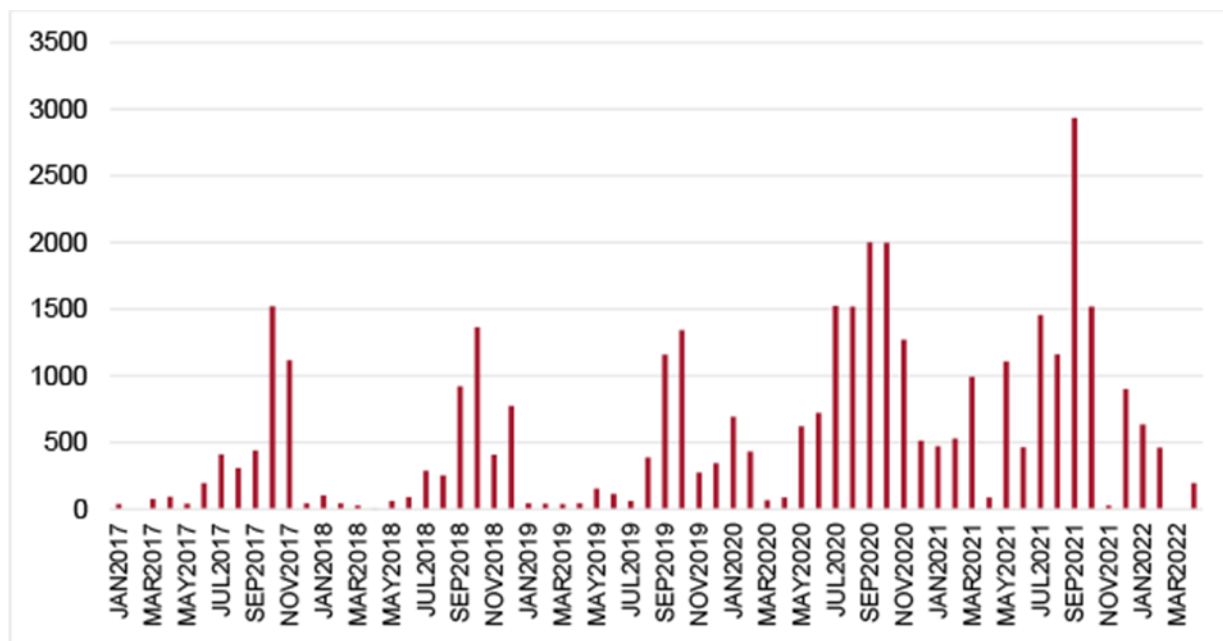

Рис. 1. Нерегулярные прибытия морем в Испанию из Алжира, 2017-2022 гг.

В течение многих лет Испания поддерживала эффективное сотрудничество с Алжиром в отношении управления иммиграцией, что позволило вернуть алжирских иммигрантов с нерегулированным статусом, обнаруженных на территории Испании. Это сотрудничество основано на соглашении о реадмиссии, подписанном в 2002 г. и ратифицированном в 2004 г., на Договоре о дружбе, соседстве и сотрудничестве, действующем с 2003 г., и на соглашении о поисково-спасательных операциях на море (SAR) 2007 г. Миграционные отношения с Алжиром был одним из успешных примеров двусторонней политики, проводимой испанским правительством с начала века в его усилиях по сокращению нелегальной иммиграции.

С другой стороны, Алжир до сих пор был мало или совсем нечувствителен к давлению миграционной политики ЕС, гораздо меньше, чем его соседи Марокко, Тунис или Ливия. Он не подписал никакого миграционного соглашения с ЕС и не заинтересован в сотрудничестве по сокращению нелегальной иммиграции, пересекающей его территорию в направлении Европы [3, с. 10–15]. Фактически, практически вся незаконная иммиграция из стран к югу от Сахары, прибывающая в Марокко в Испанию, сначала проходит через южный Алжир (Отчет CEAR 2021). Его власти не заинтересованы в борьбе с этим трафиком, отчасти потому, что он не беспокоит африканские государства, из которых прибывают мигранты, а отчасти потому, что этот трафик наносит ущерб Марокко.

В этом контексте пандемия COVID-19 в первую очередь и политический кризис, вызванный позицией Испании в отношении Сахары, вызвали перерыв в миграционном сотрудничестве. Закрытие границ в 2020 и 2021 годах, вызванное пандемией, ознаменовало конец возвращения незаконных иммигрантов: алжирцы, как и марокканцы, воспользовались отказом своих правительств принять репатриационные рейсы и уехали в гораздо большем количестве. Уже в этом 2022 году, когда после борьбы с пандемией и открытия границ практика возвращения восстанавливалась, не вернувшись полностью к прежней нормальности, этот политический кризис снова прервал ее, и с начала апреля Алжир не принимает возвраты из Испании [4–5].

Алжир в июне 2022 года прекратил все торговые отношения с Испанией, включая банковские переводы за экспорт и импорт товаров и услуг. Еще раньше он приостановил договор о дружбе с европейской страной из-за конфликта по поводу Западной Сахары. По мнению Алжира, этой территории должна быть предоставлена полная независимость, а Испания поддерживает Марокко, которое считает спорные земли своими и в качестве компромисса готово предоставить лишь автономию.

Разрыв сотрудничества подразумевает немедленное освобождение тех, кто прибыл из Алжира на побережье Испании, поскольку испанские правила запрещают удержание, если возвращение невозможно. Таким образом, он представляет собой рамки возможностей для нелегальной иммиграции, аналогичные возможностям пандемии, и уже приводит к увеличению числа прибывающих на территорию Испании, ближайшую к Алжиру, такую как Альмерия, Мурсия или Балеарские острова. Последние начали готовиться к приему с установкой модулей и сервисов в связи с существенным увеличением прибытий в последние недели [7–9].

Политический корень этого прерывания миграционного сотрудничества предполагает использование миграции как оружия в двусторонних отношениях, что может привести не только, как это уже происходит, к отказу от реадмиссии, но и к ослаблению контроля со стороны алжирских властей. при отправлении от его берегов в Европу. Учитывая численность алжирского населения, составляющую более 44 миллионов человек, молодость его демографической структуры и сложную экономическую ситуацию, в которой находится страна, сотрудничество в вопросах миграции имеет важное значение для Испании и для ЕС в целом [10–12].

Заключение

Основные причины миграционных процессов – демографические и социально-экономические различия между Европой и Африкой. Как страны Магриба, так и страны АЮС, обладают общими чертами, обуславливающими иммиграцию. Среди них – огромное демографическое давление и высокий удельный вес молодого трудоспособного населения. Уровень развития экономики этих стран не способен создать необходимое количество рабочих мест, отвечающих потребностям.

Таким образом, мы изучили основные тенденции значимые для настоящей части нашего изложения. Как мы увидели уже сейчас, количество иммигрантов в Испанском обществе достаточно велико, а в дальнейшем их роль (в силу демографических факторов) будет только возрастать. Естественно, что испанское общество сформировало свое отношение к иммигрантам.

Библиографический список

1. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Королевством Испания и Алжирской Народно-Демократической Республикой // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. – URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2003-20616 (дата обращения: 19.03.2023).

2. Соглашение между Национальной жандармерией и Национальной службой береговой охраны Алжира и Гражданской гвардией Испании об укреплении двустороннего сотрудничества в борьбе с организованной преступностью, контрабандой на море, незаконной иммиграцией и загрязнением морской среды. – URL: https://www.guardiacivil.es/es/prensa/historico_prensa/4469.html (дата обращения: 19.03.2023).

3. Olsen J.P. The Many Faces of Europeanization / J.P. Olsen // *Journal of Common Market Studies*. – 2002. – Vol. 40(5). – P. 921–952.
4. Грушина М.И. Эволюция миграционной политики Испании в период кризиса / М.И. Грушина, Ю.А. Грунина // *Манускрипт*. – 2018. – № 5(91). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-migratsionnoy-politiki-ispanii-v-period-krizisa> (дата обращения: 19.03.2023).
5. Рязанцев С.В. Роль иммиграции в решении национальных демографических проблем: социально-политические аспекты российского и зарубежного подходов / С.В. Рязанцев // *Научное обозрение. Серия 1: экономика и право*. – 2019. – № 5. – С. 30–42.
6. Коммегни Ф. Международная миграция из конфликтных зон Тропической Африки в 2005-2018 гг.: дисс. ... канд. истор. наук / Ф. Коммегни. – М.: 2020. 185 с.
7. Хенкин С.М. Иммиграция в испанском интерьере / С.М. Хенкин // *Актуальные проблемы Европы*. – 2015. – № 4 – С. 186–209.
8. Argel deja al margen la inmigración irregular como represalia contra España. – URL: <https://elpais.com/espana/2022-08-10/argel-deja-al-margen-la-inmigracion-irregular-como-represalia-contra-espana.html> (дата обращения: 19.03.2023).
9. El último desafío migratorio de Argelia: motos de agua en dirección a Almería. – URL: <https://www.elmundo.es/espana/2022/06/27/62b8bfe3e4d4d8b96f8b45dd.html> (дата обращения: 19.03.2023).
10. La tensión con Argelia dispara la inmigración: un 45% más de llegadas. – URL: <https://theobjective.com/espana/2022-08-13/argelia-inmigrantes-baleares/> (дата обращения: 10.03.2023).
11. Официальная страница посольства Алжира в Испании. – URL: <http://emb-argelia.es/index.php/events/visados> (дата обращения: 05.03.2023).
12. Официальная страница Министерства иностранных дел Испании, ЕС и кооперации. – URL: <https://www.exteriores.gob.es/es/Paginas/index.aspx> (дата обращения: 08.03.2023).

РЕФОРМА ВОЕННОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА II

Хасанов Тимур Наилевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: t.moor.bauer@mail.ru

Научный руководитель - Ибнеева Гузель Вазыховна, д.и.н., профессор

кафедры отечественной истории,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена истории преобразования военной формы российской армии в период военной реформы Александра II. В статье выявлены причины, способствующие модернизации военного обмундирования. Помимо этого, рассматривается процесс его изменения в связи с современными требованиями военных действий. В статье уделяется внимание преобразованию различных элементов одежды военнослужащих. Отдельно анализируются реформы обмундирования гвардейских полков. Кроме того, изучено введение в российской армии полевой формы. В статье предпринята попытка объективно рассмотреть итоги реформы модернизации военной формы в российской армии.

Ключевые слова: военная реформа, обмундирование, военная форма, амуниция, полевая форма, рода войск, регулярная армия, гвардейские полки.

THE REFORM OF MILITARY UNIFORMS DURING THE REIGN OF ALEXANDER II

Khasanov Timur Nailevich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: t.moor.bauer@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the transformation of the military uniform of the Russian army during the military reform of Alexander II. The article identifies the reasons contributing to the modernization of military uniforms. In addition, the process of its change in connection with the modern requirements of military operations is being considered. The article focuses on the transformation of various elements of military clothing. Separately, the reforms of the uniforms of the Guards regiments are analyzed. In addition, the introduction of a field uniform in the Russian army has been studied. The article attempts to objectively consider the results of the reform of the modernization of military uniforms in the Russian army.

Keywords: military reform, uniforms, military uniforms, ammunition, field uniforms, types of troops, regular army, guards regiments.

Военная форма – единообразная по конструкции и строго регламентированная по внешнему виду военная одежда. Она показывает принадлежность воина к тем или иным вооружённым силам. Кроме того, размещение на ней знаков отличия дает возможность определить род войск, служебную категорию и воинское звание военнослужащего [4, с. 3]. Военная

форма наравне с вооружением является одним из важнейших элементов оснащения армии. Начиная с конца XVIII века, созданием обмундирования занимаются военные специалисты, продумывающие все ее основные элементы, а также мелкие детали. Форма должна была стать удобной, практичной и отвечать условиям военных действий.

Проведение военных преобразований, являвшихся частью великих реформ Александра II, становится важным этапом в модернизации военной формы. Она стала приобретать вид, который имеют современные образцы обмундирования. Подобный тип сейчас используется как парадно-выходной или особо парадный. Однако во время правления Александра II и его приемников она использовалась как полевая.

Проведению великих реформ Александра II способствовало поражение России в Крымской войне, обнажившей упадочное состояние военной промышленности и оснащения армии. Недочеты были выявлены и в обмундировании. Неудобство и большая вариативность военной формы времен Николая I заставили Военное министерство её пересмотреть.

Крымская война показала неудобность обмундирования для использования в полевых условиях, а также отсутствие ее единообразия и однотипности. Каждый полк имел собственную отличавшуюся от других форму. Она была разнообразной у военных чинов даже внутри отдельного полка. Отличия заключались в многочисленных элементах, таких как эполеты, галуны, головные уборы, мундиры, лампасы и многие другие. Отсутствие унификации в военной форме не позволяло наладить единое производство для всей армии.

Кроме того, большое влияние на реформирование военной формы оказал Манифест о всеобщей воинской повинности, который в кратчайшие сроки увеличил армию. Количество дивизий в составе Русской армии возросло с 29 до 48. Появилась необходимость создания инфраструктуры для должного оснащения вновь увеличенной армии требуемым количеством обмундирования. Для этих задач 6 августа 1864 г. было создано Главное интендантское управление, занимающееся материальным обеспечением армии.

Поскольку используемое во время Русско-турецкой войны обмундирование было принято практически в самом начале правления Александра II, необходимо рассмотреть изменения в военной форме в период 1860-х – 1870-х гг. Реформу начали реализовывать сразу, без обоснования её концепции [5, с. 103–104]. Военное ведомство пыталось улучшить форму и амуницию в соответствии с требованиями современности, но не подходило к этому планомерно. Все эти многочисленные изменения предпринимались с целью создания наиболее удобной и простой в изготовлении формы. Ко всему прочему, деление войск на гвардейские и армейские части усложняло модернизацию их обмундирования. Помимо этого, существовало деление на различные рода войск, форма которых также отличалась [1, с. 1].

Вместе с тем, были осуществлены преобразования, коснувшиеся повседневной формы большей части и подразделений. Во всех полках, кроме кавалерийских, были введены двубортные мундиры. Они сохранились в армии вплоть до правления Николая II. Двубортный мундир, использовавшийся в пехотных полках, представлял собой полукафтан темно-зеленого цвета со стоячим воротником и двумя рядами пуговиц. Их количество зависело от подразделения: в армии по шесть пуговиц, в гвардии – по восемь. У гвардии также отличалась форма воротника. В армии его углы примыкали друг другу, а в гвардии наоборот расходились в разные стороны. Цель нововведений в мундире – сделать его удобным и комфортным. Для этого ликвидировались фалды у мундиров. Укорачивался и сам мундир. В лучшую сторону

изменились и пояса на мундирах: взамен пояса-шарфа со свисающими вниз кистями, были приняты кушаки, которые были гораздо удобнее и не носили такого церемониального характера.

Следующее изменение коснулось головных уборов. В 1862 г. приходят новые по конструкции кепи, заменившие громоздкие кивера. Кепи широко применялись в американской и французской армии, отлично показав себя в боевых условиях. Они использовались в Российской армии до правления Александра III, пока постепенно не были вытиснуты фуражками. Кепи отлично показали себя во время войны с Османской империей, поскольку были легкими и тонкими, спасали голову от солнца, не давая ей перегреваться. Кепи также стали универсальной частью военной формы и использовались во всех боевых подразделениях, кроме гвардейских, кавалергардских, гусарских и уланских полков. Кепи носились всеми чинами, знаками различия при этом становились только галуны и суконный околыш. При этом во многих частях они были элементами исключительно походной формы [2, с. 3].

Одним из главных нововведений Александровского обмундирования стало принятие новых плащей-пальто, которые защищали не только от холода, но и от влаги в пасмурную погоду. Плащ-пальто прекрасно показало себя в условиях Русско-турецкой войны. Так, оно позволило минимизировать потери солдат от холода во время обороны Шипкинского перевала. Плащ-пальто было двубортным, изготавливалось из плотного серого сукна с длинным отложным воротником, который можно было поднять во время сильного ветра.

Плащ-пальто также стало универсальным элементом верхней одежды в армии и гвардии, которое использовалось всеми чинами. Отличительной его чертой стали пуговицы на петлицах, которые были только у высших чинов. Помимо этого, плащ-пальто было универсального размера. Спинка пальто, имевшая две складки, регулировалась по обхвату в талии съемным хлястиком, пристегивающимся на две пуговицы [4, с. 226]. При снятии хлястика пальто можно было использовать как плащ. Зимой к пальто можно было присоединить съемный меховой воротник. В этот период в обмундирование вводился башлык из верблюжьей шерсти, которым можно было полностью обвернуть голову и шею в холодную погоду.

Позднее для солдат была создана новая шинель. Она ничем не отличилась от офицерской, но была более универсальной. Новая шинель имела уже четыре складки на спине. Следовательно, она подходила всем военнослужащим вне зависимости от телосложения. Подобное изменение позволяло упростить производство шинелей и улучшить оснащение ими армии. Кроме того, это дало возможность производить шинели в неограниченном количестве. Следовательно, можно было заготавливать большое количество обмундирования на случай войны, что положительно сказалось на условиях снабжения. Солдаты должны были оперативно получать новое обмундирование, когда старое изнашивалось в условиях боя.

Вслед за этим, вместо двубортных мундиров для нижних чинов были созданы облегченные кители. Они широко использовались в кавалерии и в пехоте. Новые кители позволяли свободнее передвигаться в условиях боя, не стесняли движение и были легче мундиров. Для полевых офицеров на этой форме вводилась обтяжка всех пуговиц тканью для того, чтобы они не бликовали на солнце. Это позволяло оставаться незаметным для противника на большом расстоянии [4, с. 227].

Следующей важной проблемой, которую следовало решить, стало повышение мобильности и утилитарности армии в военных условиях. Для более быстрых переходов на местности и облегчения веса амуниции создается полевая форма одежды. Ношение обычной и парадной

формы отныне разрешалось только высшему командованию и чинам не ниже 4 класса. Новый тип одежды стал более облегченным, лишённым церемониальных украшений: гербов на головных уборах, султанов, расшитых аксельбантов и других излишних элементов. Кроме того, были созданы отдельные походные сапоги. Новый тип обуви без значительных изменений использовался в российской армии более ста лет [3, с. 47]. Создание походной и полевой формы объясняет столь быстрые переходы на дальние расстояния русской армии во время турецкой войны. Так, во время обороны Плевны русские войска вышли на позицию на четыре часа быстрее Османского войска.

После реформирования основных элементов одежды, военное руководство приступило к более мелким элементам. Так, для дополнительной универсализации в производстве формы вводятся новые типы пуговиц. Кроме этого, изображения на них служили для различия солдат по родам войск и принадлежности к полку. Вторым нововведением стало создание петлиц, которые пришли на смену цветным воротникам. До этого у всех полков были воротники различного цвета, которые указывали на принадлежность и были знаком отличия. Подобная практика усложняла производство формы. Для каждого подразделения требовался отдельный пошив. Новая реформа позволила унифицировать этот процесс. Теперь оставалось пришить петлицу необходимого цвета к универсальному воротнику.

Отдельным проблемным вопросом в реформе обмундирования стала войсковая элита. Столь обширные реформы никак не коснулись гвардейские, гусарские и уланские полки. Большинство из них носили церемониальный характер, такие как Преображенский полк, Кавалергардский и другие. Их форма оставалась без изменений вплоть до вступления на престол Николая II, который ввел всеобщую полевую форму, в том числе и для гвардейских полков.

В гвардейском обмундировании изменились лишь незначительные элементы, к примеру, в некоторых полках были введены кепи. При этом изменения в гвардейских головных уборах не закончились: через определённые промежутки времени в гвардейских войсках одни головные уборы чередовались с другими. Вновь вводились каски, которым на смену приходили кивера, после чего вводились кепи, вновь сменявшиеся касками. Однако, даже при сохранении касок производились бессмысленные изменения. Подобная мера коснулась карабинеров, которым черные султаны сменили на султаны цвета их петлиц. Эти изменения лишь отрицательно сказывались на общем итоге реформы. Производители военной формы не успевали за реформами военного руководства [1, с. 4].

При этом отметим, что гвардейскую форму все-таки пытались унифицировать. Однако не с армейской формой, а между полками. Так, вводилась единая форма мундиров и головных уборов у гвардейской пехоты и гвардейской артиллерии. Формы мундира, такие как венгерка, ментики и доломаны были унифицированы и у гвардейской кавалерии, и у гусар. За исключением головных уборов была сделана схожей форма у улан и драгунов. Их форма отличалась лишь головными уборами и расцветкой в зависимости от полка. Единственный полк, чья форма осталась без каких-то значимых изменений вплоть до свержения монархии, был Кавалергардский. Изменения в гвардии не были универсальным решением, но попытки сделать форму схожей внутри пешей и конной гвардии положительно сказывались на возможностях снабжения новой формой. Окончательно эта проблема решилась лишь в правление Николая Александровича.

Подводя итог реформе обмундирования, предпринятой Александром II, сложно высказать однозначные суждения. Она носила весьма непостоянный характер. Каждое изменение не охватывало всю армию, затрагивая лишь отдельные ее части. Кроме того, не была достигнута полная унификация, продолжалось разделение войск на гвардейские и негвардейские части в отношении военной одежды. Однако при этом реформа способствовала настоящему прорыву в создании нового типа обмундирования, сравнимого с введением всеобщей военной формы Петром I. При Александре II был создан тот вид обмундирования, который в значительной степени существует до сих пор. Форма всех воинских частей была во многом унифицирована, что позволило удешевить и увеличить объемы производства военной одежды. Подобный итог повысил уровень военной эффективности армии в будущем. Вместе с тем, предпринятые шаги в этой области не позволили полностью исключить проблемы со снабжением русской армии в грядущей войне с Османской империей.

Библиографический список

1. Обмундирование и снаряжение пехоты // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 11. – СПб.: Военная типография, 1898. – 278 с.
2. Памятная книжка для унтер-офицера // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 11. – СПб.: Военная типография, 1898. – 278 с.
3. Правила ношения военной формы одежды военнослужащими Советской Армии и Военно-Морского Флота. Приказ Министра обороны СССР № 250. 4 марта 1988. – М.: Военное издательство МО СССР, 1988. – 197 с.
4. Хренов М.М. Военная одежда русской армии / М.М. Хренов. – М.: Воениздат, 1994. – 381 с.
5. Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886) / Е.А. Штакеншнейдер. – СПб.: Academia, 1934. – 582 с.

ТАТАРСКИЕ СЕЛЬСКИЕ ШКОЛЫ В 1920-Е ГОДЫ И ВВЕДЕНИЕ ЯНАЛИФА

Шайдуллин Ильнур Ильмирович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: Shaidullin_ilmur1997@mail.ru

Научный руководитель - Литвин Александр Алтерович., д.и.н., профессор,

заведующий кафедрой отечественной истории,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В данной статье рассматриваются татарские сельские школы в 1920-е годы на территории ТАССР, и особое внимание уделяется трудностям, с которыми столкнулась советская власть. Среди основных проблем можно выделить нехватку квалифицированных учителей, сокращение татарских школ, недостаток учебного материала. Кроме этого, был исследован процесс введения «Яналифа» и влияние нового алфавита на учебную деятельность в татарских сельских школах.

Ключевые слова: татарские школы, национальные школы, Яналиф, ТАССР, советская власть.

TATAR VILLAGE SCHOOLS IN THE 1920s AND THE INTRODUCTION OF JANALIF

Shaidullin Ilmur Ilmirovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: Shaidullin_ilmur1997@mail.ru

Abstract. This article examines Tatar rural schools in the 1920s on the territory of the TASSR, and pays special attention to the difficulties encountered by the Soviet authorities. Among the main problems are the shortage of qualified teachers, the downsizing of Tatar schools, and the lack of teaching material. In addition, the process of introducing "Yanalif" and the impact of the new alphabet on educational activities in Tatar rural schools was investigated.

Keywords: Tatar schools, national schools, Yanalif, TASSR, Soviet power.

В начале 1920-х годов в стране произошли крупные изменения, которые затронули все сферы жизни. Одной из ключевых сфер была образовательная система, которая была пересмотрена в соответствии с новыми идеологиями. В ТАССР начинается борьба с религиозными школами, которая была вызвана идеологическими и практическими соображениями — необходимостью так называемого «строительства коммунистического общества». Важным инструментом этой борьбы является создание советских национальных школ. Введение в 1927-1928 годах «Яналифа» является следующим этапом борьбы против мусульманских школ, которые на начальном этапе имели больше доверия среди сельского населения ТАССР. Все вышесказанное и определяет актуальность данной темы.

Методологической основой исследования являются основные научные принципы, применяемые при изучении явлений социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни – объективность, историзм, системность, позволяющие рассматривать исторические события в развитии, во взаимосвязи причинно-следственных отношений. В работе используются следующие исторические методы исследования: историко-системный, сравнительно-исторический.

С приходом советской власти наряду с религиозными учебными заведениями, начинают действовать и татарские сельские школы. Каждое из них претендовало на главенствующую роль в обучении сельского населения. Из-за сложного экономического положения в ТАССР значительно сократилось количество татарских школ и число учащихся в них. Так, например, если в 1921/22 учебном году в 2836 учебных заведениях республики обучались 306296 человек, то в 1922/23 учебном году в 1990 учебных заведениях – всего лишь 230821 человек. За эти годы количество школ уменьшилось на 30%, а число учащихся – почти на 25% [9, с. 29].

Большое сокращение учебных заведений произошло в сельской местности. Из-за голода многие сельские школы закрылись, а учащиеся и учителя голодали. Из сообщений кантонных отделов народного образования, пришедших в 1922 году в Наркомат просвещения Татарии, следует, что сельская школьная сеть находилась в тяжелейшем положении. К примеру, в Буинском кантоне посещение школ детьми весьма неаккуратное, истощенные голодом дети не в состоянии выдерживать определенное время учебных занятий. Данные из Мамадышского кантона: «Голодание учащихся кошмарное, за неимением средств при всех условиях работа не может быть удовлетворительной» [7].

Эти сведения показывают кошмарное положение дел в начале 1920-х годов. На первый план выходит спасение детей от голода, а не обучение в школах. Из-за ужасного голода количество школ и учащихся резко уменьшается.

Чтобы исправить положение, в деревнях открывают школы и для этого были выделены новые средства. А также в это время начинают отрывать и договорные школы, которые содержались за счет простых жителей деревень. И в 1923 году произошло некоторое увеличение сети школьных учреждений. Количество школ первой ступени увеличилось на 24,4% (с 1741 в 1922 г. до 2473 в 1923 г.), в татарских школах – на 37%, русских – на 7,8% [8]. Но эти увеличения не смогли изменить эту ситуацию в положительную сторону. Так как, в деревнях в 1920-х годах хорошо сохранилась религия, и многие жители больше доверяли религиозным школам.

Хорошим примером, подтверждающим того, почему же жители деревень предпочитали мусульманские школы татарским школам, является следующее: «По вопросу о преподавании в татарских школах 2-й ступени и семилетках на русском языке Академический центр Наркомпроса высказывает следующее заключение: 1) В татарских школах 1-й ступени преподавание должно вестись на родном – татарском языке (русский язык преподается как предмет). 2) В татарских школах-семилетках и школах 2-й ступени, а также всех других татарских учреждениях подобного типа принципиально остается то же положение. 3) Ввиду недостатка квалифицированных работников татар и учебников на татарском языке, временно допустить преподавание и на русском языке, но на обязанности каждой школы лежит стремление к замене преподавания на русском языке преподаванием на языке татарском» [2].

Из этого документа нам становится понятно, что в 1924 году были случаи, когда в татарских школах велось преподавание на русском языке. Это произошло, потому что среди татар не хватало квалифицированных учителей, а также в школах не хватало учебники на татарском языке. Именно такие факты пугали жителей деревень, из-за чего они боялись отпускать детей в советские татарские школы. И вместо этого отправляли детей на обучение к муллам, так как в деревнях к ним было большое доверие.

Из-за нехватки квалифицированных учителей, Президиум Восточного Цебюро 12 января 1920 г. постановил разрешить временное использование бывших мулл и духовных лиц в качестве учителей при условии отказа их от сана [9, с. 62]. Также, для быстрого решения проблемы, в Казани и во многих кантонных центрах были открыты различные педагогические курсы. С января 1925 г. открылись 2 – годичные татарские педкурсы в Арске, Бугульме, Мамадыше. В 1924/25 учебном году в Казани функционировали центральные курсы по переподготовке учителей. Всего через эти курсы прошло переподготовку более 900 учителей [11, с. 58].

В 1925–1926 годах экономическое положение в стране улучшается и это дало толчок развитию сельской школьной системы. Многие школы в этот период находились в плохом состоянии, а также требовалось строительство новых школ. В этом году было открыто 70 новых школ и принято на местный бюджет 198 договорных. Всего в ТАССР в 1925–1926 учебном году существовало 1017 татарских школ первой ступени [9, с. 36]. Количество школ увеличилось благодаря договорным учебным заведениям, которые строились за счет жителей деревень. И в основном эти договорные школы были татарскими.

Для того чтобы искоренить неграмотность среди детей школьного возраста, было принято решением 13-го Всероссийского съезда Советов (1927 г.) о необходимости подготовки введения всеобщего начального обучения. Количество начальных школ и число учащихся в них с каждым годом возрастало. Так, в 1927/28 учебном году было 2440 начальных школ, в которых обучалось свыше 167 тыс. учащихся, в 1928/29 учебном году было 2504 начальных школ и 181300 учащихся, в том числе татар – 91882, русских – 75862, нацмен – 13556 [10, с. 29]. Большинство этих школ работало в сельской местности. Не надо забывать, что количество начальных школ в деревнях не хватало и многие дети не могли посещать эти школы. Также надо помнить, что несмотря на проводимую политику против мусульманских школ, в деревнях жители отдавали предпочтение мусульманским школам. Так, по данным школьных переписей 1927/28 г. и 1928/29 г., около 45% детей школьного возраста оставались не охваченными сетью советских школ [9, с. 37].

С целью улучшения качества образования в татарских школах, в 1926-1927 г. большой упор делается на учебные программы. В производственном плане Академического Центра Татнаркомпроса на 1926-1927 г. мы видим, что были даны задания для разработки учебной программы: «1) Закончить разработку, перевод на татарский язык и печатание программы для 4 года обучения первой ступени. 2) Разработать программы по татарскому языку: а) для татарских школ 1 и 2 ступени. б) для курсов ответственных работников. 3) Разработка программ русского языка для татарских школ» [4]. Также с этой целью в 1927 году были проведены курсы для повышения квалификации для татарских учителей с низким образованием по программе школы 4-летки (общеобразовательные) сроком 5 недель: а) в Елабуге 140 человек; б) в Тетюшах 90 человек; в) в Чистополе 120 человек; г) в Арске 250 человек; д) в Бугульме 60 человек; Итого: 660 человек [5].

В 1927–1928 годах в ТАССР, как и в большинстве тюрко-татарских автономных республиках меняется алфавит. Вместо арабской графики приходит яналиф (латиница) и этот процесс очень сильно повлиял на школьное образование в Татарии. Отношение Татреспублики к латинизации алфавита впервые выявилось на 1 тюркологическом съезде. В 1924–1925 гг. уже организовалось общество «Латын-дус» («Друзей латинизации»). В 1926 году создается организация добровольного общества «Яналиф», которое возникло вскоре после тюркологического съезда и в эту организацию вошли и члены общества «Латын-дус». Почти вся татарская печать, большинство интеллигенции были против латинизации. Такие деятели, как Галимджан Ибрагимов используют весь свой авторитет в борьбе против латинизации. Но эта борьба вела к тому, что сторонники латинизации крепились. Борьба переносится в школы, вузы. Создаются ячейки, организуются группы латинистов, вырабатывается новый татарский латинизированный алфавит [12, с. 14].

Сторонники арабской графики заявляли, что арабский алфавит отвечает всем требованиям татарского языка, а потому не может быть никакой речи о замене его каким-либо другим алфавитом, так как подобная замена приведет к нежелательным явлениям, а именно: а) она сведет насмарку результаты 40–50-летней упорной работы по реформе татарского алфавита и орфографии; б) она, якобы, обрежет на полную безграмотность более 40 % татарского населения, грамотного по арабскому алфавиту; в) лишит его и подрастающее поколение культурного наследия, накопленного в течение более чем 200 лет [3, л. 64].

Несмотря на все протесты сторонников арабской графики, общество «Яналиф» сумело развернуть свою работу среди широких слоев населения Татарской Республики и выработать проект нового алфавита на базе принятого в Азербайджане алфавита с частичным изменением его. Необходимо отметить, что со стороны органов власти общество «Яналиф» не имело никаких препятствий.

20 марта 1927 года обществом «Яналиф» созывается 1-я общегородская конференция членов общества, где по заслушании отчета временного бюро общества о годичной работе последнего выносит ряд конкретных предложений вновь набранному на конференции Совету Общества, в том числе о составлении пятилетнего плана латинизации татарской письменности, немедленной организации курсов «Яналиф», об унификации нового алфавита различных тюрко-татарских народов, о немедленном введении преподавания Яналифа в учебном плане всех учебных заведений Татарской Республики [3, л. 65].

Вслед за этим публикуется первое постановление ЦИКа и СНК АТССР (от 3 августа 1927 года), которое вводит Яналиф в татарскую письменность наравне с так называемым реформированным арабским шрифтом и вместе с тем поручает Наркомпросу ввести преподавание Яналифа во всех школах 2-ой ступени, техникумах и курсах по переподготовке и выдать соответствующие учебные пособия и программы [3, л. 65]. Все попытки сохранить арабскую графику в Татарии, не получила поддержку со стороны государства. Советская власть всеми силами помогала и поддерживала идею Яналифа. По мнению Хансуварова: «Латинский алфавит был очень легкий и прост для простого народа. А чтобы овладеть татарской грамоте по арабской графике обучались по 15-20 лет. Где же тут крестьянину и ремесленнику до грамоты?» [12, с. 4]. Также нельзя забывать и исламский фактор. Советский союз был атеистическим государством, а арабская графика всегда ассоциируется с исламом и исламским миром.

А в этот период в Татарии шла активная борьба против мусульманских школ, а смена письменности в пользу «Яналифа» был хорошим ударом против мусульманских школ.

Из-за смены алфавита, для учителей татарских школ открываются курсы, которые были направлены на изучение нового алфавита. Эти курсы начали свою работу уже в 1926 году, почти на год раньше декрета. 1800 человек или 698 общего количества преподавателей татар были проведены через равные курсы до принятия декрета, остальные изучали новый алфавит и новую орфографию самостоятельно и при помощи журнал «Яналиф», и выпущенной к началу 1927–1928 учебного года специально переведенной литературы на «Яналифе» [3, л. 66]. Для учеников школ 1 ступени, Наркомпрос в 1928-1929 учебном году составил план, который выражался в следующем: «На первом году обучения в школах 1 ступени «Яналиф» вводится не позднее середины 2 триместра текущего учебного года, но по желанию родителей учащихся в городах и рабочих районах с разрешения Наркомпроса на этом году обучения преподавание ведется исключительно по «Яналифу» без обучения арабскому шрифту. Вместе с тем, в целях наиболее полного усвоения детьми «Яналифа» ведутся по этому шрифту всякого рода записи и упражнения и на уроках математики и других навыков. Далее в пятилетнем плане имелось в виду введение «Яналифа» на 2 году обучения школ 1 ступени на началах добровольности. В конкретном плане на 2 году, как и на 2 последних годах обучения, «Яналиф» введен на уроках родного языка с начала учебного года в обязательном порядке в количестве 25–30% времени, отводимому родному языку. На уроках по другим предметам «Яналиф» вводится с начала второго триместра в тех же пределах (25–30%). Во внеклассной работе детей не менее 25–30% отводится упражнениям по «Яналифу»» [3, л. 68].

Для того чтобы, вся эта система работала, необходима была и хорошая работа в издательской деятельности. В 1927 году для татарских школ издаются: «Программы для татарских школ 1-й ступени и программы русского языка для татарских школ. Все учебники для татарских школ 1 ступени проведены через критику и переработались с большими исправлениями для вторичного издания» [6]. К началу 1928–1929 учебного года план издательства выполнен в следующем объеме: по линии Татиздата в виде приложений к учебникам с арабским шрифтом выпущено 10 разных учебников «Яналифа» с общим количеством 27 печатных листов с новым шрифтом, а именно: букварь «Кызыл юл», книга для чтения «Кызыл юл», учебник математики, учебник естествознания, учебник географии, 1 букварь исключительно на яналифе. Общество «Яналиф» за все время существования издало 57 разных книг, в том числе и учебников для школ 1 и 2 ступени и детской литературы, в объеме 140 3/4 печатных листа [3, л. 70].

Об издательской деятельности того периода можно сделать вывод, что учебники для татарских школ проходили проверку на цензуру. Издание учебников на Яналифе была подержана государством, так как инициатором выступала общество «Яналиф». А общество «Яналиф» получала поддержку со стороны государства. С помощью латинизации, советская власть боролась против ислама и против мусульманских школ.

Несмотря на проводимые работы в издательской деятельности, в 1928 году для сельских школ Татарской Республики актуальными проблемами оставались нехватка школьного оборудования, учебников и наглядных учебных пособий. В ходе обследования сети учебных заведений комиссия Наркомата просвещения (1928 г.) выявила, что обеспеченность школ партами составляет в среднем 70%, причем половина из них полностью непригодны из-за ветхости. В сельской местности имелось много необорудованных школ: часто занятия проводились

в тесных, не отапливаемых помещениях, многие школьные здания не ремонтировались свыше 10 лет. Была налицо острая нехватка учебных пособий: 1 учебник часто приходился на 5–10 человек, притом в некоторых школах не хватало имеющихся в наличии старых учебников, о получении новых (советских) речи вообще не шло. Наиболее острый недостаток ощущался в учебниках для татарских и нацменовских школ. К тому же, из-за нехватки письменных принадлежностей в школах писали в основном на досках и партах [9, с. 41]. Из-за сложного финансового положения, основная часть расходов на школьные принадлежности и ремонт школ ложилась на простых жителей. Их в добровольно-принудительном порядке заставляли содержать как договорные, так и бюджетные школы.

Таким образом, несмотря на сложности, которые возникали при создании новой образовательной системы, в деятельности татарских школ на территории ТАССР в 1920-е годы отмечались и положительные и отрицательные стороны. К положительным можно отнести: строительство новых школ, создание новых учебных программ, а также к концу 1920-ых годов почти всех детей удалось охватить начальным обучением. Но нельзя забывать и отрицательные стороны: нехватка учебного материала, принуждение жителей деревень в добровольно-принудительном порядке содержать как договорные, так и бюджетные школы. А самый большой минус это введение «Яналифа», так как для татарского народа арабская графика была исторически важна, и приход латиницы отдаляет подрастающее поколение от культурного наследия. Именно с этой целью советская власть изменила алфавит и поддержала общество «Яналиф». Татарские школы в начале 1920-х годов не имели популярность среди сельских жителей Татарии, так как в этот период активно работали мусульманские школы. А переход на «Яналиф», смог стать оружием в руках советской власти против мусульманских школ и против религии. И вся эта проводимая политика плохо сказывалась на уровне образования татарского населения. И даже в 1930-ом году многие учителя очень слабо владели грамотой. Пишут с грубейшими ошибками, особенно часто наблюдаются это среди татарских учителей, значительная часть которых плохо еще овладена «Яналифом» [1].

Библиографический список

1. Всеобщее обязательное начальное обучение (предварительные итоги выполнения плана всеобуча) // ГА РТ. Ф. Р – 3682. Оп. 1. Д. 1763. Л. 84.
2. Заключение Академцентра, представленное в коллегия Наркомпроса Татарской АССР, по поводу языка преподавания в татарских школах I и II ступени 15 марта 1924 г. // ГА РТ. Ф. Р – 3682. Оп. 5. Д. 1. Л. 27.
3. Отчет Государственного комитета «Яналиф» при ЦИКе ТССР о работе Татарстана по латинизации письменности на минувшее время и перспективах на ближайшее время 1928 г. // ГА РТ. Ф. Р – 3682. Оп. 1. Д. 1499. Л. 64–70.
4. Производственный план Академического Центра Татнаркомпроса на 1926/27 г. По линии педагого-методической комиссии // ГА РТ. Ф. Р – 3682. Оп. 1. Д. 1169. Л. 26.
5. Работа Академического центра Татнаркомпроса за 1926–1927 год. «Работа по переподготовке работников просвещения» // ГА РТ. Ф. Р – 3682. Оп. 1. Д. 948. Л. 132.
6. Работа Академического центра Татнаркомпроса за 1926–1927 год. «В области издания научных трудов как на татарском, так и на русском языках» // ГА РТ. Ф. Р – 3682. Оп. 1. Д. 948. Л. 135.

7. Сообщения кантонных отделов народного образования, пришедшие в 1922 году в Наркомат просвещения Татарии // ГА РТ. Ф. Р – 3682. Оп. 1. Д. 293. Л. 2–3.
8. Доклад о состоянии народного просвещения ТАССР за 1923 год. // ГА РТ. Ф. Р – 3682. Оп. 1. Д. 73. Л. 44.
9. Аблязов К.А. Светское и религиозное образование в деревне Татарстана: 1920–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук / К.А. Аблязов. Казан. гос. ун-т. – Казань, 2004. – 170 с.
10. Горохов В.М. Развитие народного образования в Татарской АССР / В.М. Горохов, Б.П. Рождественский. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1958. – 78 с.
11. Тутаев М.З. Развитие народного образования в Татарии (1917–1940 гг.) / М.З. Тутаев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. – 204 с.
12. Хансуваров И. Латинизация – орудие ленинской национальной политики / И. Хансуваров. – М.: Партиздат, 1932. – 37 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ УЧИТЕЛЕЙ УЕЗДНЫХ УЧИЛИЩ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Шакирова Айсылу Ильгизовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
E-mail: *nasibullina-aysylu@mail.ru*
Научный руководитель – *Ибнеева Гузель Вазыховна, д.и.н., профессор*
кафедры отечественной истории,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена формированию учительского корпуса уездных училищ Казанской губернии в первой половине XIX в. На основе отчетов Казанской дирекции училищ и формулярных списков учителей был проведен комплексный анализ кадрового состава уездных училищ. Автор проанализировал образовательный уровень педагогов с последующей динамикой его развития, а также установил способы пополнения начальных школ учительскими кадрами в первой половине XIX в. Преподавательский состав уездных училищ включал законоучителей, педагогов по основным дисциплинам и учителей рисования. Сохранившиеся делопроизводственные документы Государственного архива Республики Татарстан выявили тенденцию к увеличению числа учителей уездных училищ с высшим образованием. -Автором сделан вывод, что по уровню подготовки учительство уездных училищ Казанской губернии представляло собой довольно неоднородную массу, однако в целом, прослеживается рост их образовательного уровня на протяжении всей первой половины XIX в.

Ключевые слова: образовательный уровень, учитель, уездные училища, Казанская губерния, народное образование.

THE EDUCATIONAL LEVEL OF TEACHERS OF DISTRICT SCHOOLS OF THE KAZAN PROVINCE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Shakirova Aysylu Ilgizovna
Kazan (Volga Region) Federal University,
E-mail: *nasibullina-aysylu@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the formation of the teaching corps of district schools of the Kazan province in the first half of the 19th century. Based on the reports of the Kazan Directorate of Schools and the official lists of teachers, a comprehensive analysis of the personnel composition of district schools was carried out. The author established the educational level of teachers with the subsequent dynamics of its development, as well as ways to replenish elementary schools with teachers in the first half of the 19th century. The teaching staff of the district schools included teachers of the law, teachers of basic disciplines and teachers of drawing. The surviving office documents of the State Archives of the Republic of Tatarstan revealed a trend towards an increase in the number of teachers in district schools with secondary and higher education. The author concluded that in terms of the level of training, the teaching staff of the district schools of the Kazan province was a rather

heterogeneous mass, but in general, the growth of their educational level trace throughout the first half of the 19th century.

Keywords: educational level, teacher, district schools, Kazan province, public education.

Введение

Изучение истории общеобразовательной школы невозможно без рассмотрения профессионального статуса учителя как неотъемлемого звена школьной системы. В первой половине XIX в. происходил активный процесс становления учительской корпорации. Образовательные реформы Александра I были глубокими, системными и должны были в будущем дать государству новый бюрократический аппарат, создав в стране слой образованных квалифицированных чиновников и просвещенных граждан. Однако реализация правительственной политики, которая предполагала покрыть всю Российскую империю сетью школ разного уровня, затруднялась нехваткой преподавателей, что особенно ощущалось при создании уездных училищ в провинции.

Методы исследования

С целью проследить динамику образовательного уровня учителей в первую половину XIX века, была составлена таблица, разбитая на два временных промежутка. Сама таблица представлена ниже. Данные таблицы основаны на делопроизводственной документации: отчетах дирекции училищ и формулярных списках об учительских кадрах, отложившихся в Государственном архиве Республики Татарстан. Компаративный анализ вышеназванных видов источников дал возможность выявить преобладающий образовательный уровень учителей на начало и конец изучаемого периода.

Результаты и их обсуждение

Одной из важнейших задач образовательной политики в Российской империи в первой половине XIX в. оставалась подготовка педагогических кадров. Не случайно К.Д. Ушинский писал: «Учитель народной школы является одним из позднейших плодов цивилизации. Не только у нас, но и везде появляются сначала профессора, ученые, наставники в высших училищах. Образованные писатели, художники, а потом уже только народные учителя» [1, с. 69].

По «Уставу гимназий и училищ уездных и приходских...» 1804 г. обязательным условием для кандидата на должность учителя уездного училища становилось подтверждение своей квалификации. Для этого потенциальным кандидатам необходимо было сдать соответствующие экзамены. Открытые испытания кандидатов на должность учителя должны были проходить в совете гимназии, который состоял из директора, инспектора и старших учителей. С целью придать испытаниям престиж на них также должен был присутствовать почетный попечитель гимназии. К сожалению, в ходе принятия вышеуказанного устава не был ликвидирован главный недостаток в организации системы подготовки учителей уездных училищ, который заключался в отсутствии ее полноценного государственного финансирования. В связи с этим, испытания на должность учителя уездных училищ проводились в редких случаях и не должным образом. В связи с этим, организация испытаний ложилась на плечи Казанского университета, который становится основным органом, выпускающим потенциальных учителей уездных училищ. Так, с 1 октября 1839 г. на основании разрешения министра народного просвещения С.С. Уварова, при Казанском университете был открыт особый комитет для

испытания кандидатов учительства. В данном комитете кандидаты подвергались испытаниям на разные должности учителей гимназий и уездных училищ.

Важно также отметить, что в первой половине XIX в. в Казанской губернии также отсутствовало высшее учебное заведение, которое бы осуществляло целенаправленную подготовку учителей. Казанский учительский институт был образован лишь во вторую половину XIX в. – в 1876 г. Главным же учебным заведением губернии для подготовки учителей для средней и начальной школы, как уже было отмечено ранее, в рассматриваемый период стал Казанский университет.

Большая часть студенческого корпуса Казанского университета в 1800–1820-е гг. являлась выпускниками губернской духовной семинарии, имевших достаточный уровень знаний для их дальнейшей профессиональной подготовки [2]. Таким образом, возможным контингентом будущих учителей уездных училищ становились выходцы из духовного сословия, которые, как правило, предпочитали духовной службе светскую [3, с.115]. Возможность получить по окончании университета классный чин и дальнейшую выслугу, а также автоматически выйти из духовного сословия, были для них весьма сильной мотивацией. Преподавательская должность воспринималась ими как более свободное, хорошо обеспеченное и перспективное занятие. По этой причине выпускники редко оставляли учительскую службу, а большинство преподавателей работали в этой должности до пенсии.

Именно среди духовного сословия встречалось самое большое количество законоучителей уездных училищ, имевших достаточно знаний и навыков и готовых посвятить себя учительским занятиям. Многочисленность представителей духовного сословия среди преподавателей народных школ объяснялось также тем, что ни одно из сословий того времени не заботилось об образовании своих детей так, как духовное.

Затрагивая тему потенциальных кандидатов на учительскую должность среди студентов Казанского университета, отдельно стоит затронуть проблему распределения его выпускников в уездные училища. Распределение по «учительским местам» до 30-х гг. XIX в. проводил Совет Казанского университета. В течение года от губернской дирекции училищ попечителю учебного округа поступала информация о свободных вакансиях, которые предлагались выпускникам. Зная об этих вакансиях за полгода до окончания университета, студенты давали письменное согласие занять то или иное вакантное место. Так, например, в 1818 г. Совет университета распределил своих выпускников И. П. Аташева и Р. Платонова в Чистопольское и Цивильское уездные училища. Однако вскоре после этого Р. Платонов подал прошение о том, что выехать в данное уездное училище не может по состоянию здоровья. Тогда Совет обратился к попечителю Казанского учебного округа М.А. Салтыкову с просьбой пересмотреть распределение Р. Платонова. М.А. Салтыков согласился и вместо Платонова был отправлен выпускник А. И. Засодимский, который предварительно дал на это свое согласие [4]. Таким образом, университет считался с пожеланиями своих студентов по распределению на учительские места, пытаясь при этом закрывать вакансий желающими. Совет полагал, что молодые учителя, отправляясь на работу по собственному желанию, а не по принуждению работали качественнее и усерднее. Вместе с тем, все это приводило к тому, что неудобные вакансии долго оставались незакрытыми.

Выпускники приезжали в уезды, как правило, не с пустыми руками. При распределении студентов в уезды на учительские места, помимо прогонных денег, им иногда

безвозмездно могли выделить от университета учебные книги и некоторую сумму денег. Однако подобного рода практика не была широко распространена. Ситуация начинает меняться к концу 20-х гг. XIX в. Так, в феврале 1828 г. было утверждено новое положение Комитета Министров о назначении пособия студентам университета при определении их в учителя. Согласно этому положению, молодым учителям выделялись денежное пособие в 50 руб. и «казенное платье и прочие казенные вещи, кроме кровати и постели». Правда, при этом указывалось, что стоимость вещей и денежное пособие необходимо было вернуть [5]. Таким образом, материальная помощь неимущим студентам фактически стало производиться в рассрочку за их же счет.

Как уже было выше отмечено, подготовкой учительских кадров для уездных училищ занимались также средние учебные заведения, в частности духовные семинарии. В связи с продолжающимся отсутствием педагогических кадров в уездных школах, министерство народного просвещения разрешило принимать на учительскую должность семинаристов, которые окончили полный курс учения в семинариях. Окончив семинарию, они могли самостоятельно определиться на службу в училищное ведомство.

Семинаристам, желающими стать учителями школы, необходимо было сначала в течение определенного времени изучать методические и педагогические приемы работы в уездных училищах, и только после этого им разрешалось работать в школе. Так, выпускниками семинарий, поступившими на учительскую службу в уездные училища в 20–40-е гг. XIX в. стали: С. Г. Каменский, И. Б. Анисимов, П. Михайловский, Д. Триадский, А. Бакулевский и др. С 1815 г. учителями уездными училищ могли стать семинаристы, не окончившие полный семинарский курс обучения. Невысокий социальный статус и стремление семинаристов работать на госслужбе, отсутствие свободных вакантных мест священнослужителей побуждало их менять сферу деятельности.

Другим учреждением, осуществлявшим подготовку учительских кадров для уездных и приходских училищ, были губернские гимназии и сами уездные училища. Как правило, выпускники гимназий отправлялись на должность учителей уездных училищ, а выпускники уездных – учителей приходских училищ.

Стоит отметить еще одно учебное заведение, осуществлявшее подготовку учителей в конце XVIII – начале XIX вв. Педагогами уездных училищ могли стать также выпускники Главного народного училища. Среди данной категории преподавателей уездных училищ Казанской губернии были: К.Г. Добронравов, Е. Лебедев, В.И. Попов, П.М. Уланов и другие [6]. Другими словами, стать учителем уездного училища могло любое лицо, имеющее аттестат об окончании университета, педагогического института, духовной семинарии, губернской гимназии или даже уездного училища. Однако методике преподавания учебных дисциплин, психологию, педагогику будущие преподаватели могли обучиться лишь в университетах. Другие учебные заведения в первой половине XIX в. подобных знаний не давали.

С целью заполнения свободных преподавательских вакансий с 1812 г. разрешалось принимать на преподавательскую службу граждан из податных сословий, уволенных из мещанских, обывательских или купеческих обществ, а также вольноотпущенных, отличившихся талантами, знаниями наук или изящных искусств [7, с.170]. Они обязаны были дать подписку на шестилетнюю работу в училище. Данный указ частично решил кадровую проблему

уездных училищ, однако несколько понизился образовательный уровень педагогического состава российских школ.

В целом же, в течение первой половины XIX в. происходил постепенный рост образовательного уровня учителей Казанской губернии. С целью проследить динамику образовательного уровня учителей в первую половину XIX в., была составлена таблица, представленная ниже. В число педагогов уездных училищ, представленных в таблице, вошли также и учителя Главного и малых народных училищ ввиду того, что последние (после преобразования народных училищ в уездные) продолжили свою преподавательскую деятельность в уездных училищах Казанской губернии.

Таблица 1

Образовательный уровень преподавателей училищ Министерства народного просвещения в Казанской губернии в 1804–1850 гг.

	Казанская губерния в 1804–1824 годах	Казанская губерния в 1825–1850 годах
Университеты, академии, институты	18 %	29 %
Духовные семинарии	31 %	19 %
Гимназии	30 %	41 %
Уездные училища	7 %	2 %
Главные и Малые народные училища	10 %	5 %
Без образования	4 %	4 %

В ходе исследования выяснилось, что количество выпускников университетов, академий и институтов, работавших в уездных училищах Казанской губернии за первую четверть XIX в. составили 18%. Большая часть из них являлись студентами Казанского университета, выполнявшего основную роль подготовки учительских кадров для уездных школ учебного округа. Однако, важно отметить, что значительная часть преподавателей по тем или иным причинам не проходила весь университетский курс обучения.

Как правило, выпускники университетов не задерживались в уездных училищах надолго, так как могли претендовать на более высокие должности. Так, например, П.В. Траубенберг, закончивший историко-филологический факультет Казанского университета, будущий преподаватель Учительского института и автор ряда книг, проработал в уездном училище всего лишь один год (1835 г.) [8, с. 116].

Как видно из таблицы произошло уменьшение числа преподавателей, окончивших духовные учебные заведения. Если в первой четверти XIX в. в уездных училищах Казанской губернии работал 31 % таких учителей, то во второй четверти уже 19 %. В основном, это было связано с тем, что во второй четверти XIX в. семинаристам было запрещено поступать в

университет. Высшее образование они могли получать в духовных академиях или работать приходскими священниками.

В то же время наблюдается увеличение количества учителей, окончивших губернские гимназии. Так, согласно отчетам дирекции училищ об учительских кадрах, во второй четверти XIX в. их количество возросло 30 % до 41 % в несколько раз. Увеличение числа преподавателей, как правило, было связано с открытием в 1835 г. Второй Казанской гимназии, где училась большая часть учителей уездных училищ.

Другим же фактором, повлиявшим на данное положение, стало отражение правительственной политики по обучению казеннокоштных учеников гимназий для общеобразовательных учреждений. Данный тип учеников гимназий, как правило, не мог себе позволить дальнейшее обучение в университетах, предпочитая преподавательское поприще в начальных школах.

Для образовательной системы все первой половины XIX в. невысокий процент выпускников уездных училищ среди учительства стало характерным явлением (в среднем 5–7 %). В основном, выпускники этих учебных не были мотивированы занимать должность преподавателя. Как правило, их не устраивало жалованье и фактическое отсутствие дальнейшего карьерного роста. Лишь небольшая часть из них продолжила свое образование, поступая в гимназии. Большинство же учеников выпускались из школы, стремясь скорее занять какую-либо должность в гражданском ведомстве.

Незначительный процент от общего числа преподавателей Казанской губернии составляли выпускники Главных и Малых народных училищ. Во второй четверти XIX в. их число резко сокращается в связи с переходом народных училищ в статус уездных.

В уездных училищах работали также преподаватели, которые не имели никакого образования. Чаще всего, обладая хорошим почерком и владея навыками художества, они становились учителями рисования, черчения и чистописания. Их численность в процентном соотношении оставалась неизменной в течении всей первой половины XIX в.

Заключение

Исходя из вышеперечисленного можно заключить, что правительственная политика в отношении образовательного уровня учительских кадров имела положительные результаты, о чем свидетельствуют отчеты Казанской дирекции и формулярные списки учителей народных училищ. За первую половину XIX в. усилиями Министерства народного просвещения, в основном, был решен кадровый вопрос начальных школ. Несмотря на то, что по уровню подготовки учительская корпорация уездных училищ Казанской губернии представляла собой довольно неоднородную массу, к концу первой половины XIX в. прослеживается тенденция к росту образованности учителей уездных училищ Казанской губернии.

Библиографический список

1. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т. 2. Педагогические статьи 1857–1861 гг. – М.; Л.: Издательство Академии педагогических наук, 1948. – 655 с.
2. Об определении в статскую службу, токмо уволенных из духовного звания, которые окончили полный курс учения, дата // ПСЗ. Собр. 1. – СПб, 1830. – Т. 32. – № 25506. – С. 702–703.
3. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Л. Манчестер. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 439 с.

4. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 307. 50 л.
5. О назначении пособия студентам университета при определении их в учителя // ПСЗ. Собр. 2. – СПб, 1828. – Т. 3. – № 1809. С. 146–148.
6. ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 186, 264.
7. Полякова Н. В. Складывание российской системы образования / Н.В. Полякова // Социально-политический журнал. – 1998. – № 3. – С. 163–178.
8. Суходоев Н.С. Начальное образование в городах Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук / Н.С. Суходоев. – Казань, 2002. – 260 с.

МЕДИА ПРОТИВОСТОЯНИЕ США И РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПРЕЗИДЕНТСТВА В.В. ПУТИНА И Д. ТРАМПА

Шарапов Антон Михайлович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: antonsharapov01@yandex.ru

*Научный руководитель – Летяев Валерий Алексеевич, д.ю.н., профессор
кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. Современные медиа ресурсы неразрывно связаны с «мягкой силой» государств и воплощают свои идеи через цифровую дипломатию. В статье сделан вывод о том, что США задают темп в медиа сфере, благодаря их «близости» к цифровым IT гигантам. Россия же имеет свой собственный стиль ретрансляции политического дискурса в цифровом поле, но, на данный момент она реализуется, в основном, в виде контрмер.

Ключевые слова: медиа-политика, информационная война, российско-американские отношения, социальные сети в международных отношениях, публичная дипломатия.

MEDIA CONFRONTATION BETWEEN THE USA AND RUSSIA DURING THE PRESIDENCY OF V.V. PUTIN AND D. TRUMP

Sharapov Anton Mikhaylovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: antonsharapov01@yandex.ru

Abstract: Modern media resources are inextricably linked with the "soft power" of states and embody their ideas through digital diplomacy. The article concludes that the United States sets the pace in the media sphere, thanks to its "proximity" to digital IT giants. Russia, on the other hand, has its own style of relaying political discourse in the digital field, but, at the moment, it is implemented mainly in the form of countermeasures.

Keywords: Media-politic, information war, Russian-American relationships, social media in international relationships, public diplomacy.

Введение

С началом XXI века, в связи с интенсивным развитием цифровых технологий, отмечается растущее влияние медиа контекста на важнейшие сферы международной системы. Благодаря растущему количеству медиа-инструментария международная система политических отношений изменилась в своем проявлении и взаимодействии как с другими акторами, так и с обществом.

В статье ставится цель определить уровень использования медиа-инструментов в США и России и их эффективность в контексте развития публичной дипломатии в период президентства Путина В.В. и Дональда Трампа. Для реализации поставленной цели выполняются несколько задач. Прежде всего, необходимо выделить степень развития цифровой дипломатии в

каждом из выбранных государств. Следующей задачей требуется оценить способы реализации данных инструментов со стороны России и США в рамках соответствия передовым технологиям. Автор рассматривает официальные документы на сайтах правительств, сообщения в популярных социальных сетях, опираясь на научные труды авторитетных российских и иностранных учёных в сфере изучения медиа в международных отношениях.

По мнению И. Манора и Е. Сегева, на сегодняшний день, самым сильным эффектом обладают социальные сети. Использование данной технологии в политических целях породило понятие «цифровой дипломатии». Следуя их идее, государства получили невероятное оружие по контролю за своей репутацией, имиджем, а также влиянию на необходимые субъекты [1, с. 99]. Кроме того, вышеназванные авторы отмечают, что государственная цифровая дипломатия подразделяется на 2 уровня ее ретрансляции – Министерство иностранных дел и посольства. Обладая подобной структурой, страны могут эффективно разделить свои цели по уровню взаимодействия и далее адаптировать внешнеполитические сообщения под уникальные особенности выбранной аудитории в рамках культуры, этики, уровня влияния, ценностей и традиций.

Руководство США определяет цифровую дипломатию как метод взаимодействия с международной аудиторией посредством использования социальных сетей, с опорой на крупных IT гигантов в сфере медиа [2, с. 40–44].

Некоторые исследователи считают, что значительное развитие цифровой дипломатии США произошло в 2002–2003 году благодаря решению Джорджа Буша-младшего о дублировании важных международных политических медиаресурсов США в интернет. Данный период можно определить, как отправную точку ускоренной трансформации публичной дипломатии США в сети интернет [2, с. 52–55].

Следующей вехой повышения уровня использования медиа в публичной дипломатии стал период президентства Б. Обамы. В 2011–2013 г. США ратифицировали один из самых важных документов в данной сфере – «Стратегический план развития информационных технологий в 2011–2013 гг.: цифровая дипломатия» [3], новые средства коммуникации стали рассматриваться правительством, как связующее звено между обществом и аппаратом публичной дипломатии, а также как средство вовлечения пользователей в диалог с властью. С 2009 г. Государственный департамент США активно начал демонстрировать свою деятельность в социальных сетях - Twitter, YouTube и Facebook.

По словам А.А. Малькевича, зарубежные эксперты сходятся во мнении, что именно Б. Обама стал родоначальником использования социальных сетей в предвыборных гонках. В ходе президентской кампании 2008 г. задал определённый вектор будущего развития публичной дипломатии США, используя Facebook и Twitter. В то же время был запущен в сеть сайт будущего президента www.barackobama.com для сторонников его предвыборной кампании. Обама стал первым действующим президентом США, появившимся в американских ток-шоу, имевших молодую целевую аудиторию и свои каналы на Youtube. Своими достижениями Обама обязан PR-менеджеру Дэну Пфайферу, который выделил 3 основные цели при разработке плана по использованию медиа-инструментов в предвыборной кампании [4]:

- 1) отработать каналы коммуникации, которыми пользуется все большее количество людей;
- 2) заслужить доверие у лидеров мнений;
- 3) показать подлинное, человеческое лицо президента и его команды.

Вершиной айсберга американской цифровой дипломатии можно назвать подход Дональда Трампа, который смог по максимуму использовать потенциал социальных сетей и всех медиа как во внутренней, так и внешней политике. Немаловажными факторами его неоднозначного успеха стали предшествующий опыт в шоу-бизнесе, увлекательная для массового зрителя история бизнес-успеха, а также харизматичная личность.

Д. Трамп ввел новое понятие при использовании социальных сетей в своей политике – «Twitter дипломатия», с помощью которой ему удалось увеличить вовлеченность граждан посредством публикаций идей по решению актуальных государственных вопросов или обычных оценочных комментариев по насущным политическим темам.

По мнению бывшего госсекретаря США Майка Помпео Twitter представляет из себя «невероятно эффективное» средство коммуникации [5]. Используя эту социальную сеть, Вашингтон очень быстро получал необходимую аналитику общественного мнения и информацию по необходимому вектору воздействия на те или иные вопросы, а также Twitter помогал крайне быстро получать реакцию мировых лидеров.

Неоднозначное внимание вызвала тема о ложном влиянии России на выборные процессы в США при содействии в этом Д. Трампа. В рамках подобных обвинений, 45 президент США ответил следующее (Russia Collusion. Witch Hunt, Russia meddling): "Just Out: House Intelligence Committee Report released. "No evidence" that the Trump Campaign "colluded, coordinated or conspired with Russia." Clinton Campaign paid for Opposition Research obtained from Russia. Wow! A total Witch Hunt! MUST END NOW!" (Только что опубликовано: сенатский комитет по разведке заявил. «Нет доказательств», что в ходе своей кампании Трамп «вступил в сговор, координировал свои действия и тайно договорился с Россией». Клинтон заплатила за компромат, полученный из России. Ничего себе! Настоящая охота на ведьм! ЭТО ДОЛЖНО ЗАКОНЧИТЬСЯ!) [6].

Таким образом, пример атакующей и защитной позиции Трампа всего лишь в одном сообщении, показал, как американский истеблишмент ловко адаптировал современные ИТ-технологии под политические нужды, поменяв правила игры.

Российская Федерация, будучи одним из наиболее сильнейших акторов на международной арене, однозначно ставит перед собой задачи по укреплению своего имиджа и позиции в существующей системе международных отношений. По этой причине, особое значение во внешней политике РФ начинает приобретать публичная и цифровая дипломатия для формирования положительного образа страны в международном сознании. Основываясь на данной необходимости, Россия предприняла ряд мероприятий по увеличению своего положительного медийного веса. Создание ориентированного на международное вещание канала «Russia Today» (RT), организация чемпионата мира по футболу 2018 г. являются яркими примерами стремления российской политической элиты улучшить существующий имидж России за рубежом.

Учитывая вышеназванные события, стоит отметить внешнеполитические усилия РФ по реализации цифровой дипломатии. Данную тему можно разделить на 3 направления [7, С. 52–53.]:

- 1) использование микроблогинга «Twitter»;
- 2) использование контента на видеохостинге «Youtube»;
- 3) размещение постов в социальной сети «Facebook».

Указанные медиа-ресурсы представляют собой тройку самых востребованных инструментов внешнеполитической деятельности государств в социальных сетях.

Ведущую роль в совершенствовании и продвижении интересов России с помощью «Youtube» играет российская телевизионная компания RT, у которой есть собственные каналы на английском, арабском, испанском и русском языках. Количественный показатель аудитории RT до ее закрытия на сервисе в начале 2022 года обгонял своих западных «коллег» - немецкая «Deutsche Welle», французская «France24», американская «CNN», катарская «АльДжазира» [8].

Обратимся к работе подведомственного МИД РФ организации – Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Оно взаимодействует со русскоязычной аудиторией через самые популярные социальные сети: Twitter, Facebook, Instagram, и Вконтакте. Помимо поддержки соотечественников и русского языка в мире, Россотрудничество также отвечает за содействие развитию российской науки, культуры и образования за рубежом [9]. Однако, стоит заметить, что аккаунты Россотрудничества ведутся исключительно на русском языке. Такой подход является блокирующим фактором по достижению диалога с аудиторией, только интересующейся русским языком или как-то с ним связанной.

По результатам проанализированной информации определим 2 различных подхода к реализации публичной дипломатии – со стороны США и России. Благодаря историческому методу исследования получилось проследить эволюцию публичной дипломатии с использованием современных медиа ресурсов двух государств с различными политико-экономическими стартовыми позициями. Далее, используя историко-сравнительный метод и полученный ранее перечень выводов, удалось найти главные отличительные особенности и перспективы развития.

Согласно полученной информации, с учётом историко-экономических особенностей, можно проследить определённое отставание публичной дипломатии РФ от современных инструментов медиа политики для реализации «мягкой силы» в зарубежных странах на заданный период времени. В первую очередь, это проявляется в подходах ретрансляции политических идей на международную аудиторию. Определенно можно выделить несколько точек роста для России, к которым пришли США во время президентства Трампа.

Во-первых, социальные медиа стали укреплять индивидуальную власть отдельных политиков вне системы. Начинаящие государственные деятели и опытные титаны международной деятельности при современных реалиях могут одинаково влиять на социум при использовании современных подходов цифровой дипломатии. Пример использования социальных сетей и общественных медиа Д. Трампом показал, как эффективным может стать правильный маркетинговый подход во внутренней и внешней политике. Одним сообщением субъект государственной политики способен достичь любую аудиторию, в любом количестве, любом

месте и без помощи бюрократического аппарата, оказывая влияния на экономику, политику или общественное мнение.

Подход российских медиаресурсов построен на основе централизованных обращений или заявлений руководящих лиц и президента. Данный подход не соответствует современным параметрам медиа-политики по скорости поступления информации – стратегические движения нужно разбавлять тактическими шагами.

Коммерческие приёмы медиа компаний стали внедряться во внешнеполитический контекст с весьма высокими результатами. На данном этапе уже существуют зачатки обновления в медиа зоне российских политиков, однако, руководящий состав РФ до сих пор не использует полный потенциал цифровых технологий в международных отношениях в стиле «публичной дипломатии 2.0», руководствуясь устоявшимися подходами.

Вторым фактором роста можно отметить уровень взаимодействия с электоратом и зарубежной аудиторией. США подобрали внушительный алгоритм воздействия на международную повестку посредством информационных вбросов, а также агитационных постов в социальных сетях. Важнейшим обновлением в новой концепции коммуникации является обратная связь. Политики больше не ведут монолог, выстраивают взаимодействие с целью коммуникации. Такой подход многократно увеличивает вовлеченность людей, чем умело пользуется большинство западных госструктур, неправительственных организаций, а также ведущие политические деятели.

В сегодняшней внешнеполитической повестке Российской Федерации слабо представлено прямое взаимодействие высшего руководства с иностранными слушателями. Этот элемент неимоверно важен для полноценного поддержания имиджа России и развития потенциала «мягкой силы» в иностранном обществе.

Подводя итог отметим, что «публичная дипломатия 2.0» полностью изменила правила игры в международном информационном поле. Неукоснительное увеличение технологических новшеств способствуют многократному развитию меди-инструментов для воздействия на внешнюю политику. Ведущие акторы международных отношений во главе с США значительно продвинулись в адаптации IT- решений под нужды государственной машины. Россия же, тем временем, ещё находится на стадии определения собственного медиа-алгоритма для установления чёткой системы государственного медиа-аппарата, имея при этом собственный стиль и перспективы уникального развития в цифровой дипломатии.

Библиографический список

1. IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 – Digital Diplomacy. – URL: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/rls/148572.htm> (дата обращения: 01.05.2023).
2. Solomon R.H. The Internet and the Diffusion of Diplomacy / R.H. Solomon // U.S. Foreign Policy: An Electronic Journal of the U.S. Department of State. – 2000. – Vol. 5(1). – P. 40–44.
3. Manor I. Segev C. America's selfie: How the US portrays itself on its social media accounts / I. Manor, C. Segev. – New York, NY: Routledge, 2015. – P. 89–108.
4. Баранова Т.В. «Новые медиа» как инструмент цифровой дипломатии США / Т.В. Баранова // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. – 2020. – Т. 3. – С. 52–55.
5. Малькевич А.А. Новые подходы успешных американских политиков к работе с медиа в современных условиях (на примере Барака Обамы и Дональда Трампа) / А.А. Малькевич // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 3(9). – С. 81–90.

6. Головешко М.М. Анализ информационной политики Д. Трампа в социальных сетях общего характера / М.М. Головешко // Вестник СНО ДонНУ. – 2021. – № 13.

7. Зуйкина К.Л. Цифровая дипломатия Госдепартамента США: эффективность воздействия на зарубежную аудиторию (опыт социологического исследования в России) / К.Л. Зуйкина // Медиальманах. – 2014. – № 3. – С. 50–57.

8. Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешней политике российской федерации: проблемы и перспективы развития / А.Н. Марчуков // Вестник Московского университета. – 2014. – № 3.

9. Положение о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. – URL: <https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/04/polozhenie-orossotrudnichestve.pdf> (дата обращения: 04.03.2023).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Шарапов Марсель Айратович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: sharapov1993@list.ru

*Научный руководитель – Усманова Диляра Миркасымовна, д.и.н., профессор
кафедры отечественной истории,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены исторические предпосылки становления малого предпринимательства в Республике Татарстан. Автором отмечены политические и экономические изменения, происходившие в стране, которые коренным образом повлияли на формирование предпринимательских структур в регионе. Отмечается важность рыночных преобразований, создание современной рыночной инфраструктуры и рыночно мотивированных экономических субъектов в рассматриваемый период. Автор указывает на то, что в ходе экономических реформ были пересмотрены законы об ответственности за хозяйственные преступления и приняты законы, регулирующие деятельность новых субъектов хозяйствования.

Ключевые слова: предпринимательство, свобода предпринимательства, становление малого предпринимательства, становление малого предпринимательства в Республике Татарстан.

HISTORICAL PREREQUISITES FOR SMALL BUSINESS IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Sharapov Marsel Ayratovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: sharapov1993@list.ru

Abstract. The present document considers the historical prerequisites for the formation of small business in the Republic of Tatarstan. The author noted the political and economic changes that took place in the country, which fundamentally influenced the formation of entrepreneurial structures in the region. The importance of market transformations is noted, the creation of a modern market infrastructure and market-motivated economic entities during the period under review. The author points out that in the course of economic reforms, laws on responsibility for economic crimes were revised and laws governing the activities of new business entities were adopted.

Keywords: entrepreneurship, freedom of entrepreneurship, formation of small business, formation of small business in the Republic of Tatarstan.

Введение

В конце 20-го века малое предпринимательство на территории Республики Татарстан начало активно развиваться, но корни этого явления уходят в далекие 80-е и 90-е годы прошлого века.

Принципиальными историческими предпосылками развития малого бизнеса в регионе стали политические и экономические изменения, происходившие в стране. В этот период главными событиями на политической арене стали развал Советского Союза и переход России к рыночной экономике. Эти процессы привели к росту децентрализации экономической власти и появлению новых территориальных центров в стране. Также в это время начали массово развиваться формы частной собственности, в том числе малый бизнес.

В Республике Татарстан малое предпринимательство начало развиваться уже в конце 80-х годов, когда на месте колхозов и совхозов начали создаваться небольшие землепользования, а затем и промышленные предприятия. В то же время начал формироваться благоприятный инвестиционный климат и появляться свобода предпринимательства.

Таким образом, исторические предпосылки становления малого предпринимательства в Республике Татарстан в 1980–1990-х годах связаны с политическими и экономическими преобразованиями, происходившими в стране. Кроме того, значительное влияние на развитие малого бизнеса оказали местные особенности региона, которые формировались на протяжении многих десятилетий.

Методы исследования

В основу изучения темы нами были положены общенаучные принципы: объективности, исключающей возможность предвзятости использования и интерпретации фактов; и историзма, требующего рассмотрения изучаемых процессов, явлений и противоречий во взаимосвязи, взаимообусловленности с другими процессами, протекающими вне объекта исследования. Специфика изучаемой темы обусловила применение принципа антропоцентризма, предполагающего рассмотрение предпринимательской деятельности населения в повседневных условиях исторической действительности. Кроме того, автор активно использовал в работе проблемно-хронологический, логический, структурно-функциональный, историко-генетический, ретроспективный и историко-сравнительный методы.

Результаты и их обсуждение

Основой для планомерного развития предпринимательства в Республике Татарстан и, в частности, в городе Казани, стала государственная политика, реализованная во второй половине XX века в сфере экономики и промышленности. Согласно статье 6 Конституции СССР 1977 года [1], советская экономика строилась на принципе государственного планирования, включающего централизованное управление и хозяйственную самостоятельность предприятий и организаций. При этом широко использовался хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость и другие экономические инструменты для стимулирования экономического роста в машиностроении, металлургии, химической и энергетической (в том числе атомной) промышленности [2].

Однако, к середине 1980-х годов стало понятно, что экономическое развитие страны не идет по плану, что способствовало ряду недостатков в разных секторах экономики. Медленное наращивание производства товаров народного потребления, выпуск продукции, не пользующейся спросом у потребителей, серьезные проблемы в развитии агропромышленного сектора,

отсутствие материальной заинтересованности работников в результатах своего труда и прочие недостатки приводили к неудовлетворительным результатам [3].

Попытки внедрить личную заинтересованность работников в управление экономикой не приносили желаемого эффекта, как показал эксперимент на Щекинском химическом объединении «Азот». Хотя внедрение системы стимулирования высокопроизводительного труда привело к увеличению выпуска продукции и росту производительности труда, но распространение этого метода в других предприятиях сопровождалось многочисленными изменениями условий эксперимента, что снижало заинтересованность предприятий в высвобождении персонала, техническом перевооружении и поиске резервов [4].

В условиях тотального дефицита, кустарные производства стали заполнять ниши, в которых практически полностью отсутствовали товары, производимые крупными предприятиями. Многие малые предприятия и хозяйства предоставляли свои помещения и площади работникам, которые занимались производством товаров народного потребления, таких как украшения, швейные изделия, стеклоделательные и другие. Эти кустарные товары пользовались большим спросом у населения, и их можно было купить даже в специализированных магазинах. Конечно, все это было лишь малой частью множества факторов, которые сформировали экономический ландшафт Республики Татарстан и города Казани в XX веке.

В результате развития рыночных отношений, большинство производств исчезли. Государство, стремясь преодолеть кризис в экономике, существенно изменило правила функционирования социально-экономической системы. Это отразилось в принятии Закона СССР о коллективных трудовых спорах, который предоставил коллективам право на забастовки [5]. Также принятый Закон о собственности в СССР [6] изменил приоритетные аспекты собственности, установив приоритет гражданской собственности, затем коллективной и только после государственной. Соответствующие изменения были внесены в Конституцию СССР, предоставив гражданам право владения имуществом, включая средства производства. В 1990 году был принят Закон о предприятиях [7], который предоставил новые формы собственности граждан, такие как индивидуальные и семейные предприятия, а также предприятия на базе коллективной собственности.

Не все в обществе сразу же приняли принципы рыночной экономики. Многие продолжали считать предпринимательскую деятельность несправедливой и паразитической. В такой ситуации руководство СССР принимает Концепцию перехода к регулируемой рыночной экономике [8]. Однако на пути реформирования экономики возникали противоречия и задержки. Так, главное решение было отложено, из опасения ухудшения ситуации в стране. В любом случае, начальный этап реформ большим образом изменил экономическую систему страны, открыв для развития частного предпринимательства, акционерных обществ и индивидуальных предприятий.

В период перехода к рынку, регионы России не всегда согласовывались с центральными мерами, разрабатывая свои экономические программы. В 1990 году в РСФСР была создана Программа 500 дней, которая разрабатывалась под руководством академика Шаталина С.С. [9] Однако непоследовательность союзного руководства и расхождение взглядов между Горбачевым М.С. и Ельциным Б.Н. обострили ситуацию в стране [10].

Высшие органы законодательной и исполнительной власти РСФСР принимали законы и постановления, изменяющие статус хозяйствующих субъектов, что усиливало

заинтересованность власти в развитии хозяйственной инициативы массы производителей. В рамках программы радикальных реформ, представленной в 1992 году правительством России, предполагался отказ от политики государственного контроля и либерализация законодательства в сфере экономической деятельности [11].

Рыночные преобразования должны были обеспечиваться созданием современной рыночной инфраструктуры и рыночно мотивированных экономических субъектов. В ходе реформы были пересмотрены законы об ответственности за хозяйственные преступления и созданы законы, регулирующие деятельность новых субъектов хозяйственной жизни [12].

В период переходного периода экономическая теория исследовала пути трансформации через создание рыночной инфраструктуры, а не через проблемы отдельных отраслей экономики.

Либеральное руководство стремительно ломало основы бывшей системы государственного экономического устройства, пересматривая законы и регулируя деятельность новых субъектов хозяйственной жизни, рынок ценных бумаг и внешнеторговую деятельность. Однако некоторые законы, например, о борьбе со спекуляцией, уже не говорились в нормативно-правовых актах после 1992 года, хотя некоторые спорят о целесообразности их восстановления [13-14]. В целом этот период был связан с принятием нового УК и изменением многих правил операций в различных сферах экономики.

Заключение

Реформы, проводимые в 90-е годы в Российской Федерации, вызывали постоянные дополнения и изменения УК в период с 1999 по 2005 годы. Наиболее заметная тенденция заключалась в отказе от устаревших юридических норм, таких как выполнение государственных планов и приписки, которые стали сомнительными в связи с изменением системы хозяйствования. В 1999 году Законом РСФСР была отменена уголовная ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество, а также смертная казнь была отменена за нарушение правил валютных операций и хищение в особо крупных размерах.

Это говорит о том, что в период рыночных преобразований 80-х и 90-х годов важно было обеспечить адекватное правовое обеспечение масштабных экономических реформ в России. Однако создание стабильного закона, в том числе уголовного, в условиях переходного периода оказалось сложной задачей.

В результате постоянных изменений в правилах экономической игры, проводимых в начале 90-х годов, отечественные бизнесмены начали уходить от государственного вмешательства, что способствовало развитию теневой экономики. Отсутствие действенного государственного контроля в переходный период привело к созданию системы олигархического капитализма, вместо обеспечения людям благ свободного предпринимательства через приватизацию.

Библиографический список

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 окт. 1977 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

2. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева 26 февр. 1986 г. // Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1986. – С. 24–32.

3. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1986. – С. 24–44.
4. Разуваева Н. Н. Противоречия и трудности социально-экономического развития СССР в 1961–1985 гг. // Н. Н. Разуваева // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди / Под общ. ред. А. Т. Кинкулькина. – М.: Политиздат, 1989. – С. 327–345.
5. Закон СССР от 9 октября 1989 г. N 580-I «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 18. – Ст. 342.
6. Закон СССР от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 11. – Ст. 164.
7. Закон от 4 июня 1990 г. «О предприятиях в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 25. – Ст. 460.
8. Шамхалов Ф.И. О государственной поддержке предпринимательства в России / Ф.И. шамхалов // Проблемы теории и практики управления. – 1998. – № 2. – С. 48–49.
9. Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-Информ, 2010. – С. 51.
10. Российская газета. – 1991. – 29 окт.
11. Советская Россия. – 1991. – 29 окт.
12. Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики / А. Ослунд. – М., 1996. – 430 с.
13. Закон. – 2001. – № 9.
14. Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1867; Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1992. – № 33. – Ст. 1912.

ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА ШИРВАНШАХОВ С МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Юрдакал Осман

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
E-mail: osmaanyurdakal@gmail.com*

*Научный руководитель – Хайрутдинов Рамиль Рашидович, к.и.н., доцент,
директор Института международных отношений,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. В данной работе отношений между государствами Ширваншахов и Московским, которые начались раньше, чем это утверждалось. В отечественной историографии основное внимание уделялось торговым отношениям между Государством Ширваншахов и Московским государством в 15 веке. Фактически эти отношения начались с 10 века. В этом исследовании подчеркивается, что установившиеся двусторонние отношения носят не только торговый, но и дипломатический характер. В 15 веке главы двух государств отправляли своих послов друг к другу для выстраивания крепких взаимоотношений. Были попытки создать торговые и дипломатические союзы, но в начале 16 века эти отношения прекратились.

Ключевые слова: Государство Ширваншахов, Московское государство, Торгово-дипломатические отношения, Фаррух-Ясар.

RELATIONS OF THE STATE OF SHIRVANSHAHS WITH THE STATE OF MOSCOW

Yurdakal Osman

*Kazan (Volga Region) Federal University,
E-mail: osmaanyurdakal@gmail.com*

Abstract. In this work, relations between the states of the Shirvanshahs and Moscow, which began earlier than it was claimed. In Russian historiography focused on trade relations between the State of the Shirvanshahs and Muscovy in the 15th century. In fact, these relations began in the 10th century. This study emphasizes that the established bilateral relations are not only commercial, but also diplomatic. In the 15th century, the heads of the two states sent their ambassadors to each other to build strong relationships. There were attempts to create trade and diplomatic alliances, but these relations ceased in the early 16th century.

Keywords: State of the Shirvanshahs, Moscow State, Trade-diplomatic relations, Farrukh-Yasar.

Введение

Ширваншахи возникли на северных границах государства Сасанидов (современные Азербайджан, Иран, Турция, Россия, Грузия, Армения) в VI в. Государство Сасанидов установило здесь полунезависимую форму правления, чтобы защитить себя от набегов кочевников с севера [1, с. 211]. Дербентский перевал, соединяющий север Кавказа с югом и

являющийся важным местом, также находился под контролем Ширваншахов. Сасанидское государство, разместившее здесь гарнизоны, таким образом предохранялось от нападений с севера. Поэтому Ширваншахи имели важное стратегическое значение.

Границами государства Ширваншахов являются Кавказские горы на севере, Каспийское море на востоке, река Кура на юге и Грузия на западе. В этом государстве были такие города, как Шемаха, Баку, Дербент, Езидие и Кабала. Наиболее важными из этих городов являются Шемаха, Дербент и Баку. Шемаха – один из старейших городов государства [2, с. 25]. Он также служил столицей государства на протяжении нескольких столетий. Город также имеет форму торгового центра. Через город Шемахы проходило много купцов и караванов. Среди этих купцов были и русские купцы. Другим важным городом государства Ширваншахов является город Баку. Город был захвачен Ширваншахами в 11 веке, а Баку стал столицей Ширваншахов в 12 веке [3]. Город Дербент – древнейший город Ширваншахов. Поскольку Дербент был городом-портом, он с древних времен был важным торговым центром, связывающим страны Северного Кавказа и Восточной Европы со странами Средней Азии [4, с. 3]. Дербент продолжал оставаться торговым центром после того, как был завоеван арабами-мусульманами. Торговые товары, предназначенные для отправки за границу, распределялись здесь и перевозились морем из Дербентского порта.

Полунезависимые Ширваншахи, созданные Сасанидским государством для защиты своих северных границ, некоторое время продолжали оставаться мухафазой под контролем Сасанидского государства. С исчезновением государства Сасанидов с арабскими завоеваниями в 7 веке регион перешел под контроль арабов-мусульман. Поскольку стратегическое значение региона было известно во времена халифов и Омейядов, регион тщательно управлялся центром. С ослаблением Аббасидского халифата в IX и X веках регион стал независимым.

Государством Ширваншахов управляла семья сасанидского происхождения, принадлежавшая к династии Ширваншахов с 497 по 861 год нашей эры. С ослаблением государства Аббасидов регионом правила династия Мазйаиды арабского происхождения между 861–1027 годами. С ослаблением династии Мазйаиды регион перешел под контроль другой династии под именем Кесраниды между 1027–1382 гг. С исчезновением династии Кесраниды регион окончательно перешел под контроль дербендской семьи в 1382–1524 гг. [5, с. 208].

Отношения Ширваншахов с Московским Государством

Вопреки известному, отношения между Государством Ширваншахов и русскими начались в Киеве, а не в Москве. В 10 веке, при династии Мазйаидов, Киевская Русь напала на Государство Ширваншахов [6, с. 38]. Точно так же русские корабли напали на Баку в 12 веке во времена династии Кесранидов [7, с. 143]. Контакты между ширваншахами и русскими продолжались, когда государство ширваншахов начало обретать независимость. Эти контакты носили не только военно-политический, но и коммерческий характер. Многие русские купцы имели торговые связи на территории Государства Ширваншахов.

Серьезные отношения Ширваншахов с Московским государством приходятся на вторую половину XV века [8, с. 607]. Государство Ширваншахов было районом постоянной борьбы между Сельджуками, Монголами, Золотой Ордой и Ильханами, Тимуридами, Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу с 12 по 15 века. С начала 15 века дербендская семья, которая была

правлящим родом государства Ширваншахов, был на стороне государства Тимуридов для защиты границ.

Фаррух-Ясар (1465–1500), последний независимый правитель государства Ширваншахов, сразу же после вступления на престол начал проводить независимую политику и пытался заключить союзы с некоторыми окружающими его государствами. Фаррух-Ясар, опасавшийся государств Тимуридов, Ак-Коюнлу и Золотой Орды, отправил послов в Османское государство и Московское государство. Он пытался установить дипломатические отношения с Московским государством из-за силы Золотой Орды, которая могла обернуться против его государства [5, с. 356]. Он хотел развивать торговые отношения, а также дипломатические отношения. С другой стороны, он пытался установить дипломатические отношения с Османской империей против государства Ак-Коюнлу. Фаррух-Ясар, который таким образом играл активную роль на политической арене, уделял особое внимание стороне Московского государства.

В 1465 году Фаррух-Ясар отправил своего посла Хасан-бея к Ивану III с ценными дарами для установления дипломатических и торговых отношений с Московским государством. Иван III принял посла тепло и принял дары от правителя государства Ширваншахов. У Хасан-бея дипломатическая встреча прошла успешно, результатом этого, стало то, что 1466 году, Иван III отправил своего посла Василия Папина в Шемаху, страну Государства Ширваншахов, с драгоценными дарами [9, с. 234]. Идея образования союза против Золотой Орды должна быть положена в основу этих дипломатических отношений, установленных между двумя государствами. После приезда Василия Папина - посла Ивана III, в 1466 году тверской купец Афанасий Никитин и его друзья отправились с Волги в Шемаху на двух кораблях. По пути из Астрахани в Дербент они подверглись нападению и пленению дагестанского правителя. Посол Ивана, находившийся в Государстве Ширваншахов, доложил об этом Фаррух-Ясару. В результате вмешательства Фаррух-Ясара русские купцы были освобождены. Установленные таким образом дипломатические отношения дали положительные результаты. Эти уцелевшие русские купцы были отправлены из Дербента в Койтул (ставку) вместе с другими московскими купцами. Ширваншах принял их с достоинством. Но из-за большого количества купцов он рассредоточил их по разным городам [9, с. 234–235].

«А мы поехали к Ширванше во Коитул и били есмь ему челом, чтобы нас пожаловал чем дойти до Руси; и он нам не дал ничего, ано нас много, и мы заплакав да разошлись кое куда его очи понесли, а иные остались в Шамахе, а иные пошли работать к Баке. А я пошел к Дербенте, а из Дербенти к Баке, где огонь горит неугасим, а из Баки пошел есми за море к Чебокару, да тут есми жил в Чебокаре 6 месяцев ...» [10, с. 332].

В это время в Ширван экспортировались такие продукты, как шелк-сырец, шерсть, нефть и соль. Кроме того, ширванский шелк был тонким и качественным, поэтому в Шемаху приезжали русские купцы. На рынках Шемаха русские купцы могли найти товары из Средней Азии, Ирана, Турции и Индии, такие как пряности, орехи, хлопчатобумажные материи, сорочинское пшено, в дополнение к вышеперечисленным товарам [11, с. 26]. Русские купцы привозили с собой такие продукты как: мечи, мед и меха [9, с. 235].

Русские купцы впервые пришли в Астрахань, расположенную в устье реки Волги. Купцы шли из Москвы в Астрахань на суднах за 40 дней [11, с. 29]. Также Астрахань играла

важную роль в торговле Ширвана и Восточной Европы в этот период. Купцы морем доставляли свои товары в Дербент и Баку, а оттуда с караванами шли в Шемахе и Иран.

Дипломатические отношения, установившиеся между Государством Ширваншахов и Московским государством, развивались положительно, поэтому в Москву была направлена новая посольская делегация. Шихаб ад-Дин, который был послом Ширваншахов в 1494 году, преподнес к великому князю московскому ценные подарки [9, с. 335]. Московское государство также хотело установить отношения с Ширваншахами. Таким образом, власть Московского государства воспользовалась бы влиянием Ширваншахов и это позволило бы русским купцам свободно торговать в Каспийском море и на его берегах [7, с. 100]. Таким образом, отношения между двумя государствами активно продолжались. Эти отношения продолжались как в коммерческом, так и в дипломатическом плане. В 16 веке мы видим, что эти отношения застопорились и развивались только в коммерческих целях. Причиной этого может быть то, что Московское государство интересовало присоединение территорий татарских государств (Крым, Казань, Астрахань, Касым) в 16 веке, а Ширваншахи больше были обеспокоены враждой с Сефевидами.

В результате государство Ширваншахов оказалось в стратегической точке. Район, созданный для защиты от набегов кочевых народов в первый период, временами был независимым. Он был важным торговым центром в арабо-мусульманский период. Из-за того, что он является важным торговым центром, он постоянно подвергается нападениям извне. Вопреки известному, контакты государства Ширваншахов с русскими восходят к X веку. Ширваншахи, находившиеся в постоянном контакте с Киевской Русью, а затем и с Московской Русью, еще более усилили эти отношения в 15 веке. Эти отношения были не только коммерческими, но и имели опыт дипломатических контактов. Между 1465 и 1466 годами послы курсировали между Московским государством и Ширваншахами. Были попытки создать торговые и дипломатические союзы. Однако с изменением политического баланса в XVI веке эти отношения ослабли, и Ширваншахи перешли под контроль Сефевидов.

Библиографический список

1. Sara Aşurbeyli, Şirvanşahlar // Dia. – С. 211–213.
2. Halil Altay Göde, Zeyneloğlu Cihangir'in Muhtasar Azerbaycan Tarihi Adlı Eserinin Çeviri ve İncelemesi / Halil Altay Göde. E. Ü. SBE, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, 1993.
3. Aşurbeyli Sara Hanım. Bakı şaharinin tarixi (Orta asırlar dövrü) / Sara Hanım Aşurbeyli. – Bakı: Parni İz Bakı, 2009. – 380 с.
4. Магарамов Ш. А. Сведения западноевропейских авторов XV–XVII вв. – важнейшие источники по взаимоотношениям Дагестана и Ширвана / Ш.А Магарамов // История, археология и этнография Кавказа. – 2010. – № 23. – С. 3–7.
5. Mehmetov İsmail. Türk Kafkası'nda Siyasi ve Etnik Yapı Eski Çağlardan Günümüze Azerbaycan Tarih / İsmail Mehmetov. – İstanbul: Ötüken Yay, 2009. – 853 с.
6. Дудин В.В. Взаимоотношения Древнерусского государства с Северо-Кавказским регионом в период правления на Руси Владимира Святославича (980–1015 гг.) / В.В. Дудин // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 37–39.
7. Вартольд В.В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира / В.В. Вартольд. – Баку, 1924. – 150 с.

8. Рыбар Л. Ширван и его роль в Русско-Сефевидской торговле и дипломатии в XVI веке / Л. Рыбар // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2020. – № 2. – С. 605–617.

9. Ашурбейли С.А. Государство Ширваншахов (VI-XVI вв.) / С.А. Ашурбейли. – Баку: ЭЛМ, 1983. – 344 с.

10. Полное собрание русских летописей. – Т. VI. – 360 с.

11. Фехнер М.В. Торговля Русского Государства со странами востока в XVI веке / М.В Фехнер. – М.: Государственное издательство, 1956. – 123 с.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ
ПО ОЦЕНКЕ НЕДВИЖИМОСТИ: АСПЕКТ ПОПОЛНЕНИЯ ГОРОДСКОГО
БЮДЖЕТА В 70-Е ГГ. XIX В.**

Якупов Альберт Гумарович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: alba220495@gmail.com

*Научный руководитель – Ибнеева Гузель Вазыховна, д.и.н., профессор
кафедры отечественной истории,*

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В статье представлены результаты исследования оценочной деятельности Казанской городской думы в 70-е гг. XIX в. как механизма пополнения городских бюджетов. В работе рассматривается процесс смещения института оценки как инструмента экономической политики в период великих реформ Александра I из предмета ведения государственной власти к области интересов органов местного самоуправления. На основе анализа делопроизводственной документации, отложившейся в Государственном архиве РТ, показана система оценки недвижимости на примере экспертизы строения в г. Казани в 1871 г. В результате исследования сделан вывод об эффективности оценочной деятельности, как инструмента экономической политики органов местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, великие реформы, оценочная деятельность, городские думы.

**ACTIVITY OF THE KAZAN CITY DUMA
ON REAL ESTATE VALUATION: ASPECT OF REPLENISHMENT
OF THE CITY BUDGET IN THE 70S OF THE XIX CENTURY**

Yakupov Albert Gumarovich

Kazan (Volga Region) Federal University,

E-mail: alba220495@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a study of appraisal activity as a mechanism for replenishing city budgets, using the example of the practice of the Kazan City Duma in the 70s of the XIX century. The paper examines the process of shifting the institute of assessment, as an instrument of economic policy, from the subject of state authority to the area of interests of local self-government bodies during the great reforms of Alexander II. Based on the analysis of the office documentation of the State Archive of the Republic of Tatarstan, the system of real estate valuation is shown on the example of the examination of a building in Kazan in 1871. As a result of the study, a conclusion was made about the effectiveness of evaluation activities as an instrument of economic policy of local self-government bodies.

Keywords: local self-government, great reforms, evaluation activities, city councils.

Введение

В эпоху великих реформ во второй половине XIX в. города Российской империи получили финансовую независимость от органов центральной власти и должны были самостоятельно находить средства для пополнения городских бюджетов и ведения экономической политики. Одним из инструментов формирования бюджетов городов стал институт оценки, который с введением в действие Городового положения 1870 г. превратился в важный элемент стабильного поступления средств в казну органов местного самоуправления.

Методы исследования

В ходе исследования применялся сравнительно-исторический метод для анализа изменений в развитии института оценки в различные эпохи становления отечественной государственности. При определении расчетов по размеру оценочного сбора с имущества отдельных горожан использовался также математический метод. Для более точного понимания терминологии данной работы, такие категории как «оценка», «оценочная деятельность» и «экспертиза» используются как синонимы.

Результаты и их обсуждение

К моменту проведения великих реформ во второй половине XIX в. институт оценки недвижимости был важным элементом осуществления социально-экономической политики на общегосударственном уровне. Вместе с тем, экспертиза, как инструмент государственной экономической политики России, зародилась задолго до преобразований Александра II. Со временем ведение работ по оценке недвижимого имущества смещалось от общеимперских органов власти к органам местного самоуправления.

Так, специалисты в сфере экономики полагают, что оценочная деятельность в России берет свое начало XV в., когда финансовый анализ стоимости земельных участков, которые находились в собственности государства, представлял собой самостоятельное направление политики верховной власти [2]. Подобный подход подтверждается и некоторыми историками, считающими, что такое положение дел было обусловлено характером экономических связей в обществе. Это обуславливалось тем, что оценка недвижимого имущества, в основном, земли, сопровождалась определением ее стоимости с прикрепленным к ней крестьянином или наделением за службу и проведением дальнейшей экспертизы земельных наделов (поместных окладов) [4, с. 100–107].

Уже в первой половине XVI в. был создан специальный государственный орган – поместный приказ, который занимался сохранением книг и записей, на основе которых определялись и устанавливались размеры налогообложения для владельцев земли. В этот период, оценочная деятельность пришла в своем развитии к логическому прогрессу и теперь, информация, получаемая в результате оценки земельных участков, являлась базой для определения размеров налогообложения.

В дальнейшем, до преобразований Петра I институт оценки не претерпевал особых изменений.

В петровскую эпоху с введением подушной подати и отменой установленной в XVII в. экспертизы частновладельческой земельной собственности (вотчин и поместий), необходимость в проведении оценки для целей налогообложения отпала. Вместе с тем, в этот период получает развитие судебная система страны, в которой активно применяются инструменты оценочной деятельности. В этом отношении заслуживает внимания практика, существовавшая

до 30-х г. XVIII в.: если оцениваемое имущество не было продано по той цене, которую указал оценщик, или по более высокой цене, то разница между результатом оценки и ценой продажи взималась с оценщика [6, с. 256–259]. Это правило применялось в сфере судебных разбирательств по таким категориям споров, как раздел имущества, наследование, залог, продажа имений и взыскание долгов.

Подобное положение дел, конечно, приводило к занижению цены со стороны оценщиков, которые опасались несоответствия вычисленной ими стоимости имущества, и той цене, по которой оно в дальнейшем продавалось по результатам судебного решения. С точки зрения благоприятности экономического состояния Российской империи, правило, ограничивающее оценщиков, имело негативные последствия, потому что эту собственность не мог приобрести тот, кто готов был заплатить наибольшую цену. Специалисты в области экономической теории негативно отмечают подобный подход к государственной политике в области оценочной деятельности, который приводил к неэкономическому распределению собственности [3]. Данное правило было отменено в период правления Анны Иоанновны в 1738 г. [6, с. 256–259]. В дальнейшем оценщики не были обременены необходимостью занижать результат своей экспертизы. Так, вычисленная стоимость имущества, которую указывали оценщики, стала приближенной к реальной цене, что привело его к более справедливому распределению.

Ввиду расширения спектра выполняемых оценщиками работ в последней четверти XVIII в., верховной власти потребовалось решать проблему повышения их профессионального уровня и увеличения штата на всей территории России. Важным вопросом в этой связи явилась подготовка кадров для ведения оценочной деятельности. Так, во второй половине XVIII в. российское государство начало проявлять заботу об обучении будущих оценщиков, для увеличения штата которых в 1779 г. в Москве была создана Константиновская землемерная школа. Позднее, уже при Николае I в 1835 г. Константиновская землемерная школа была преобразована в Межевой институт.

В силу указанных обстоятельств в среде специалистов в области экономической истории сформировано небезосновательное мнение о развитой школе оценки в России, образовавшейся к началу XIX в. [7, с. 104–105]. В первые годы XIX в. были созданы новые условия для работы специалистов в области оценки, что было связано с либеральными реформами раннего периода правления Александра I и последующими изменениями в сфере земельного права. Указом от 12 декабря 1801 г. представителям свободных сословий России – казенным крестьянам, мещанам и купцам, было даровано право приобретать в собственность землю вне городов и без крестьян. Этим документом была положена крупнейшая переоценка земельного фонда империи уже для целей определения покупной цены в условиях свободной продажи между частными лицами, а не для межевания, размежевания или судебного дела. Так, оценочное ремесло вышло на другой уровень в содействии покупке и продажи недвижимости, а сам результат оценки стал максимально приближен к рыночным условиям.

На подобной правовой и экономико-теоретической базе подошло оценочное дело к периоду реформ Александра II, когда ценность оценки возросла многократно, ввиду социальных и финансовых преобразований России в целом и местного самоуправления в частности.

Первым этапом реформирования оценочного дела при Александре II явилось издание в 1859 г. «Инструкции для оценки казенных земель», состоящих в пользовании государственных крестьян, на случай их продажи в собственность этим крестьянам. Так, инструкцией было

закреплено установление результатов оценки посредством определения доходности и ценности земли, то есть предусматривались различные подходы в ее определении. Сущность данной реформы подтверждает высказанный ранее вывод о формировании крепкой оценочной школы в России к периоду преобразований Александра II. Вместе с тем, издание инструкции 1859 г. предоставило правовую основу для проведения оценочной деятельности пореформенной России.

Далее оценочная деятельность развивалась по двум основополагающим направлениям: расширение спектра задач оценочной работы и смещение управленческих механизмов в области оценки с общеимперского уровня на городской.

Оценочная работа была усиленно возобновлена в связи с отменой крепостного права в 1861 г., поскольку потребовалось вести фискальный кадастр для самых разных задач – налогообложения, учета собственности растущего количества новой когорты собственников. В период после отмены крепостного права в 1861 г., как и ранее, роль оценщика сводилась к статистическому анализу и учету. С проведением же земской реформы 1864 г. и, в особенности городской реформы 1870 г., произошло коренное преобразование института оценки, как с позиции роли оценщика, так и с точки зрения структуры управления оценочной деятельностью на территории Российской империи.

Так, до эпохи великих реформ Александра II работой по организации оценки имущества всегда занималась центральная власть, либо органы центральной власти на местах, и своими распорядительными функциями осуществляли учет всего имущества на территории Российской империи. В годы же великих реформ полнота, ответственность и реализация оценочного дела была полностью предоставлена местной власти – органам местного самоуправления [8, с. 132–138].

В начале проведения земской реформы, оценочное дело было закреплено за земскими и уездными учреждениями, что характеризует смещение полномочий в этой сфере с общеимперского уровня на губернский. Однако глубина реформ Александра II позволила к моменту издания Городского положения 1870 г. закрепить функции по оценке недвижимого имущества именно за городскими думами.

Основополагающая норма, устанавливающая ответственность городских управленцев в сфере реализации политики государства в области оценочной деятельности, отражена в ст. 128 Городского положения 1870 г. (пункт «а») [1]. В ней указано, что Городской думе предоставляется право устанавливать в пользу города оценочный сбор с недвижимых имуществ. Это исключительное по своей сути право обеспечивало пополнение городской казны без учета мнения центральной власти и предоставляло городу свободу в экономической политике при определении ее направления и финансирования инициатив по своему усмотрению.

Безусловно, это правило содержало исключения, и нельзя было взимать плату с императорских дворцов, казенных, благотворительных и учебных, духовных зданий, земель железных дорог и малоценных имуществ. Причем определение малоценности имущества также возлагалось на городские думы.

Подобную экономическую политику Российского государства следует рассматривать положительно, поскольку оценка недвижимости на принципах рыночного установления ее стоимости подтверждала значимость определения прав собственности и их защиты в тот период [9].

Масштабность преобразований институтов рыночной экономики в России, к которым, конечно, относится институт оценки, была беспрецедентной. Так, имперская власть не только

предоставила свободу и полномочия городским думам, но и не вмешивалась в деятельность органов местного самоуправления, за исключением случая, обозначенного в Городовом положении 1870 г. Такое обстоятельство было определено в ст. 130 Городового положения 1870 г. где было установлено, что размер сбора не должен превышать 10% чистого дохода с имущества или 1% от его стоимости. Следовательно, государство предоставило право городским думам определять размер оценочного сбора в коридоре от 0 до 10% от дохода от использования имущества или в промежутке от 0 до 1% от стоимости имущества. Подобный подход соответствует современным представлениям об устройстве государства, экономической политике и местном самоуправлении.

Рассмотрим пример проведения оценки для расчета оценочного сбора со строения отставного кандидата Андрея Карпова в 1871 г. и предоставления льготы при уплате квартирной повинности (табл.1).

Таблица 1

Оценочная табель строения Андрея Карпова [5]

Доход	Расход	Во сколько % оценивалось имущество	В какую сумму оценено имущество	Оценочный сбор
24 р.	2 р. 40 коп.	12%	180 р.	1 р. 7 коп.

Главной задачей данной оценки являлась необходимость установления процентов от суммы имущества, которые приносили владельцу доход. К указанной выше таблице был также приведен расчет, свидетельствующий о поиске этого процентного выражения:

$24 - 2.40 = 21.6$ (чистый доход), который и составлял 12% от суммы имущества в денежном выражении. Таким образом, упомянутое выше правило, о верхних границах размера оценочного сбора, не позволило бы вменить Андрею Карпову выше 10% от 21.6 р. (2.16 р.) или выше 1% от 180 р. (1.8 р.) В этой связи, решением Казанской городской думы Андрею Карпову был назначен оценочный сбор в размере – 1.7 р., что составило меньше 1% от 180 р. (стоимости имущества). Сумма в размере 1.7 р. приписывалась к городской казне.

Заключение

Итак, ведение работ по оценке недвижимого имущества в России второй половины XIX в. сместилось от общеимперских органов власти к органам местного самоуправления.

Проведение городской реформы Александра II предоставило думам российских городов свободу в определении политики в области ведения оценочной деятельности, за исключением ограничений, установленных Городовым положением 1870 г. Возможность самостоятельного выполнения экспертизы и определения размера оценочного сбора позволила органам местного самоуправления выработать механизм пополнения городских бюджетов. Таким образом, институт оценки стал эффективным элементом, помогающим функционированию российских городов во второй половине XIX в.

Библиографический список

1. Городовое положение, выс. утв. 16 июня 1870 г.: [С прил. ст. законов, на которые сделаны ссылки, и разъяснений М-ва вн. дел]. – Тула: Тип. Н.И. Соколова, 1871. – 142 с.

2. Грязнова А.Г. Оценка стоимости предприятия (бизнеса) / А.Г. Грязнова. – М.: Интер-реклама, 2003. – 544 с.
3. Коуз Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз. – М.: Новое издательство, 2007. – 221 с.
4. Межуева Т.В. История становления и развития оценки земли в России / Т.В. Межуева // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2007. – № 2. – С. 100–107.
5. Оценочная табель строения Андрея Карпова от 1871 г. // ГАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 40. Л. 83.
6. Салтыков А. П. Исторический опыт оценочной деятельности России как основа организации системы оценки объектов недвижимости / А.П. Салтыков // Молодой ученый. – 2010. – № 1–2. – С. 256–259.
7. Царева Н.А. Становление оценочной деятельности в России // Н.А. Царева // Экономические стратегии. – 2001. – № 6. – С. 104–105.
8. Чашников М.А. Земская и городская реформы Александра II / М.А. Чашников // Вестник науки. – 2021. – № 1. – С. 132–138.
9. Eklof B. Russia's Great Reforms, 1855–1881 / B. Eklof. – Bloomington: Indiana University Press, 1994. – 297 с.

*Электронное научное издание
сетевого распространения*

АСПИРАНТСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023

**ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
В РЕШЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НАУКИ И ПРАКТИКИ**

**Электронный сборник материалов
научно-практической конференции**

Казань, 26–28 апреля 2023 г.

Верстка

Н.В. Зайнеева

Дизайн обложки

Н.В. Зайнеева

Подписано к использованию 16.08.2023.

Гарнитура «Times New Roman».

Заказ 92/2

Издательство Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)